Алексей Диброва

Артековский закал

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

18 июня 1941 года в Артек приехали школьники из Белоруссии, России, Украины, впервые — ребята из Прибалтики. И их сверстники из Германии, Польши, Испании… Через два дня началась новая смена… А через 4 — война. Но смена не закончилась, было принято решение эвакуировать Лагерь. Начались долгие странствования артековцев по военным дорогам. Поезда, автомобили, пароходы… Артек жил. Артековцы хранили и соблюдали свои традиции, вместе преодолевали большие и малые трудности военного времени. Наравне со взрослыми работали на колхозных полях, в военных госпиталях. Готовили посылки на фронт, выступали с концертами перед бойцами… Флаг Артека поднимался над Москвой, Сталинградом, в Донских степях и на Алтае. Артековское приветствие слышали Казань, Саратов, Челябинск, Омск, Новосибирск…

- Алексей Диброва
  -
  - ВЕЗУТ, ВЕЗУТ РЕБЯТ!
  - ЗДЕСЬ ВОЗДУХ ГОЛУБОЙ!
  - ПЕРВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ
  - ОТКРЫТИЕ ЛАГЕРЯ
  - ПОСЛЕДНИЙ ЗАЕЗД
  - ВОЙНА!
  - НЕЗАКОНЧЕННЫЙ МАРШРУТ
  - ПРОЩАЙ, КРЫМ!
  - ВСТРЕЧА С ЛЕРМОНТОВЫМ
  - ВОЛГА-ВОЛГА
  - ОТ ВОЛГИ ДО ТИХОГО ДОНА
  - АРТЕК ЖИВЁТ ВНОВЬ!
  - ИГРА БЕЗ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
  - ПОЕЗДКА С АВАРИЕЙ
  - ГЕНА ЛИХОНИН
  - В СТЕПИ
  - РЫЖИК И БУЛАНКА
  - ТРУДНЫЙ ПУТЬ
  - СТАЛИНГРАД
  - ЗДРАВСТВУЙ, НОВЫЙ ГОД!
  - НАШИ УНИВЕРСИТЕТЫ
  - ШАГАЙ ВПЕРЁД, КОМСОМОЛ!
  - ЮНЫЕ ШЕФЫ
  - ЭКСПЕДИТОРЫ

- ВОЙНА СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ
- ВЕСНА — ВРЕМЯ ПЕРЕЛЁТОВ
- СЕРЕБРЯНЫЕ ПРУДЫ
- МАЛЯРИЯ
- ГРОЗА
- ВЫСТРЕЛЫ С НЕБА
- НА ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ
- ПОДНЯТЬ ПАРУСА
- ЕВРОПА — АЗИЯ
- БЕЛОКУРИХА
- «АВРОРА»
- ШКОЛА
- АЛТАЙСКАЯ ЗИМА
- ХЛЕБ ФРОНТУ
- ЛЫЖНЫЙ СЕЗОН
- РОЖДЕНИЕ ОРКЕСТРА
- ВОЛОДЯ СМОЛОВ
- ВТОРАЯ ВОЕННАЯ ВЕСНА
- «АСО» — ДВЕ РУЧКИ — ОДНО КОЛЕСО
- РОЖДЕНИЕ АЛТАЙСКОГО АРТЕКА
- ПОЖАР В ГОРАХ
- МЕЧТЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
- ОЙ, КУДА ТЫ, ПАРЕНЁК?
- ФРОНТ
- МОИ ДРУЗЬЯ
- ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ?
- ЭПИЛОГ

Алексей Диброва
АРТЕКОВСКИЙ ЗАКАЛ

От имени читателей большое спасибо артековцам 1941–1944 годов: Дрогайловой /Товма/ Галине Степановне (г. Комрат, Молдова) и Морозовой /Егоренковой/ Елене Павловне (г. Рославль, Россия), сохранившим рукопись своего артековского друга и передавшим её для публикации.

ВЕЗУТ, ВЕЗУТ РЕБЯТ!

И подымается в дымке далёкой
Силуэтом гора Аю-Даг…

Из артековской песни.

Жил медведь в горах. Вдали сверкало и манило море. Надоело медведю карабкаться по крутым тропам, и пошел он напрямик к манящей голубизне. Медведь был большущий, лохматый и очень неуклюжий. Подошёл, наконец, он к морю, уставший и разомлевший от жары. Его томила жажда, а море дразнило своей прозрачной, колыхающейся волной. Забрёл он по брюхо и давай лакать солёную воду. Сердился зверь и фыркал: вода была ему не по вкусу.

Он глубже опустил голову и продолжал пить…

Кто его знает, почему он не смог вытащить головы из воды. Он так и застыл на века, окаменев у берега лазурного моря, которое позднее люди назвали Черным. Мысом вдается в море Медведь-гора или Аю-Даг, а вокруг ласково плещут тёплые морские волны.

Приятно медведю, поэтому и не уходит он от морского берега.

Издали заметна его большущая выгнутая спина, мохнатые бока.

Иногда кажется, что он вдруг подымет голову, фыркнет и уйдёт в горы. Но проходят тысячелетия, а медведь не просыпается…

У подножья цветут магнолии, зеленеют стройные стражи-кипарисы, алеют розы, благоухают яркие цветы, а на галечниковом берегу вечно шумит прибой. Красиво здесь! Дышится легко и свободно. Солнышко мягко щекочет лучиками каждого, кто попадает в этот сказочный мир Южного Крыма.

И вот пришли сюда жизнерадостные мальчики и девочки в красных галстуках. Не пугаясь грозного медведя, они построили невдалеке свой чудо-лагерь и назвали его красивым загадочным словом — «Артек». Было это в 1925 году.

Именно тогда известный большевик-ленинец, основатель «Артека» Зиновий Петрович Соловьёв сказал: «Дорога в Крым благодатный, блистающий всеми красками, какими только обладает природа, — для пионеров открыта. Её открыл лагерь в „Артеке“». (Теперь эти пророческие слова высечены на памятнике З. П.Соловьёву в Горном лагере «Артека».)

…И потекли по этой дороге в Крым ручейки звонкоголосой ребячьей реки.

Тысячи советских и зарубежных детей отдохнули здесь. Но речь пойдёт не обо всех артековцах (возможно, такую книгу ещё напишут), а лишь об одной, очень затянувшейся смене артековцев военного времени. Речь пойдёт о дружных ребятах одинаковой судьбы, одинакового закала, о сплоченной многонациональной семье «Артека» военного времени.

Везут, везут ребят!..
И паровоз гудит,
И самолёт летит —
В «Артек»! В «Артек»!

(из артековской песни)

Каждый помнит свою первую поездку, она долго не забывается. Для многих моих сверстников такой была поездка в «Артек». Я до этого дальше райцентра никуда не ездил. И вот путёвка в кармане, экзамены позади, рядом мама в купе поезда, идущего в Симферополь. До сих пор удивляюсь: почему именно мне досталась чудо-путёвка? Разве я один учился на отлично во всей Полтавской области накануне войны? Конечно, нет. Просто — повезло!

Помню, я с интересом и ребячьей завистью читал в «Пионерской правде» заметку об «Артеке»: с фотографии улыбались весёлые детские лица в белых панамах. «Счастливые!» — подумал тогда я.

Путёвку вручили в Лохвицком райкоме комсомола.

— А как мне быть с комсомольским билетом, брать с собой или нет?

— А ты что — комсомолец? — спросил секретарь.

— Да, в мае приняли. Лагерь ведь пионерский, не буду ли я иметь неприятности из-за этого?

Секретарь, немного подумав, посоветовал:

— А ты сделай так: билет оставь дома, за сорок дней с ним ничего не случится, а в лагере будь пионером.

Тогда никто не мог предвидеть, что всё обернётся по-иному… Начинался июль 1941 года.

Со всех концов необъятной страны ехали ребята в крымский «Артек». Их всех не перечесть, но среди тысяч пионеров были и те ребята, которые прошли дружной семьёй трудные дороги войны под флагом «Артека».

…Пыхтели, тужась, паровозы, составы стучали сотнями колёс все ближе к цели.

Богатыми были дорожные впечатления, каждому хотелось взглянуть на Перекопский перешеек из окна вагона. Проезжающие ребята вспоминали рассказы учителей о боях под Перекопом и на Сиваше в грозные годы гражданской войны, о дерзновенной смелости красноармейских полков Блюхера и Федько. Никому и в голову не могло придти, что через несколько месяцев крымская земля снова станет ареной жесточайшей битвы с новым, более коварным врагом. Никто этого тогда не знал.

В Симферополе ребята прошли предварительный медосмотр, пообедали и уже здесь чувствовали себя членами единой семьи. По команде вожатых разместились в автобусах, на прощание помахали родителям из окошек, и вот уже город остался позади.

Крымские горы. Так вот вы какие! Гордые! Очаровательные! Дорога извивалась в горах длинной лентой, огибая крутые склоны, поросшие огромными дубами, буками с гладкими серыми стволами и роскошной кроной. Слева, будто древняя турецкая крепость, белел известковыми карнизами горный массив. Ребята с интересом рассматривали горные пейзажи, восхищаясь дивной красотой юга. Но это не мешало им дружно петь песню об «Артеке», только что разученную в автобусе:

Везут, везут ребят,
Машины встречные гудят:
— Куда везёте столько человек?
Прохожий смотрит вслед
И слышит он в ответ:
— В «Артек»! В «Артек»!

Навстречу действительно бежало много машин, автобусов, и все водители их и пассажиры, казалось, приветствовали ребят.

Из Омска, из Орла,
Из пограничного села, —
Со всех концов лесов, полей, и рек.
И паровоз гудит,
И самолёт летит —
В «Артек»! В «Артек»!

Ехала из буковинского села Катя Каплунская, из черниговского — Шура Костюченко, от берегов голубого Дуная — Миша Фаторный и Вася Заболоцкий, со Смоленщины — Лёля

Егоренкова и Игорь Сталевский, из Витебска — Юра Мельников, из Бреста (тогда ещё мало кому известного) — Натан Остроленко и Яша Олесюк, ехали из Кишинёва и Одессы, Таллина и Харькова, Москвы, Петрозаводска и Тирасполя, с далёкого Урала — туда на юг, к самому синему морю, куда долетала только их детская мечта.

ЗДЕСЬ ВОЗДУХ ГОЛУБОЙ!

Люди не рождаются, а становятся теми, кто они есть.

К. Гельвеций.

На перевале вдали заголубел горизонт.

— Море! Море! — закричали в автобусе. Все прильнули к окнам.

Песня ударила с новой силой:

Здесь воздух голубой,
У берегов шумит прибой,
Кто был хоть раз —
Запомнит тот навек:
И силуэт горы,
И под горой костры —
«Артек»! «Артек»!

Теперь автобусы катились осторожно под уклон, а море то показывалось на время вдали, то снова сверкало сквозь густой шатёр зелени. Песня не смолкала.

В Алуште впервые увидели море вблизи: на берегу было множество купающихся, в море белели яхты, а море — большое, ленивое, будто вздыхая, катило на берег прозрачные волны, и они с шумом пенились на прибрежной гальке, откатываясь назад и вновь стремительно набегая на купающихся.

Сделали небольшую остановку, подышали свежим воздухом, и снова дорога стлалась под колёса автобуса. «Артек» встретил ребят радужной аркой-воротами и долгожданной остановкой.

После бани они не узнавали сами себя: белые трусики, блуза, панама, красный галстук — красноречиво подчёркивали их принадлежность к артековской семье. «Вот и я стал артековцем!» — подумалось каждому, и такое становление было очень приятным. Ребята восхищались пейзажем: во все стороны раскинулось море цвета небесной голубизны. Местами вдалеке в нём поднимались ручейки дыма далёких пароходов. Вокруг буйствовала зелень неизвестных растений, угадывались лишь роскошные сосны, а ниже — пальмы. Казалось, будто новый мир открывался перед детскими глазами, и в нём им суждено прожить целых сорок дней.

— Ну, здравствуй, «Артек»! — произнёс кто-то негромко.

— Салют, «Артек»! — подхватил чей-то уверенный голос, и ребята побежали вниз, к ряду деревянных корпусов на берегу моря.

Жизнь пошла, как заведённый механизм, чётко, легко, весело. Утром по сигналу горна все вскакивали с постелей и бежали на зарядку, солнышко щекотало ребят нежными лучами, утренняя прохлада бодрила, дышалось легко и свободно. Гимнастические упражнения выполняли под аккомпанемент баяна.

Потом умывались, заправляли постели и строем шли завтракать в столовую, откуда было видно и голубой горизонт моря, и горбатый силуэт Аю-Дага, и скалы в море.

После завтрака пионерские отряды строились на костровой площадке. Сдавались рапорты, и под дробь барабанов на лагерной мачте поднимался красный артековский флаг.

— Лагерный день начат! — торжественно произносил старший вожатый. Сколько интересного ожидало ребят ежедневно: разучивание артековских песен, поход к морю, на мыс Аю-Даг, увлекательная работа в кружках детской технической станции, спортивные игры, катание на велосипедах, морская прогулка на катере, просмотр кинофильмов, — всего не перечесть, и каждый день что-то новое, интересное. Ребята быстро подружились между собой. Я успевал поиграть в шахматы с москвичом Феликсом или пойти в ДТС на фотокружок с ярославцем Юрой, поиграть в волейбол и покататься на велосипеде с испанцем Димасом, который умел исполнять много цирковых трюков на велосипеде.

После франкистского переворота в республиканской Испании, в «Артеке» отдыхало много испанских детей. Советские люди радушно приняли их в свою многонациональную семью, предоставив им возможность учиться в школе и отдыхать в лучших здравницах страны. Испанцы отличались не только чёрными кудрями, но и живостью характера, располагали к себе искренностью, изобретательностью и юмором. Они уже знали достаточное количество русских слов и этого «запаса» им вполне хватало для общения с артековцами. А смуглая Лоренсия старалась быть переводчиком у соотечественников, растолковывая им какое-нибудь новое русское слово. Среди испанских девушек выделялась черноглазая спортсменка со знакомым именем — Аврора. «Революционная девушка» — называли мы её. Она была крепкого телосложения, отличалась коллективистским характером, горячим темпераментом. Испанцы о ней говорили, что на родине в грозные дни революционных боёв с франкистами Аврора была медсестрой в батальоне

республиканцев легендарного Листера, и не одного раненного вынесла с поля боя. А Димас добавлял:

— Сама Пассионария благодарила Аврору за отличную службу!

— Но пасаран! — поднёс он сжатый кулак к голове.

Поэтому уважение ребят к смелой девушке росло с каждым днём.

Близкое знакомство с голубой стихией состоялось на катере «Павлик Морозов». Он стоял, как белый лебедь, что собрался вот-вот взлететь, возле артековского причала, чуть покачиваясь на лёгкой волне, в ожидании пионеров. И они не задержались, получив разрешение на посадку старшей вожатой Гали. Вприпрыжку, с шумом бежали по причалу:

— Садись, ребята!

— Пропусти меня на нос!

— А меня — на корму!

— Старого моряка пропустите к штурвалу!

— Здесь нет штурвала, а руль.

— Что ты меня учишь, я — моряк!

— Ой, девушки, страшно!

— Женя, давай руку, с этой стороны не укачивает!

— За борт не переваливаться — исчезнешь! — раздалась громкая команда моториста катера. Он завёл мотор, катер горделиво, по-лебединому поплыл от причала в открытое море. Волны разбегались под углом от носовой части в обе стороны, а за кормой пенилась прозрачная морская вода. Миновали две скалы в море, на них хозяйничали чайки, одни спокойно сидели, не реагируя на приближение катера, другие, жалобно крича, летали низко над водой, на миг касаясь её белой грудью, зорко выслеживали зазевавшихся рыбок.

— Среди них тоже есть лежебоки и работяги, — заметил кто-то.

— И философы тоже, — добавили в тон ему.

— Ребята, споёмте нашу любимую! — взмахнула рукой вожатая отряда Паня и первой уверенно начала:

У причала качается катер,
Нам пора отправляться в поход!

Все дружно подхватили, перекрывая рокот мотора:

Море волны прозрачные катит,
Море с нами сегодня поёт!

Катер развернулся и пошёл к берегу, но не к причалу, а к высокой и крутой скале. Подъехали совсем близко.

— Это, ребята, — «Ласточкино гнездо», здесь бывал в своё время Пушкин, — рассказывала Паня.

Катер, обогнув скалу, осторожно въехал под каменный свод и остановился: со всех сторон и над головой висели каменные глыбы, отшлифованные морскими волнами на протяжении многих веков. Вода почему-то казалась здесь зелёной.

— А это — пушкинский грот.

— И здесь он тоже бывал?

— Возможно, что был, он был во многих местах черноморского побережья, — продолжала Паня.

— Какое чудо вода сделала! — увлечённо проговорил кто-то.

— Для этого нужны были тысячелетия, — заметил Лёва Пастухов, — пионер с Урала, которого ребята прозвали профессором — он один был в очках и очень увлекался коллекционированием минералов, днями пропадая на Аю-Даге. А вторым его хобби было изучение морских обитателей. Однажды, после купания в море, Лёва принёс в палату увесистый свёрток и засунул его в тумбочку. Никто на это не обратил особого внимания, зная его увлечение минералами. Ночью всех разбудил чей-то истошный крик, все проснулись, включили свет. Чудо-чудное: на полу ползали неуклюжие морские крабы, а к Юре они по сползшей простыне залезли в кровать, пощекотали ему бока, разбудив и напугав сонного парня. Лёва соскочил с постели и начал собирать своих недисциплинированных подопечных, бережно пряча их снова в тумбочку.

— Ты, товарищ геолог, брось эти штучки! Завтра ты надумаешь крокодила в палату принести, а потом какого-нибудь динозавра! — зашумели мы на него и заставили с трудом выбросить всю живую коллекцию через форточку, после чего все снова уснули. После этого случая Лёва продолжал собирать только минералы, и ночью ребят больше никто не тревожил.

ПЕРВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Честные люди всегда имеют дурную привычку со стыдом опускать глаза перед наглою и нахальною подлостью.

В. Белинский.

Кровать, на которой я спал, стояла напротив входных дверей нашей палаты и поэтому проверка заправленных постелей начиналась ежедневно с моей койки. В тот день, как всегда после зарядки я старательно застелил матрац одеялом, обернул край простыней, поправил подушку и спокойно пошёл умываться. Тем временем дежурный вожатый произвёл проверку. Когда я, вытираясь на ходу, пришёл в палату, то сразу заметил, что одеяло на моей постели завёрнуто к подушке, что означало неправильную заправку. «Так старался, а придётся всё сначала», — подумал и застелил по-новому. В строй, понятно, немного не успел и в столовую побежал один.

На аллее меня остановила старшая вожатая Галя.

— Из какого отряда? Почему без строя? Как фамилия? — посыпались её вопросы.

— Из первого. Перестилал постель. Диброва. — лаконично ответил я.

Галя сердито посмотрела на меня строгим взглядом и разрешила идти на завтрак, предупредив, чтобы подобного больше не случалось.

За завтраком кто-то, озорничая, стрельнул косточкой черешни мне в глаз, виновника я не узнал.

«Ну и день начался сегодня» — с некоторым огорчением подумал я. Потом вспомнил, что сегодня день занятия фотокружка, нужно идти на ДТС. Разыскал Юру Зубова. На занятии внимательно выслушали советы и наставления руководителя, получили фотоаппарат, запас пластинок и отправились к Медведь-горе на произведение фотосъемки. Шли медленно по берегу, уточняя план действий. Море будто дышало: спокойные волны медленно накатывались на шуршащую гальку, обдавая ребят солёными брызгами. У берега, на большущих камнях сидели загорелые рыбаки с удочками, увлечённые своей работой.

— Это и будет наш первый фотообъект! — радостно решил вслух Юра и щелкнул затвором.

Подошли к выходящему в море небольшому ущелью, по дну которого весело журчал неутомимый ручей. Теперь я сфотографировал друга на фоне ущелья, заставив его рассматривать камень.

— Нужно создать непринуждённую обстановку, чтобы всё выглядело совершенно естественно, а не просто позировать перед объективом! — продублировал я слова руководителя кружка.

Пошли дальше, приближаясь к Медведь-горе. Начали подниматься по склону, который был достаточно пологим, а потом крутизна увеличилась, продвигаться стало тяжело. Мы сопели, как ишаки, пот градом струился по лицу.

— Достаточно! — прохрипел я. — Отдохнём!

Присели, немного отдышались. Юра заметил немного выше по склону небольшую площадку.

— Давай взберёмся туда и сделаем несколько панорамных снимков! — предложил он.

— Дело! Чур, я первый! — и я начал карабкаться по склону вверх. С трудом залез на площадку, крикнул Юре:

— Сфотографируй меня снизу!

— Готово! — вскоре крикнул он.

Потом мы поменялись местами: я спустился вниз, хотя это было намного труднее, ноги постоянно срывались с опоры, а Юра полез на площадку, цепляясь за кусты и выступающие камни.

Вот он, наконец, наверху, я навёл объектив, щелкнул затвором и отвёл взгляд на море. Вдруг, что-то прошумело мимо, и я заметил сползающего по склону Юру. Он не в состоянии был остановить катастрофическое положение, а я не поспевал к нему на помощь. Он молча, довольно быстро сползал вниз, вскоре его не стало видно, только внизу он вскричал и снова утих.

Я поспешил вниз. «Что с ним? Неужели расшибся?» — беспокоила меня мысль. Юра лежал возле куста и тихонько стонал, руки были исцарапаны, одежда сильно измята и испачкана, на коленке виднелась глубокая ссадина. Мне он в тот миг напомнил героя поэмы «Мцыри» после поединка с барсом.

— Ну, как ты, Юра? — наклонился я к нему.

— Понимаешь, камешек из-под ноги сорвался — меня и потянуло вниз. Если бы не этот куст — искал бы ты меня в море, — морщился он от боли.

Я помог ему подняться:

— Пошли потихоньку!

Но друг не мог идти, болела разбитая нога. Он похромал немного, потом сел на камень:

— Дальше не могу!

— Давай я тебя осторожно понесу!

— Ну что ты, я ведь большой, — скромничал он.

— Ничего, я сдавал нормы комплекса ГТО и ГСО, знаю, как таких потерпевших переносить на себе! Давай!

Юра недоверчиво смотрел на меня, но я настойчиво отдал ему фотоаппарат, осторожно взвалил его на плечи и медленно пошёл берегом. Несколько раз приходилось отдыхать. Юра повеселел, начал даже напевать какую-то мелодию.

На технической станции сдали свой материал, Юре сделали перевязку, и он самостоятельно ковылял рядом, наотрез отказавшись от «дешёвого транспорта». Шли дорожкой сада. За низкой изгородью на рядах груш виднелись дозревающие увесистые плоды, зеленели гроздья винограда.

— Юра, ты пробовал виноград?

— Пробовал ещё маленьким, отец привозил.

— А я свежего никогда ещё не ел, — признался я товарищу.

— Большая забота! Пойди и попробуй! Никого же не видно.

— Да ну, нехорошо как-то…

Хотя на самом деле я был не против попробовать эту диковинку, которая вот рядом хвасталась своими витаминами, выставив грона. Все запреты отступили на задний план, я не смог удержаться от соблазна, быстро перемахнул через изгородь, подбежал к кусту и сорвал небольшую гронку и возвратился назад.

Оторвал половину Юре:

— Пробуй!

Оба громко чавкали сочные, ещё зелёные ягоды, кривляясь, как среда на пятницу.

— Даже Москву видно! — шутил Юра.

Возвратились в отряд как раз вовремя: сигналист проиграл на обед, после которого начинался мёртвый час или абсолют, — то есть обязательный сон для всех. После утомительного похода я быстро уснул. Когда после подъёма пошли на полдник меня позвали к старшей пионервожатой. Я не мог догадаться, зачем я ей понадобился. В кабинете посторонних не было. Галя сидела за столом и что-то писала.

— Подойди поближе! Вот нам довелось увидеться вторично сегодня!

Я вопросительно передёрнул плечами.

— Рассказывай, что сегодня делал после завтрака.

— Ходил на детскую техническую станцию.

— С кем?

— С Юрой Зубовым.

— А потом?

— Ходили с ним к Аю-Дагу на фотосъёмку.

— Дальше!

— Потом он неосторожно спустился по склону и ушиб ногу.

— Сильно?

— Да, он не мог сам идти.

— Ну, и как?

— Помогал ему.

Галя внимательно посмотрела, будто открыла что-то новое.

— Ну, а дальше?

— Пришли в отряд, пошли на обед, легли спать.

— Обожди, обожди. А перед обедом?

— Так я же сказал, — недоумевал я.

— Уточни, что делал перед обедом?

Я задумался, склонил голову. «Так, ясно. Кто же это разболтал об винограде? Неужели кто-нибудь видел? А если — Юра?» — вдруг пришла мысль. — «Наверное, он!» — констатировал с изумлением.

— Вспомнил…

— Что именно?

— Я без разрешения вырвал гронку винограда.

— Где?

— Да вы же всё знаете, — в саду.

— Как же ты туда попал?

— Перелез через изгородь, — ещё ниже опустил я голову.

— Ну, а потом?

— Ну, потом мы его с Юрой съели… Я ещё никогда в жизни его не пробовал, — оправдывался я.

— А если бы каждый пионер вырвал по гронке? Что было бы?

Я стоял, низко опустив голову, меня жёг стыд, поднималась обида на себя, на Юру.

— Тогда бы ничего в саду не осталось! — продолжала Галя. — ты откуда прибыл в «Артек»? — поинтересовалась вожатая.

— С Полтавщины.

— Как учился?

— Отличник…

— Вот видишь! А поведение?

— Было как будто хорошим, был членом учкома, старостой класса.

— Ну, вот видишь, а здесь ты — первый нарушитель.

— Почему же первый? Я осознаю, что сделал неправильно, но я никогда не буду самовольничать. «А Юра мне больше не друг» — подумал про себя.

— Твой поступок заслуживает того, чтобы о нём сообщить родителям! — прозвучало, как приговор.

Я молчал. Представил себе, как дома узнают о злополучном винограде, как мама будет плакать, а мои учителя разочарованно покачивать головами, мол: «Вот как ты нас подвёл!»

— Простите, я больше никогда не нарушу дисциплины и режима лагеря! — с мольбой в голосе произнёс я. Чувствовал, как мои щёки пылали жаром.

— Ну, хорошо, попробую поверить тебе. Можешь идти!

Я долго не мог придти в себя, сознавая свою вину, и в то же время был недоволен Юрой, а он после этого случая стал несколько сторониться меня. Но потом всё забылось, улеглось, и мы снова стали друзьями.

ОТКРЫТИЕ ЛАГЕРЯ

Стремление вперёд — вот цель жизни.

М. Горький.

Каждый день был солнечным, воздух — прозрачным и ароматным, в нём чувствовался запах крымской сосны и роскошных магнолий, моря и ещё чего-то — приятного и освежающего.

По этому поводу главный врач лагеря Кабанов шутил:

— У нас можно на несколько килограммов поправиться, за счёт одного только воздуха!

В первые дни он говорил ребятам:

— Вот вы сейчас не съедаете своего рациона, а через недельку-две будете просить добавки, потому что здешний воздух — настоящие аппетитные капли, вы это очень скоро почувствуете!

Врач говорил правду: через неделю дети поднимали руки в столовой, и официанты приносили им добавку.

Прошла первая декада, на утренней линейке старшая пионервожатая объявила:

— Дорогие артековцы! Первые десять дней вашего пребывания в солнечном «Артеке» послужили для вас подготовкой к большому пионерскому празднику — открытию лагеря. За эти дни каждый пионерский отряд готовил номера художественной самодеятельности, свою отрядную песню, ребята учились ходить в пионерском строю. Завтра, 15 июня, на костровой площадке будет торжественное открытие лагеря вашей отдыхающей смены. А сегодня вы проведёте генеральную репетицию, других мероприятий не будет.

Конечно, мы не представляли предстоящего праздника, даже не знали, что к нему готовимся: ежедневно в определённые часы в отряд приходил Миша-баянист, разучивались песни, танцы, художественное чтение, акробатические номера. Мы полюбили артековские песни, и оказывается, на всю жизнь, особенно: «Краснофлотский линкор», «У причала», «Расшумелся ковыль», «Марш энтузиастов» и многие другие. Мы любили с песней маршировать в строю, это представляло прекрасное зрелище: отряд в 30–40 человек в одинаковой форме ровными рядами чётко шагает по площадке, и над улыбающимися лицами взмывает дружная походная песня. У ребят будто вырастали

крылья. Каждый чувствовал себя частицей большого коллектива, родной пионерской семьи. Меня зачислили в отряд барабанщиков, по несколько минут после обеда и вечером барабанщики в отдельной комнате рассыпали дробь походного пионерского марша, работали усердно — даже стёкла звенели.

А в другой комнате горнисты разучивали пионерские сигналы: торжественный сбор, поднятие флага, «Слушайте все!»

В отдельной концертной комнате гудел пол — там тренировались плясуны. Никто не оставался без дела, разве что один Лёва Пастухов перекладывал минералы в своих чемоданах — и тоже занимался делом.

И вот наступил долгожданный день! Солнце как-то по-особенному приветливо улыбалось ровному строю пионеров, в чистом воздухе застыл тонкий аромат пышных роз, а синее море до самого горизонта было тихим и спокойным.

Хотя вчера мы и провели генеральную репетицию, но и сегодня с утра по всем палатам и во всех отрядах шли последние приготовления: гладились галстуки, панамы, парадная форма, повторялись речовки, отдельные номера самодеятельности. Наконец, всё готово, а до пяти часов ещё далеко, и солнышко, будто чем-то подпёртое, совсем не двигалось, время остановилось, а всем хотелось поскорей начинать праздник.

После абсолюта и полдника прозвучал, наконец, серебряный звук горнов — торжественный сбор! Всё пришло в движение, минута, две… пять — и все отряды построились по линейке. Ударил гром барабанов, — шагом марш! — колонны заколыхались и поплыли на костровую площадку, почти к самому берегу моря, где амфитеатром разместились скамейки для сидения, а в центре был приготовлен пионерский костёр.

На костровой площадке отряд барабанщиков остановился возле мачты, а отрядные колонны прошли краем площадки, образовав полукруг, и остановились. Всё было торжественно, празднично.

Командиры отрядов сдавали рапорты старшей пионервожатой, звонкие голоса взлетали над площадкой к вершине мачты, где скоро заполыхает артековский флаг. Старшая вожатая чётко сдала рапорт начальнику лагеря, закончив пионерским салютом. Начальник лагеря обратился к артековцам с приветственной речью.

— Уважаемые пионеры! — начал он. — Сегодня в жизни «Артека» начинается новая страница его истории — открывается сезон отдыха для новой пионерской смены. Этот день мы привыкли называть торжественно — открытие лагеря. Советское правительство тепло, по-отцовски заботится о своей молодой

смене — пионерах, — будущем нашей страны! Для вас открыты дворцы и стадионы, построены детские станции и велотреки, пионерские лагеря и санатории. Наш «Артек» — сравнительно молод. В 1925 году здесь, на берегу моря, возле Аю-Дага впервые были разбиты брезентовые палатки, в которых отдыхали первые пионеры, — так начал своё существование Всесоюзный пионерский лагерь, получивший название перелётной птицы из древнегреческой мифологии — «Артек». Эта добрая птица отсюда больше никогда не улетала, она чувствовала, что здесь понравится всем ребятам. За прошедшие шестнадцать лет десятки тысяч пионеров успели отдохнуть на солнечном крымском берегу, набраться сил, бодрости и здоровья. Ни в одной капиталистической стране нет таких условий дя счастливого детства, для расцвета юных талантов. Наш «Артек» — это кузница пионерских кадров и прекрасных традиций, горнило крепкой дружбы, коллективизма, интернационализма! Попасть сюда — большое счастье для каждого советского пионера! Сюда едут лучшие из лучших, кто прилежной учебой завоевал право отдыхать под крымским солнцем, жить под артековским флагом. Разрешите приветствовать вас с традиционным праздником «Артека» — открытием лагеря!

После аплодисментов он продолжал:

— Желаю всем хорошо отдохнуть, набраться свежих сил, закалить здоровье, а главное — подружиться с товарищами, научиться хорошим пионерским делам! С гордостью всегда и везде носите высокое звание артековца! К борьбе за дело великого Ленина и Коммунистической партии будьте готовы!

Артековцы дружно ответили:

— Всегда готовы!

Прозвучала команда старшей вожатой:

— Пионеры, смирно! Равнение на флаг! Поднять флаг в честь открытия пионерского лагеря «Артек» поручается пионерам первого отряда Геннадию Лихонину и Авроре Модесто! Флаг поднять!

Под дробь барабанов красное полотнище, сопровождаемое сотнями глаз, медленно поднималось вверх. Ещё миг и на вершине мачты заполыхал артековский флаг. Замерли на страже стройные кипарисы и роскошные магнолии, приутихли чайки, только спокойное море катило волны на берег, шуршало галькой, аккомпанируя торжественному моменту. После команды «Вольно!», пионеры расселись на скамейках амфитеатра, и на костровой площадке начали выступать юные артисты — начался праздничный концерт. Хоровые песни исполняли все вместе, — это был грандиозный хор в несколько сот раскрытых поющий ртов

и сверкающих радостью глаз. Казалось, что пело всё: и море, и зеленые шапки деревьев, и кудрявые газоны, и оставленные жильцами палатки. Звучали песни на многих языках союзных республик. Зрителям понравились грузинское «Сулико», украинская «Гуцулка Ксеня», белорусская песня-пляска «Лявониха», молдавская «Марица», матросское «Яблочко». А как плясали сыны Кавказа! Лезгинку исполняли «на бис» несколько раз, всем пришлись по вкусу чёткие движения, быстрый темп танцующих в народных костюмах джигитов, которые вихрем носились по кругу, лихо размахивая саблями, будто настоящие воины.

Ребята не заметили, как зашло солнце и начало темнеть. С моря повеяло прохладой. По команде ведущего костровые зажгли костёр и он осветил лица присутствующих. Высоко вверх взлетали искры чудесного пионерского костра, а ведущий объявлял следующий номер:

— Испанский народный танец «Фламенко» в исполнении Авроры Модесто.

И снова Аврора! Недаром и на родине она поспевала всюду, о чём рассказывали её товарищи. На средину круга вышла… цыганка, — таким был костюм исполнительницы. Рядом стал гитарист и ещё один испанец, держа в руках что-то похожее на короткие ложки. Зазвучала гитара, звонко застучали кастаньеты, Аврора сорвалась с места и вихрем понеслась по кругу. Извергая ливень темпераментных огненных движений. Что это был за танец! Подобного, наверное, никому не приходилось раньше видеть! Музыка, ритм танца, чудесное исполнение юной артистки загипнотизировали зрителей, большинство артековцев стояли, хлопая в ладоши в такт танца. Также неожиданно танец оборвался, Аврора поклонилась публике и быстро убежала. Но её тут же возвратили громкие аплодисменты, и снова звенела-плакала гитара, и снова Аврора кружилась в ритме танца.

По окончании все скандировали: «Молодец!» «Молодец!»

Раскрасневшаяся испанка, тронутая бурно проявившимся вознаграждением сотен артековцев беспрестанно кланялась, приложив руку к груди, потом сделала легкий реверанс и грациозно убежала с импровизированной сцены. О чём думалось Авроре в эти минуты?

Возможно, ей припомнилась далёкая Андалузия в родной, растоптанной, но не покоренной, Испании и последние бои республиканских батальонов, или вспоминала неизвестно где проживающих родителей? Пожалуй, более вероятно, она была глубоко благодарна своей новой — Советской Родине, которая заменила во всём родителей, предоставила возможность учиться,

развивать свои способности и таланты, любить друзей, чувствовать себя полноценным человеком.

Долго ещё взлетали искры артековского костра и звенели песни на пионерском празднике. Уже ярко мерцали на южном небе звёзды, когда пионерские отряды разошлись по палатам и горнисты проиграли такой знакомый сигнал:

— Спать, спать по палатам! Спать, спать всем ребятам! Спать! Спа-а-ать!

ПОСЛЕДНИЙ ЗАЕЗД

В жизни есть только одно несомненное счастье жить для другого.

Л. Толстой.

Это был обычный поезд Таллин-Ленинград (теперь здесь курсирует «Стрела»), но один из его вагонов был особенный — в нём ехали исключительно дети. Слышался эстонский, русский говор. Это были пионеры из молодой прибалтийской республики, они ехали впервые в советскую столицу и дальше — в Крым, в солнечный «Артек». Лишь год находились они в семье советских народов, но сколько нового, радостного пережили эти ребята. В буржуазной Эстонии четырнадцатилетний юноша сумел окончить лишь пять классов Пярнуской школы. Столяр Александр Аас не мог своевременно отдать сына в школу: мешала нищета. Ровесники Володи учились двумя классами выше, и это было предметом постоянных насмешек со стороны сынков богатых буржуа. Но любознательный мальчик учился хорошо, был отличным спортсменом, организатором детских забав. Когда в их приморский городок Пярну пришла Советская власть, Володя в числе первых поступил в пионеры, с гордостью надев красный галстук, и его выбрали старостой класса. Шестой класс он окончил на «отлично» и теперь ехал по путёвке в «Артек». Он внимательно смотрел в окно вагона, любуясь русским пейзажем, перебрасываясь словами с товарищами. Рядом с ним сидел худой парнишка в очках — Виктор Пальм — ровесник Володи, но он успел окончить семь классов Тартуской школы. Поражала его энциклопедическая осведомлённость по многим вопросам, он неплохо владел русских языком и был в купе за переводчика. К их разговору постоянно присоединялись Харри Лийдеманн, Виктор Кескола, Володя Николаев, Харальд Ильвес, Карл Хеллат. Их интересовало всё новое, хотелось всё знать.

Рядом о чём-то негромко разговаривали девушки Айнс Саан, Иоланда Рами, Тамара Кранчевская, Ада Салу, Этель Силларанд, Сальме Кару, Лайне Теесалу и маленькая Айя Эллен.

В соседнем купе было куда веселее, здесь ехала младшая группа эстонцев, они наперебой поддевали один другого.

— Муля, какая у тебя отметка по русскому языку?

— Отлично!

— А ты сумеешь попросить покушать без переводчика?

— Где, здесь в вагоне?

Да нет, в «Артеке».

— Хлеба, воды попросить сумею, а остальное можно и на пальцах показать.

— А тебе ответят: мы глухонемых не обслуживаем! — в купе поднялся хохот.

Из соседнего купе доносилась песня. Вагон размеренно постукивал на стыках рельс и ему в такт звучала шуточная мелодия.

По вагону проходила вожатая эстонской группы — Нина Храброва, — студентка Таллиннского Педагогиума. Ласковая и сердечная, с большими выразительными глазами под красивым разлётом бровей, она умела быстро расположить к себе любого собеседника, а особенно детей, с ней беседовать было легко и приятно. Она свободно разговаривала и по-русски и по-эстонски, рядом с ней всегда можно было видеть кого-нибудь из девушек — Этель, Эллен или Сальме, которые тянулись к ней, как к матери. Нина тоже впервые ехала в Москву, куда она сопровождала группу, ей также было интересно воочию увидеть Россию, с которой долгие годы она была знакома по литературным источникам. Много позже она вспоминала свои дорожные впечатления: «Поезд без остановки пересекал границу, ту самую, неприступную, запретную. Поезд миновал речку и я оказалась в Советской России… Когда меня спрашивают о самом памятном событии, мне всегда хочется назвать этот неповторимый, самый счастливый в моей жизни рассвет».

Но возвратимся в вагон. Поезд подходил к Ленинграду. За окном мелькали дачи, спрятавшиеся в зелени стройных берёз и ёлок, будки стрелочников, пристанционные строения, склады, мосты, пешеходы. Наконец, поезд остановился на вокзале.

До отхода московского поезда оставалось достаточно много времени, Нина заказала туристический автобус и дети осмотрели достопримечательности Ленинграда. Нет, — осмотрели — не то слово, — они жадно впитывали каждое слово экскурсовода, не могли оторваться от окна автобуса, удивляясь масштабам окружающего. Город революции! Почти каждый знает тебя из истории, но представление всегда слабее увиденного воочию. Вот Дворцовая площадь, автобус остановился, ребята вышли.

— Здесь 9-го января 1905 года, — начала свой рассказ женщина-экскурсовод, — пролилась невинная кровь сотен простых русских рабочих и детей Петербурга. Изменник поп Гапон подставил безоружную толпу под дула царских ружей. Это кровавое воскресенье — стало началом первой русской революции 1905–1907 годов.

— По этой площади, — продолжал экскурсовод, — шли в атаку красногвардейские отряды и балтийские моряки на последний оплот временного правительства — Зимний дворец, — она сделала жест рукой в сторону дворца и продолжала:

— Это — выдающийся архитектурный памятник русских зодчих и итальянского инженера-архитектора Растрелли. Чтобы его осмотреть, необходимо несколько дней, чем вы, к сожалению, не располагаете, — улыбнулась женщина.

Потом они побывали возле Смольного, видели на якоре легендарную «Аврору», вдали виднелся высокий шпиль Адмиралтейства, но больше всего запомнилось посещение Ленинградского Дворца пионеров, где ребята пробыли два часа, которые пролетели для них, как один миг. Очень хотелось, чтобы подобные кружки, студии были и в Эстонии, и Нина старалась уверить их, как могла, что со временем Советская власть даст им всё, подобные дворцы появятся в их родных городах.

— Какой чудесный город! — восхищался Володя Аас.

— Мне Ленинград чем-то напоминает наш Таллин, — обратилась к нему Нина, — конечно, здесь всё намного величественнее.

— «Здесь каждый камень Ленина знает!» — процитировала она Маяковского.

— Интересно было бы посетить Разлив, — предложил Виктор Пальм.

— Это вы, ребята, сделаете на обратном пути из Артека, потому что сегодня мы не успеем, — ласково ответила Нина.

С богатыми, незабываемыми впечатлениями садились они в поезд Ленинград-Москва, их ожидали новые впечатления, новые страницы советской истории. Белая ленинградская ночь заглядывала в окна пассажирского вагона, но усталые дети её не видели — они крепко спали и многие во сне снова видели «Аврору», атакующие отряды красногвардейцев, но теперь рядом со взрослыми бежали они — юные пионеры. Нина прошла вагон из конца в конец, поправляя сползшую простынь или свешенную с полки руку спящего. Дети спали с блуждающими улыбками. Поезд выстукивал по рельсам, поторапливаясь на юг, ближе к цели.

В Москве ребята тоже совершили небольшую экскурсию: увидели Кремль, походили по Красной площади, побывали в Мавзолее. Столица восхищала яркими красками русской старины.

Усталые, но очень довольные, садились они в симферопольский поезд, перебирая в памяти всё увиденное и услышанное. В окна залетал жаркий встречный ветер, всё сильнее ощущался пока ещё далёкий юг. В Симферополе они, как и все

прибывающие в Артек, пообедали — Муля прекрасно обошёлся без переводчика, — сели в автобус и скоро они уже пели: «Везут, везут ребят, машины встречные гудят…» Хотя не все слова были им понятны, но веселая мелодия заучивалась легко, а петь они умели с колыбели.

Лагерь Артек их встретил 19 июня 1941 года.

Это был Суук-Су.

ВОЙНА!

Ах, война,
Что ты сделала, подлая!

Б. Окуджава.

Моё поколение делит прожитую жизнь на довоенную, военную и послевоенную. Война кровавым рубцом запеклась на сердце и будет вечно напоминать о себе потерянными родителями, погибшими на фронте друзьями, развалинами русских городов и непреходящей душевной болью.

В Артеке этот день начался, как обычно.

Весёлое умытое в море, южное солнце поднималось над горизонтом. Оно окинуло тёплым взглядом рыбачьи лодки, строй кипарисов на берегу, заглянуло в открытое окно, затянутое марлей, в палату и нежно защекотало ребячьи лица. Дежурный горнист Боря Макалец вскинул горн и заиграл: «Вставай! Вставай!»

Вмиг ожили палаты и во дворе построились на зарядку заспанные пионеры. Аккорды баяна разгоняли сон, прохлада близкого моря вливала бодрость, стройные шеренги чётко выполняли упражнения.

На утренней линейке, как всегда, после рапортов под барабанную дробь в синее небо поднялся на серебряной мачте артековский флаг. Прозвучали слова старшей вожатой:

— Лагерный день начат!

Каким же ты будешь, новый артековский день?

После завтрака ребята собрались на причале, наблюдая за жизнью прибрежных глубин: ленивые медузы студнем застыли на поверхности, стайки быстрых рыбок налетали на каждую брошенную в море крошку хлеба и быстро удирали прочь. В чистой прозрачной воде на несколько метров вглубь просматривалось дно с редкой растительностью. По причалу шли раздетые физкультурник Дима и вожатый Андрюша. Подойдя к краю причала, оба сделали прыжок-кувырок и, подняв тучу брызг, ушли глубоко под воду. Плавали они великолепно. Всяческими стилями и способами. Особенно интересно было смотреть, как Андрюша ловит ртом брошенные в воду монеты, не упуская ни одной, по несколько минут находясь под водой.

— Настоящий тебе водолаз!

— Вот так виртуоз!

— Это вам не пирожки за завтраком уничтожать.

— Достаточно с него! Он так все карманы очистит!

Немного позже начали купаться ребята, только нам прыгать с причала строго запрещалось, да не каждый и осмеливался прыгать с такой высоты. Для нас было отведено место поодаль от причала.

Сначала мы все грелись на солнце — принимали солнечные ванны, потом по команде «В воду!» — стремглав бросались в море. Заплывать далеко не пускали дежурные на лодках. А через несколько минут купания снова раздавалась команда через мегафон: «Вылезай!» — и все выскакивали на берег. Вытирались насухо махровыми полотенцами и снова принимали солнечные ванны, а потом — снова в воду. Сначала некоторые ремствовали:

— Разве это купание? Даже не поплаваешь досыта.

Но к холодной морской воде, безусловно, нужно было привыкнуть и поэтому дозы купания были непродолжительными. Кое-кто успел попробовать на вкус воду — она была горько-солёная, наверное, и в щи не годилась.

После купания и небольшого второго завтрака пионеры старших отрядов провели спортивные соревнования. Я играл в шахматы с Феликсом Зубковым, и в бильярд — с Сашей Илицей. Обычно у нас игра проходила, как говорят теперь спортивные комментаторы, — с переменным успехом, сильных противников я любил.

На волейбольной площадке стоял невообразимый шум. Второй отряд явно проигрывал и поэтому харьковчанин Толя кричал, надрываясь:

— Судью на мыло!

Счёт стал угрожающим — 12:6. Когда мяч покатился в аут, Толя незаметно схватил его и спрятался в кустах.

Все болельщики бросились на поиски, но Толя сидел в недосягаемых зарослях, пока его не заметил Гена Лихонин. Он бесцеремонно вытащил земляка за ногу, отобрал мяч, дал хорошего щелчка со словами:

— Рано лавры надевать, ты сначала выиграй!

Игра продолжилась.

После абсолюта встревоженная вожатая объявила:

— Дети, выйдите в коридор к громкоговорителю, будет передаваться важное сообщение!

«Что бы могло быть?» — подумали многие, выходя в одних трусиках в коридор, где уже толпились пионеры из других палат.

Радио мы слушали редко — не хватало времени, даже не все могли сказать, где висит громкоговоритель.

По радио все услышали голос наркома иностранных дел, который взволнованным, прерывающимся голосом сообщил о

вероломном нападении фашистской Германии на советскую землю.

— Война!..

До ребячьего сознания не сразу дошёл смысл этого страшного слова, мы не могли по-взрослому постичь, какая опасность нависла над нами.

Послышались возгласы:

— Ох, и разобьют наши немцев!

— Мы им дадим, как на Хасане!

— Как япошкам на Халкинголе!

— Или как белофиннам!

— Через день они назад драпать будут!

Подошёл вожатый Андрюша, прислушался:

— Врагов, безусловно, мы разобьём, но не так быстро, как некоторым кажется. Это враг сильный, хитрый и коварный, он захватил всю Европу, имеет первоклассную армию, поэтому борьба будет тяжёлой и продолжительной — задумчиво произнёс вожатый и пошёл дальше по коридору.

— Что он говорит? — обратился я к Феликсу. — Ты послушай, как он немцев возвеличивает: «сильный враг», «первоклассная армия»!

— Да, он меня тоже удивил, — согласился Феликс.

— Слушайте, может он того, какой-нибудь шпион? — предположил Юра.

— Нужно, во всяком случае, за ним понаблюдать! — решили мы.

Многого тогда мы не понимали, пусть извинит нас читатель за наивный патриотизм, мы действительно тогда считали, что как в песне, мы врага разобьём — «Малой кровью, могучим ударом!»

…Артек сбился со своего обычного чёткого ритма.

23 июня отправилась домой партия детей военнослужащих и жителей Сибири, Средней Азии, Урала, Дальнего Востока.

Все мы поняли, что нашему отдыху конец, и рано или поздно мы все уедем домой.

Когда прошло первое возбуждение и улеглись детские воинственные настроения, до сознания ребят стал понемногу доходить ужасающий облик начавшейся войны. По радио мы теперь внимательно слушали сообщения о боях на границе Западной Украины, в Белоруссии и Прибалтике. На Аю-Даге стояли замаскированные краснофлотские дозоры, походы и экскурсии туда прекратились. А по ночам, когда в палате разговаривали только шепотком, было слышно, как по горным шоссе гудели военные машины и танки. «На фронт идут!» —

думал каждый.

Когда часть артековцев разъехалась, из остальных были образованны новые отряды, каждый получил тёплую фланелевую форму и парадную матросскую. Мы не понимали. Зачем нам выдают новую форму, когда со дня на день мы ожидали отъезда. Некоторые ребята даже письма домой написали, что скоро приедут, ждите, мол.

Теперь мы спали в других палатах на территории Нижнего лагеря, слушали морской прибой и обсуждали радиосообщения.

— Прут немцы!

— Если б на них из-за угла напасть, они бы тоже драпали!

— А кто драпает? Наши за каждый метр бьются с врагом!

— По-моему, наши с целью отступают, чтобы собраться с силами и потом ударить наверняка!

— Ясно, что ударят! Красная Армия ещё ни перед кем не отступала, сколько на нас врагов ни нападало!

Конечно, у нас была своя стратегия, свои ребячьи доктрины — не всегда правильные. Но мы оставались любящими свою Родину патриотами, преданными её интересам до мозга костей.

Я подружился с ранее незнакомыми ребятами, это были украинцы из Измаила — Миша Фаторный и Вася Заблоцкий, Слава Ободынский — из Тирасполя — из Тирашлёпа — как он говорил, улыбаясь. Его брат, Борис, был военным летчиком, и Слава волновался и переживал за него: сумеет ли он в воздухе перехитрить немцев.

Прошло несколько дней войны, а нас домой почему-то не отправляли, хотя у каждого для отъезда было всё готово.

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ МАРШРУТ

В минуты высшего напряжения
всё заметнее растёт человек.

Т. Драйзер.

Последними отправились в Артек ребята из Литвы и Латвии. За несколько дней до начала войны они выехали из Риги в Москву, чтобы оттуда следовать дальше, в Крым.

В купе, где ехали мальчики-лытыши, главным авторитетом был Гунарс Мурашко, серьёзный блондин, с движениями бывалого моряка. Он, действительно, не раз выходил с отцом в море на рыбацкой шхуне. Старший по возрасту, он был душой этой группы. Не беда, что он плохо говорил по-русски, в этом ему помогал рижанин Владик Сусеклис, худенький, остроносенький, с большим чувством юмора пионер. Иногда ему на помощь приходил Сеня Капитонов — пионер из Вильнюса. Отдельно от мальчиков держался рослый парень со светлой прямой прической, со спокойными движениями, он больше разговаривал с литовскими девушками — Геней Эрсловайте, Маритой Растекайте, Антосей. Это был Бенито Некрашиус, или просто — Беня. Он рассказывал о далёкой Бразилии, где он жил и откуда недавно возвратился с отцом после долгих блужданий в поисках лучшей жизни. Держался Беня по-взрослому, не любил, когда ему кто-нибудь перечил или не верил, и поэтому его слушали внимательно, иногда по-настоящему выражая своё удивление. Худенький Гриша Пайлис смешил ребят своими вопросами:

— Ты не сказал, Беня, где у крокодила голова и хвост?

Тот посмотрел на Гришу, мол, ты действительно непонятливый или готовишь новый подвох. Ответил:

— Всё на своём месте.

Гриша не унимался:

— А у него сразу оба глаза закрываются или по очереди?

— Не замечал.

— Тогда тебе надо возвратиться ещё раз в Бразилию, — с серьёзным видом констатировал Гриша.

Ребята начинали улыбаться, а Беня сердился. На шутку товарища он ответил серьёзно:

— Возвращаться туда больше я не буду, там живут только богатые прилично, а бедному человеку везде плохо. В Советской Литве теперь будут жить все хорошо, богатых не будет, бедных тоже. При Сметоне я, сын рабочего, разве мог поехать в детский

санаторий? Никогда! А вот в советской стране нам такую возможность предоставили. Ясно? А насчет крокодила — обратись в зоопарк.

Латышские девочки сидели в следующем купе: из Елгавы — Аустра Краминя, и маленькая Вера Павлович, из Даугавпилса — Нина Бивко, возле них сидели Рената Кеныня, Дзидра Летскальныш, Эльза Петерсон, — они тихонько говорили о том. Что они увидят в Крыму. В стороне о чём-то горячо спорили латышские ребята Элмарс Велверис и стройный паренёк из Цесиса — Эвальд Эглитис, к ним с некоторым удивлением прислушивались литовцы Вацлав Мачулис и Митюнас. Больше всего ребят интересовало, что представляет собой Артек, ведь услышанного о нём было недостаточно для полного представления об этом сказочном пионерском лагере.

Ребята строили всевозможные предположения, а Мурашко говорил:

— Для меня — главное: научиться хорошо говорить по-русски, а второе — изучить комсомольскую работу, чтобы быть настоящим комсомольцем!

Москва их встретила ласковым солнышком. Многолюдьем улиц, зеленью скверов и парков. Ребята ходили на экскурсию в московский Кремль, побывали в Мавзолее и увидели Ильича, отдыхали в парке Горького, разложив на скамейках свёртки с бутербродами и мороженым. Вечером ходили в кинотеатр смотреть фильм «Свинарка и пастух».

Впечатлений было много, ребята изрядно устали и, прибыв в гостиницу, сразу улеглись спать. Завтра, в воскресенье — 22 июня — они должны были уехать в Крым поездом Москва-Симферополь.

Никто не мог предвидеть, что завтра начнётся война, которая разрушит, растопчет их детскую мечту о далёком крымском Артеке и что им предстоит проехать по стране не одну тысячу километров, и что через несколько дней в их дома ворвутся враги, а весь советский народ, вся страна поднимется на Великую Отечественную войну.

Это была последняя роковая ночь, которая разделила две эпохи — довоенную и военную.

Никто не знал, что ожидает спящих ребят впереди…

ПРОЩАЙ, КРЫМ!

Любое препятствие
преодолевается настойчивостью.

Леонардо да Винчи.

Пришла пора проститься с солнечными крымскими берегами. Первого июля были поданы автобусы в Нижний лагерь, лишь тогда нам стало известно, что мы уезжаем.

— Куда? — интересовались мы у вожатых. Они отвечали не совсем определенно:

— Пока — в Москву, оттуда часть уедет домой, а куда остальные — там скажут.

Мы знали, что часть ребят уехала домой на третий день войны. Но не знали подробностей. Спустя много лет вожатая лагеря Суук-Су Тося Сидорова вспоминала:

— Это была кошмарная поездка, настоящее испытание чувств. Дело в том, что из вожатых с ребятами я ехала одна. В Симферополе ребят усадила в вагоны, а машины с постельной принадлежностью ещё не приехали. Дежурный по станции кричит: «Отправляю поезд!» А я ему: «Не имеете права, вещей нет, вот-вот подвезут!» Он снова орёт: «Вы же не одна, я должен военный эшелон отправить вовремя, понимаете — военный!» Я его стараюсь убедить: «Дети — тоже ценность не менее важная для страны, и с этим тоже нужно считаться».

Вот так они спорили, тем временем подошли автомашины, они въехали прямо на перрон, и через окна вагонов началась перегрузка детских постелей. Поезд сразу же тронулся в путь. Тося обошла детей, разместила их, выдала постели. Для кормления детей в пути никаких продуктов не было. Пришлось вожатой на личные деньги покупать ребятам пирожки и мороженое, овощи и ситро. Доехали благополучно и, что удивительно, все постели были сданы полностью. Тося настолько устала, что вынуждена была остаться на несколько дней в Москве, отдохнуть у знакомой. Такую расторопность и настойчивость могла проявить только Тося. Позже она много сил и энергии отдала военному Артеку.

…Просигналили и двинулись наши автобусы, поплыли назад пустые палатки, кипарисовая стража, столовая, детская станция. Море сердито плескало о берег, пенились волны, будто обижаясь на ребят, с которыми успели свыкнуться.

Ребята из окон махали руками:

— До свидания, Артек!

— Прощай, Аю-Даг!

— Мы к вам ещё приедем!

Исчезла знакомая территория, но долго ещё между деревьев виднелась лагерная мачта Верхнего лагеря со спущенным флагом. Остались недопетые песни, не пройденные туристические тропы, увлекательные игры и походы. На глаза набегали слёзы, горько было на душе. «Один раз в жизни пришло счастье побывать в Артеке, — думал я, — и подлая война оборвала его. Почему именно на нас остановилась стрелка?»

Дорога стала подниматься в гору. Исчезла мачта, а потом и море. На перевале оно вновь заблестело синевой, ещё и ещё раз, а потом спряталось навсегда.

Вздохнули приунывшие пионеры, и полилась сначала несмело, а потом увереннее знакомая мелодия:

У причала качается катер,
Нам пора отправляться в поход…

Каждый вкладывал в песню свой смысл: ведь мы действительно отправлялись в далёкий поход по неизвестному маршруту.

В Симферополе на привокзальной площади ребята разместились на своих вещах, укрылись в тени, ожидая посадки. Я купил в киоске последний выпуск «Иллюстрированной газеты», на страницах которой были военные корреспонденции. Непривычно было их видеть, до сих пор с трудом верилось, что где-то идёт война, падают убитые, рушатся дома. Но газета сурово напоминала о страшном обрушившемся на людей горе.

Я так увлёкся чтением, что не заметил, как вокруг утих детский говор, установилась тишина. Подняв голову, я понял причину: все ребята уснули. Кто в тени, кто на солнышке, присев на вещи, были покорены великой силой лагерного режима дня — абсолютом. Меня тоже клонило в сон, и я, решив размяться пошёл на перрон. В товарные вагоны садились красноармейцы в новом обмундировании, но без оружия, у командиров висели кобуры.

Послышалась команда:

— Вторая рота на посадку шагом марш!

Голос показался сильно знакомым, я подался вперёд и рассмотрел командира.

— Андрюша! — крикнул неожиданно я, узнав своего бывшего вожатого.

— Что, узнал, говоришь? — заметил он меня. — Артек тоже

грузится? — интересовался он.

Я смотрел широко раскрытыми глазами на командира и замечал изменения: лицо стало строгим и сосредоточенным, весь — подтянутый, с чёткими движениями.

— Да, скоро и мы будем грузиться, а сейчас все сидят на площади и выполняют абсолют лучше, чем в лагере.

— Конечно, привычка — дело великое, иногда даже во вред человека, — многозначительно ответил Андрюша.

Я решил признаться:

— Андрюша! Вы меня извините, я в лагере плохо о вас думал, когда вы нам о войне рассказывали, — и я поведал наши сомнения.

Он положил горячую руку мне на плечо:

— Ничего, брат, это не страшно. Теперь каждый видит себя в ином свете. Война людей наизнанку вывернула, — сразу видно, кто чем дышит. Вы тоже скоро всё будете понимать, а пока сила инерции удерживает вас на старых рубежах. А я не обижаюсь.

Подошёл сержант, доложил, что рота закончила посадку.

— Ну, прощай, брат! Счастливого вам пути!

Он пожал мне руку и быстро пошёл к вагону.

— Счастливого и вам пути! — крикнул я ему вдогонку.

Через несколько часов проехали Перекоп, утром поезд катился по полям Украины. В полдень подъезжали к Харькову. На небольшом полустанке почти в самые окна заглядывали подсолнухи, шелестела широколистая кукуруза, зеленели грядки картофеля, лука. Всё было таким близким и родным, что захотелось выпрыгнуть в эти грядки и напрямик бежать домой, где ещё, я был уверен, меня встретят родные мать, отец, братья.

Я вышел из вагона, сбежал с насыпи подошёл к склонившемуся подсолнуху, стал смотреть на шмеля-работягу — тот ползал по желтому диску. Раздался пронзительный гудок паровоза — я даже вздрогнул от неожиданности: что делать — прятаться или бежать в вагон? Поезд потихоньку тронулся, из окон смотрели знакомые вопросительные лица ребят, и я не смог уйти вот так просто, убежать от дорогих мне людей, потянуло в этот шумный разноликий коллектив. Я изо всех сил побежал к своему вагону.

В Харькове на привокзальной площади стояли ровными шеренгами военные лётчики в синей форме. У каждого возле ног стоял небольшой чемодан. Старший командир что-то говорил перед строем, похаживая взад и вперед, все его внимательно слушали.

— Какие все молоденькие! — заметил кто-то из нас.

Наш поезд постепенно стал набирать скорость, а летчики все

стояли и слушали командира. Я долго смотрел назад и видел всё ту же картину. После войны я часто почему-то вспоминаю этот строй на харьковском перроне и невольно спрашиваю: сколько же вас, дорогие лётчики, осталось после войны в живых?

Вечером прибыли в Москву. Выгрузили имущество лагеря и вынесли его на привокзальную площадь. С какой-то девушкой я тащил большой тюк белья, пионерка улыбалась и старалась не отставать. Позже я узнал фамилию девушки — Галя Товма, приехала в Артек из Молдавии, а раньше жила на Полтавщине. Приятно было встретить землячку в такой круговерти событий.

Артековцы разместились в Доме колхозника, предварительно помылись в хорошей бане. Утром кто-то тормошил меня за плечо. Узнал голос Славы:

— Подымайся! Слушай по радио важное сообщение!

Почти все ребята сидели на койках, теперь мы не пропускали радиосообщений. Все услышали знакомый голос руководителя Партии — говорил Сталин. Его голос с грузинским акцентом звучал взволнованно, он обращался ко всем гражданам Советского Союза с большой теплотой, называя их братьями и сестрами. Ни одной нотки паники или отчаяния не слышалось в полном внутренней энергии уверенном голосе. Наоборот, в нем слышалась твердая уверенность и воля к борьбе до полной победы над врагом в священной великой войне. Он закончил словами:

— Пусть осеняют ваш ратный путь подвиги великих русских полководцев: Суворова и Кутузова, Невского и Донского, Минина и Пожарского! Смерть немецким оккупантам! Наше дело — правое, враг будет разбит, победа будет за нами!

Дети долго и неистово аплодировали советскому вождю, который вселил уверенность в их сердца, как-то ощутимее стала сила многомиллионной советской семьи, представители которой дружно встали на защиту завоеваний Октября.

В тот же день, третьего июля, мы выехали пригородным поездом по октябрьской железной дороге и через несколько остановок выгрузились на станции Фирсановка, откуда пешком по лесной дороге пошли к месту назначения, в санаторий с поэтическим названием — «Мцыри». Навстречу шли какие-то пионеры, в одной из девушек я узнал черноглазую Женю из одного со мной отряда Верхнего лагеря. Она меня тоже заметила, подошла, улыбаясь. Поздоровались:

— Салют, Женя!

— Салют! Зачем вы сюда приехали?

— А ты сама, почему была здесь? Ты ведь давно выехала из Артека?

— Нас держали, так как не было сопровождающего ехать домой.

— Ну, теперь нас, наверное, будут держать, пока не подыщут сопровождающего, направлений ведь много.

Она утвердительно качала головой. Меня позвали.

— Ну, счастливо тебе, Женя, доехать в Ярославль!

— Счастливо и тебе! — и мы разошлись в противоположные стороны.

ВСТРЕЧА С ЛЕРМОНТОВЫМ

И вспомнил я наш мирный дом,
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир ещё пышней.

М. Лермонтов, «Мцыри».

— Юкс! Какс! Кольм!

— Юкс! Какс! Кольм! — чётко раздавалась команда. Спросонку я не мог понять, от кого она исходит и к кому относится. Вспомнил, что мы на новом месте. Вчера за ужином официантки нам говорили, что здесь есть группа пионеров из Прибалтики. «Это они, наверное, и есть!» — догадался я и подошёл к окну. На лужайке, между зданиями бегали ребята, и передний из них командовал:

— Юкс! Какс! Кольм! Юкс! Какс! Кольм!

Упражнения все дети исполняли четко, движения были натренированные, легкие, грациозные.

— Молодцы! — любовались мы.

— А мы и в Артеке последние дни не делали почему-то зарядки, — заметил Натан Остроленко.

— Война напугала, — добавил Яша Олесюк.

— Ребята! Марш все на зарядку! Бегом! — взял на себя инициативу Натан и стремглав выбежал на улицу, за ним — все остальные, к нам присоединились ребята из остальных комнат, и вот уже вся группа построилась на волейбольной площадке. Натан добросовестно исполнял обязанности физрука, а мы все старались не ударить лицом в грязь перед незнакомыми ребятами. Когда заканчивали зарядку, к столовой подошла группа пионеров из прибалтийских республик, они остановились, как нам показалось, удивленные: Откуда, мол, появилось столько много ребят?

Постепенно мы познакомились — эта процедура у артековцев проходит быстро. После обеда, в кустах жасмина за фасадом здания состоялась общая встреча, никем не запланированная, без особой дипломатии. К литовским, латышским пионерам, которые не были в Крыму — их начало войны застало в Москве — и к эстонцам подошли новоприбывшие артековцы, завязался непринуждённый разговор. Володя Аас, как старший своей группы, старался ответить на наши вопросы, ему помогал Володя

Николаев, который уже успел со многими артековцами познакомиться. Эстонский язык был мягкий, приятный. Если Аас не понимал вопроса, то сам переспрашивал:

— Шьто ты скасаль? Сачем ты так скасаль?

Ребята быстро перезнакомились, вскоре знали как звать каждого, узнали, что эстонцы побыли в Артеке всего неделю, сюда приехали на несколько дней раньше нас, застав здесь латышей и литовцев.

Мы собирались после завтрака на волейбольной площадке, играли «навысадку». Вначале команды составлялись по национальным признакам, а потом лучшие игроки со всех групп образовали отдельную команду, и она играла часами без проигрыша.

После обеда шли купаться на пруд, он был совсем рядом — с тыльной стороны дворца, плавали, ныряли, загорали на зеленом берегу — июль был очень солнечным, — по всей долине разносился наш крик. Постепенно крепла дружба многонационального детского коллектива. Теперь на зарядку все строились в единый строй, и Володя Аас проводил её как признанный лучший спортсмен.

До нашего прибытия здесь размещался санаторий «Мцыри», это было бывшее поместье родственников великого русского поэта прошлого века — Михаила Юрьевича Лермонтова. Здесь Михаил Юрьевич написал свою поэму «Мцыри». На втором этаже старинного дома в нескольких комнатах размещался мемориальный музей великого поэта. В нем сохранилось много полотен известных русских художников, старинная мебель, рояль. Сохранились отдельные рисунки поэта и среди них — рисунок старого дуба, дуплистого, корявого, который ещё рос невдалеке от дома, намного пережив поэта-художника. В столовой, размещенной на первом этаже также сохранилась старинная мебель — массивные столы, скамейки, табуретки, которыми пользовались и сейчас. Всё здесь отображало уют и достаток помещичьей усадьбы. За домом раскинулся парк с вековыми деревьями, пологий склон вёл пруду, к нему спускались широкие гранитные ступени с широкими площадками и поручнями, отполированные временем и многочисленными посетителями. От главного входа дугой изгибались балюстрады с белыми колоннами, а от ворот стрелой протянулась липовая аллея. Вокруг рос смешанный лес, поля, луга, блестели озёра. Живописная местность импонировала лирическому настроению поэта, успокаивала его взвинченные нервы, была для него целебным источником в многоплановом творчестве.

В погожий летний день дружные отряды артековцев пришли

на помощь местным колхозникам. Приятно было поработать сапкой на прополке овощей. Здесь мы тоже принимали солнечные ванны, работали в одних трусиках, от непривычки по лицам ребят ручьем струился пот, но все работали дружно, с огоньком. Не все одинаково умели орудовать сапкой — этим древнейшим инструментом, они руками вырывали бурьян и выносили на полевую дорожку. Весело переговариваясь, наклонившись над рядками моркови, мы подошли к противоположному концу плантации, откуда начиналось поле ржи, растянувшееся на нескольких гектарах возле леса. Ребята распрямились, разминая уставшую поясницу, осмотрелись вокруг. Возле опушки что-то блестело на солнце.

— Пушки! — безошибочно определил кто-то из нас.

— И не простые, а зенитные!

— Смотрите, как они смотрят вверх! Лишь только воздушные хищники появятся, так они их и накроют!

Огневые позиции были замаскированы берёзовыми ветками, а рядом похаживал часовой в зеленой каске.

— Москву охраняют!

— Это только мы в одном месте увидели, а сколько должно быть их вокруг столицы!

— Так и нужно! Ни один вражеский самолет не должен долететь до нашей красной Москвы!

— А кроме зениток против них будут действовать истребители! — успокаивал кто-то.

Конечно, своими разговорами мы успокаивали самих себя, ночью было слышно, как к Москве на большой высоте летели немецкие бомбардировщики.

— Вот гад, ворчит, как кот! — тихо возмущался кто-то в темноте.

Где-то далеко били зенитки, прорезали темень ночи острые лучи прожекторов, а немного спустя все утихало. Позже нам стало известно, что при отражении первых ночных налётов в московском небе совершил свой ночной таран герой-комсомолец лётчик Талалихин, сбив вражеский самолёт. Несколькими днями позже мы услышали новую стрельбу в ближних лесах: это проводили боевые учения отряды народных ополченцев. Было слышно, как строчили пулемёты, ухали миномёты и звонко рвались мины. Ходили они и в атаки — слышно было их дружное «ура», а иногда ветер доносил лишь протяжное «А-а-а-а…»

Весь народ встал на защиту родной отчизны, все поля и перелески, русское небо и в зеленых берегах тихие реки — должны были стать могилами для обнаглевшего врага, нарушившего мирный покой советских людей, оторвавшего от

родных семей отцов и сыновей, сестёр и матерей. Артековцы видели суровые лица бойцов из отрядов народного ополчения в подмосковных лесах и верили, что враг не пройдёт.

ВОЛГА-ВОЛГА

Красавица народная,
Как море полноводная,
Как Родина свободная, —
Широка, глубока, сильна!

Из песни.

Рушились наши надежды уехать домой. Я получил телеграмму, которая пришла на имя начальника лагеря от моего отца, он спрашивал о местопребывании сына. Как мы с ребятами не рвались домой, нас не пускали, объяснив, что это небезопасно — западные области страны полыхали в огне войны и поэтому мы временно должны были оставаться в Артеке. Успокоились и наши родители, большинству из них стало известно, что дети в безопасности.

В середине июля, после обеда нам было приказано построиться на линейку. Мы немного удивились, за последнее время линейки почти не проводились, распорядок дня был далеко не крымский.

Все построились напротив входа в столовую. Из помещения вышло несколько мужчин и женщин, среди них выделялся крепкого сложения высокого роста мужчина с поседевшими висками, в фуражке защитного цвета. Его слегка прищуренные глаза внимательно смотрели на строй ребят. Заложив руки за спину, он заговорил приятным баритоном:

— Ребята, давайте знакомиться, — я ваш новый начальник лагеря Артек, звать меня Гурий Григорьевич Ястребов.

Он оглянулся назад, поискал кого-то глазами:

— Представляю вожатых нашего лагеря: старший пионервожатый Володя Дорохин! — он сделал жест в сторону молодого мужчины с небольшими залысинами, прижмуренными глазами.

— Вожатый Анатолий Пампу, или просто — Толя! — весело произнёс он, показав высокого красивого брюнета с курчавой головой, которого ребята встречали в крымском Артеке.

— Вожатая Нина Хабарова! Вы её уже знаете, особенно эстонцы. С другими вы познакомитесь в дороге.

Прокатился шумок одобрения и тут же утих.

— Да, в дороге, — повторил Гурий Григорьевич. — Сегодня мы уезжаем!

— Куда? — выпалил кто-то.

Ястребов строго посмотрел в ту сторону и продолжал:

— Советское правительство всегда тепло заботится о вас. В условиях военного времени нам предлагают эвакуироваться вглубь страны, чтобы уберечь детей от опасностей войны. Маршрут наш пока такой: Москва-Сталинград. Будем жить большим коллективом — семья наша достигает 300 пионеров. Среди вас есть дети старшего возраста, — он осмотрел на наш правый фланг, — и есть совсем маленькие, поэтому старшие должны ухаживать за младшими, помогать им в пути, не оставлять их без присмотра, помня артековский девиз: один за всех, все за одного! Сейчас вы пойдёте в комнаты, соберёте свои личные вещи и построитесь у ворот, откуда строем пойдём на вокзал, сядем в поезд и поедем в Москву. Там выгрузим личные и лагерные вещи, парни-силачи понесут вещи, — мы заулыбались. — Им и девушки помогут! — в строю засмеялись. — На речном вокзале погрузимся на пароход и поплывём к матушке-Волге! Поняли?

— Поняли! — весело закричали ребята.

— Разойдись! — по-военному скомандовал Ястребов.

В Москву прибыли к исходу дня. Ребята снова увидели столицу.

Выглядела она гораздо суровее, нежели в начале июля: соблюдалась строгая светомаскировка, все дома в окнах были оклеены крест-накрест бумажными лентами, людей на улицах было мало.

Шли по набережной Москва-реки, слева тянулись высокие стены Кремля. Володя Дорохин шагал рядом с ребятами и скороговоркой рассказывал историю каждой башни, каждой улицы, по которой мы проходили. В нем чувствовался не только житель Москвы, но и хороший знаток истории.

Колонна часто останавливалась, ведь все вещи дети несли на себе.

К речному вокзалу пришли, когда совсем стемнело. Возле причала стоял пароход с погашенными огнями, на спасательных кругам удалось прочитать надпись — название парохода — «Правда».

Разместились в каютах нижней палубы. Сложив вещи, поднялся с Натаном на верхнюю палубу. Трап был крутой, на предпоследней ступеньке я больно ушибся коленом. Чьи-то сильные руки помогли мне подняться, строгий женский голос спросил:

— Вы почему здесь бегаете?

Я поднял глаза: передо мной стояла стройная высокая женщина в пионерском галстуке. «Вожатая!» — догадался я.

— Спасибо вам… Извините… — замялся я. — Мы не бегаем, просто шли на верхнюю палубу, — оправдывался я, ища глазами исчезнувшего Натана.

— А что у тебя с ногой? Ты расшиб колено? — заметила она.

По ноге поползла красная струйка.

— Спустись вниз, тебе сделают перевязку! — строго распорядилась она. Через несколько минут вожатая умело забинтовала рану.

Так я познакомился с пионервожатой Артека — Тосей Сидоровой, — прекрасным человеком, умелым массовиком и организатором детского коллектива. На пароходе и в дороге, вообще Тося совмещала работу вожатой, медсестры, кастелянши, завхоза, а главное — чуткой и справедливой матери многих ребятишек.

…По воде тянулась лунная дорожка, вот пароход дал, наконец, гудок, отдали концы, по воде ударили лопасти колёса, лунная дорожка заволновалась, изломалась, — пароход отходил от пристани. Интересно было наблюдать, как пароход проходил шлюзы канала Москва-Волга. Уже было далеко за полночь, но большая часть детей стояла на нижней палубе и наблюдала, как открываются ворота шлюза и пароход заходит в бетонированное ущелье, потом ворота закрываются, постепенно повышается уровень воды, открываются следующие ворота и пароход медленно движется в следующий шлюз, — и так до самого русла Волги. По реке мерцали огоньки, указывая фарватер реки, пароходы двигались с притушенными огнями, которые отражались в воде, в разные стороны по реке плыли мерцающие огоньки.

В Горьком пересели на другой — винтовой пароход — «Урицкий», и вновь великая русская река уносила артековцев на юг. Очарованные смотрители мы на живописные утесы Жигулей в самарской излучине.

Володя Дорохин рассказывал:

— Здесь когда-то были засады восставших казаков Степана Разина. И вообще, Жигули всегда прятали в своих лесах и дебрях бедный люд, и поэтому Жигули всегда были опасными местом для купеческих караванов, разных государевых служителей.

— А не в этих ли местах родилась эта песня? — и Володя Николаев запел:

Волга, Волга — мать родная,
Волга — русская река!

Мелодия популярной русской народной песни была всем

известна и ребята дружно подхватили:

Не видала ты подарка
От донского казака.

На долгие годы в памяти детей осталась эта чудо-экскурсия по величественной русской реке — «главной улице России».

ОТ ВОЛГИ ДО ТИХОГО ДОНА

Склонность к радости и надежде — истинное счастье; склонность к опасению и меланхолии — настоящее несчастье.

Д. Юм.

Через несколько дней мы прибыли в Сталинград — тогда, в июле 1941-го, — далёкий тыловой город. Солнце закатилось за высокий правый берег, пока поужинали и разместились на ночлег — стало совсем темно. Просторные, светлые классы новой четырёхэтажной школы наполнились смехом, говором детворы — первый и второй этажи заняли артековцы. Нас восхищала отделка и обстановка классов, коридоров, спортивного зала новой школы. Подобных светлых и удобных школ многим пионерам ещё не приходилось видеть, в душе они завидовали тем детям, которые здесь учились, а теперь были на каникулах.

Я невольно сравнивал это здание со своей сельской школой, в которой учились ещё мои родители, здание было маленькое и обветшалое, а здесь был настоящий дворец из сказки!

Утром жители этого индустриального приволжского города с некоторым удивлением смотрели на стройную колонну пионеров перед школьным зданием. Вожатые сдавали помещение школьной администрации, а пионеры тем временем начали песню — она всегда была нашей попутчицей. Вспыхнула она стихийно, неизвестно, кто её запел первым, но все дружно подхватили её с такой энергией и силой, что возле забора останавливались прохожие и с интересом рассматривали юных артистов, поющих свою излюбленную артековскую:

Нам навстречу ветер буйный дул,
Ледяные брызги дождь ронял,
Но не потемнели жерла дул,
Не покрылись ржавчиной броня.

Припев подхватили ещё дружнее и триста глоток рванули воздух:

Налетает вал на вал,
Ветер в море — прям и скор.

Много вод в морях разволновал
Краснофлотский линкор!

Это был интересный день, — день экскурсий и знакомства с достопримечательностями города. Сначала мы поехали в музей обороны Царицына. Затаив дыхание, слушали рассказ экскурсовода, переходя от витрин к стендам, из одной комнаты в другую. Здесь всё дышало далёким восемнадцатым годом: боевая тачанка, красные знамёна, сабля Будённого, револьвер Ворошилова, пушки и пулемёты, карты, батальные картины Грекова, Йогансона, скульптуры Шадра, патронташи и ленты с патронами и много всевозможного оружия. Ныли усталые ноги, но ребята не уходили из музея пока все не было просмотрено несколько раз.

После экскурсии по городу артековцы были гостями городского Дворца пионеров. Они осмотрели кружковые комнаты и залы этого чудесного здания, изделия юных техников, художественную студию, спортивный зал, а потом в актовом зале посмотрели концерт юных артистов. Ведущий объявил:

— Русский народный танец в исполнении сестёр Игольниковых!

Баян заиграл мелодию про берёзку, а на сцену из противоположных кулис медленно выплыли в русских костюмах две девушки. Они медленно прошли по кругу. Вдруг мелодия стала веселой, залихватской, и закружились, как многокрасочный вихрь умелицы-сестрички. Казалось, что, и профессиональный артист так не спляшет!

Громкими аплодисментами благодарили артековцы плясуний. Потом было сольное пение, художественное чтение. Красиво играл оркестр народных инструментов. И вот снова конферансье назвал знакомое имя:

— Матросский танец «Яблочко» в исполнении Розы Игольниковой!

Её встретили громкими аплодисментами. Это была не Роза, а стройный моряк в бескозырке, в ослепительно белом костюме. Чего только он не выделывал на сцене! Драил палубу, лез по канату, всматривался в подзорную трубу, передавал семафорные сигналы — и все это четко, в темпе, с настоящей матросской удалью и задором. Розе пришлось «на бис» исполнить несколько па и её долго не отпускали со сцены.

На следующий день пассажирский поезд увозил артековцев назад от Волги, в донские степи, так красочно воспетые Шолоховым. На небольшой степной станции выгрузились, узнали

её название — станция Чир, Сталинградской железной дороги. Вспомнилась школьная песня в периоды гражданской войны, где упоминалась эта станция вместе с именем Ворошилова, — здесь шли жестокие бои, об этом мы также слышали в музее обороны Царицына.

— Легендарная станция, хотя и небольшая, — резюмировал кто-то.

Старшие ребята долго разгружали товарный вагон с артековским имуществом. День был жаркий, и пот струился ручьями. Но вот выгружен последний ящик и уложен в штабель, ребята помылись возле крана. Пообедали в станционной столовой и стали дожидаться грузовых автомобилей. Остальные артековцы сразу же после приезда подошедшим автобусом уехали на новое место жительства.

Нам пришлось изрядно потрудиться в этот день. Вечером последней машиной, сидя на ящиках и узлах, мы отъехали от станции куда-то в степь. Володя Аас начал петь, и, удивительное дело, я услышал родную мелодию:

Розпрягайте, хлопці, коней,
Тай лягайте спочивать…

Украинские и эстонские слова сплелись в дружной мелодии, песня, перекрывая гудение автомобилей, неслась далеко в придонскую степь. Мне показалось, что я снова дома: знакомая мелодия, ровные поля, пыльная проселочная дорога — напоминали Полтавщину. По виду эстонцев тоже можно было догадаться, что и они тоже сейчас думают о далекой голубоглазой Эстонии.

Автомашина нырнула в какую-то долину и вскоре остановилась. Возле деревянного здания стоял Гурий Григорьевич, вожатые.

— Всё привезли?

— Всё.

— Разгрузите и идите ужинать, вы — последние, все остальные давно спят, — распорядился Ястребов.

Утром, когда солнышко вовсю плясало в палате, нас с трудом разбудили ребята.

— Подымайтесь и идите завтракать. Тося уже давно велела вас будить! — весело тараторил Игорь Сталевский.

— Прекрасное местечко! — невольно вырвалось у ребят, когда они вышли на улицу, разглядывая новое место Артека.

Справа, за шумящими вербами, широкой полосой сверкал Дон, противоположный берег кудрявился кустами, густыми

деревьями. На нашем берегу, среди зелени были разбросаны дачи с разноцветными верандами, резными наличниками. В довоенные дни здесь размещался Нижне-Чирский санаторий, с началом войны все отдыхающие, естественно, разъехались домой — не до отдыха было людям. Подобную картину мы уже встречали под Москвой, в санатории «Мцыри».

Умываться побежали вниз, к реке. Вода была тёплая и прозрачная, поверхность её была до зеркального блеска удивительно спокойной.

— Недаром и зовут его Тихим Доном, — речка большая, а какая спокойная, — рассуждали ребята, фыркая и брызгаясь водой.

— А если бы не война, здесь можно отдыхать не хуже, чем в Крыму, — рассуждал Слава Ободынский.

— Действительно, — чудное местечко! — согласился Виктор Пальм.

В столовой нас строго отчитала Тося:

— Довольно, ребята! Сегодня покончим с анархией, и с завтрашнего дня распорядок будет твердый — артековский, а не кто чего захочет!

Конечно, Тося была глубоко права: для большого детского разновозрастного коллектива да ещё в условиях военного времени — крепкая дисциплина была первой необходимостью и это все осознавали, хотя мы были далеки от педагогики.

АРТЕК ЖИВЁТ ВНОВЬ!

Тот, кто с детства знает, что труд есть закон жизни, кто смолоду понял, что хлеб добывается в поте лица, тот способен к подвигу, потому что в нужный день и час у него найдется воля его выполнить и силы для этого.

Жюль Верн.

На новом месте Артек перешел на самообслуживание, — термин этот новый, нынешний, в то время просто говорили: все делаем сами. Ребят разделили по отрядам в соответствии с возрастом. Каждый отряд выполнял определенную работу: заготавливал дрова для кухни, работал в саду или на грядках, выполнял транспортные работы, санитарно-гигиенические и все остальные. Ритуалы крымского Артека возродились вновь, что нас всех радовало, лагерь готовился к официальному открытию. На широкой площадке, напротив столовой, строили высокую мачту, повторялись пионерские сигналы на барабанах и горнах, юные артисты готовили художественную самодеятельность.

Тёплая донская вода манила своей прохладой, свежестью, в жаркие июльские дни приятно было поплавать на волнах, особенно после проходящего рейсового парохода. Володя Дорохин настоял создать команду из числа старших ребят, которую назвали громко — «Артековский ОСВОД». Каждому осводовцу вручили двухвесельную лодку, и теперь осводовцы патрулировали во время купания детей, наблюдая, чтобы никто не заплывал далеко, оберегая ребят от несчастных случаев на воде. Во время купания, кроме дежурного вожатого, на берегу можно было почти всегда видеть лагерного врача Анфису Васильевну. На высоких нотах раздавался её голос:

— Осводовцы! Не спускайте глаз вон с того смуглого мальчика, он часто ныряет и может нахлебаться воды!

— Верните вон того смельчака назад!

— А ты зачем брызгаешься в лицо соседу?

Она даже определяла термометром температуру воды в реке, заставляла носить на купание полотенце.

Между сеансами купания осводовцы устраивали соревнования на лодках, плавали на перегонки или качались на волнах, а иногда ездили на противоположный берег Дона.

В конце июля состоялось торжественное открытие лагеря. Возле новой мачты были выстроены пионерские отряды артековцев в парадной матросской форме. Дорохин принимал рапорты, а потом отдал команду, и на лагерной мачте взвился под дробь барабанов артековский флаг. К пионерам обратился начальник лагеря. Мы заметили его волнение, он несколько раз поглядывал на четкий строй, на развивающийся флаг, переводя взгляд на задонские дали.

— Дорогие ребята! — начал он. — Сегодня вы празднуете традиционное открытие лагеря. Сердечно приветствую и поздравляю вас с этим праздником! Несмотря на суровое военное время наше правительство не прекращает родительской заботы о детях, оторванных от дома и о вас, в частности. На мачте полощется наш флаг, который сохранил тепло солнечного Крыма, бодрость пионеров и неугасимый огонь дружбы между ребятами всех национальностей нашей необозримой Родины! Среди вас я вижу русских и украинцев, белорусов и молдован, румын и поляков, эстонцев и латышей, литовцев и евреев и даже казахов!

В третьем отряде весело улыбался смуглый паренёк Алёша Култыгаев — пионер из Гурьева. Я сейчас не могу объяснить, почему Алёша не уехал в родной город, а оставался в Артеке, а тогда мы вообще об этом не думали, а, наоборот, с чувством горечи и боли расставались, если это случалось, с артековцем, убывающим из нашей дружной семьи.

— Пионеры! — продолжал Ястребов. — На берегах Дона мы должны сохранить и умножить традиции крымского Артека, честь советского пионера и патриота нашей любимой Родины, переживающей сейчас трудное время. Будьте всегда бодрыми, жизнерадостными, трудолюбивыми, пламенно любите Родину, будьте всегда готовы всегда встать на её защиту!

При этих словах он выразительно посмотрел на правый фланг строя, где стояли первый и второй отряды, среди них были юноши комсомольского возраста. Они поняли слова начальника лагеря, обращенные именно к ним, подтянулись, лица их посуровели.

— Вероломный враг, которому бойцы Красной Армии дают решительный отпор, подтягивает все новые силы и упорно продвигается вглубь нашей территории. Фашистские орды вторглись в города и села Западной Белоруссии и Украины, Прибалтики и западных областей нашей страны. Нелегко дается фашистским захватчикам это продвижение — они несут большие потери. Бесноватый фюрер мечтает о захвате столицы нашей Родины — Москве. Но не бывать этому! Никогда, ни перед каким врагом не вставал на колени русский народ! Невозможно

покорить вольный советский народ! Москва останется навсегда советской столицей, городом, о стойкость которого вдребезги разобьется стальная машина Гитлера! Мы уверены, что наши отцы, матери, старшие братья и сестры остановят врага и отбросят его от советских границ! Смерть немецким захватчикам!

Когда улеглись аплодисменты, Ястребов добавил:

— Ещё я хочу сказать, чтобы вы не пугались трудностей, которые окажутся на нашем пути. А их, безусловно, будет немало. Страна напрягает все усилия в суровой трудной борьбе с врагом, она превращается в большой военный лагерь, все отрасли хозяйства стараются удовлетворить растущие потребности фронта. В таких условиях возможны перебои в обеспечении нашего лагеря продуктами питания. Мы не должны в таких случаях хныкать и раскисать, помня всегда, что на фронте льется кровь наших отцов и братьев, что им намного труднее, ибо они закрывают своим телом нашу свободу и покой, и мы всегда будем благодарны нашим героям, и всегда будем склоняться перед их мужеством!

Некоторые малыши шмыгали носом, украдкой вытирали мокрые глаза.

Говорил Гурий Григорьевич выразительно, приподнятым тоном, обращаясь к нам, как к взрослым. Потом, будто спохватился, что перед ним дети, заговорил просто, как он умел говорить с ребятами.

— Ну, как, ребята, хныкать не будем?

И весь строй в едином порыве выдохнул:

— Не будем!

— Не раскиснем?

— Нет, не раскиснем!

Удовлетворенный дружным ответом, он продолжал:

— И последнее — это вопрос дисциплины и порядка в лагере. Наименьшее нарушение режима лагеря и неисполнение распоряжения администрации будет строго наказываться! Нарушителей в Артеке не должно быть, мы их просто не будем держать в своей хорошей дружной артековской семье! — и он выразительным жестом показал, как будут поступать с нарушителем дисциплины. Все поняли и дружно засмеялись.

— Продолжай Дорохин! — закончил он.

— Зажечь костёр! — прозвучала команда.

Вспыхнул костёр. Поднялись языки пламени и заиграли отблесками на лицах повеселевших ребят, заколыхались желтыми пятнами на деревьях, отразились в донской глади.

Строй изогнулся, изломался, ребята смотрели на костёр, припоминая открытие лагеря в Крыму, артековский костёр у

моря. Там все было, конечно, торжественней и грандиозней, а главное — то было ещё до войны. За прошедший месяц нам пришлось расстаться с родителями на длительный период (а некоторым и навсегда), перенести тяжелое известие о временной оккупации родных мест, перенести трудности переездов с одного места на другое, почувствовать в какой-то мере тяжести и ужасы войны. Но в каждом из нас рождалось и постепенно крепло новое чувство — чувство коллективизма, большой артековской семьи, дружбы и товарищества между ребятами разных национальностей, появилось упорство в борьбе с возникшими трудностями, чувство долга перед друзьями, коллективом.

Начался праздничный концерт. Без музыкального сопровождения хорошо выступил хор-ансамбль эстонской группы, очень темпераментно пел народные песни солнечной Молдавии Миша Цуркану, а Боря Макалец — наш артековский горнист — на детской игрушке наподобие флейты исполнил «Неаполитанскую песенку» Чайковского, Женя Чебан отлично декламировала Маяковского.

Вожатая Тося Сидорова — она была ведущей — объявила:

— Слово предоставляется нашим гостям!

Все удивленно смотрели по сторонам, стараясь увидеть гостей, каждого интересовало: кто они и откуда?

Из строя, где стояла младшая группа пионеров, вышли трое: две девочки и один мальчик, одеты они были произвольно, резко выделяясь на фоне белой артековской колонны. Мальчик вышел на середину строя, по обе стороны возле него стали девочки, они переглянулись и дружно проскандировали:

— Дорогие артековцы! От имени пионеров станицы Суворовской шлем вам горячий привет и приветствуем вас с праздником — открытием лагеря на нашей донской земле! Сердечно благодарим вас за приглашение присутствовать на вашем торжественном костре! От имени юных казачат нашей станицы говорим: добро пожаловать на привольные берега нашего славного Дона!

Артековцы сердечно благодарили гостей горячими аплодисментами. Казачата о чем-то перемолвились между собой и мальчик звонким голосом начал песню. Новые слова и боевая мелодия привлекли внимание всех присутствующих, песня будто унесла их в прошлое — на фронты гражданской войны, и они мчались на конях вместе с тремя буденовцами, которые ходили в разведку и полегли смертью храбрых на берегу реки. А их товарищи отомстили белякам:

Мчится красная, мчится конница,

От Касторной и на тихий Дон…

Песню они исполнили прекрасно, она очень понравилась всем артековцам — об этом говорили продолжительные аплодисменты и возгласы «бис!». Не успели они затихнуть, как гости объявили сами:

— Казачий танец в том же исполнении!

Маленький Миша (так звали нашего гостя) выхватил саблю и пошел по кругу, освещенная угасающим костром сабля сверкала голубым отблеском в детских неокрепших руках.

После своего выступления гости пригласили артековцев посетить их школу в станице Суворовской. Мишу обступили артековцы, поздравляли его с успехом, по-дружески хлопая по плечу, кто-то подарил ему артековскую бескозырку. Гостей проводили за лагерь. Костёр почти угас. Над Доном зажигались яркие звезды, темнело. Возбужденные впечатлениями пионеры расходились по палатам. Их радовало, что лагерь живёт вновь — Артек поднял свой флаг на донском берегу.

ИГРА БЕЗ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Если ты что-нибудь делаешь, делай это хорошо. Если же ты не можешь или не хочешь делать хорошо, лучше совсем не делай.

Л. Толстой.

На утренней линейке Володя Дорохин объявил:

— Совет лагеря решил провести военизированную игру между отрядами пионеров старшей и средней групп, то есть в игре будут принимать участие 1, 2, 3 и 4–й отряды, а 5, 6 и 7-й — будут наблюдать. Совместно будут действовать первый с четвертым отрядом, второй — с третьим. Командирам отрядов вместе со своими звеньевыми разработать свои варианты игры и после разработки представить их совету лагеря, который будет руководить игрой. Подготовку начать с сегодняшнего дня!

Пионеры зашумели, посыпались вопросы:

— А где будет проходить игра?

— А девушки будут участвовать в игре?

— А какое будет оружие?

Дорохин поднял руку:

— После разработки и утверждения положения об игре вы получите ответы на все ваши вопросы. Сейчас я не берусь на них ответить.

Началась подготовка.

Пионеры первого отряда жили в двух палатах. После обеда председатель совета отряда Слава Ободынский собрал нас на берегу Дона.

— Ребята, поедем на противоположный берег, чтобы нас не подслушал противник!

Командир ОСВОДа Гена Лихонин беспрекословно отомкнул лодки, все быстро разместились по 2–3 человека и через десять минут были на левом берегу. Сначала совещались вполголоса, потом забыли о конспирации и громко обсуждали различные варианты игры.

— Штаб разместим на острове.

— А если будут обороняться в степи?

— А что делать с оружием?

— Главное — хорошо организовать разведку!

Слава поднялся на возвышенное место:

— Ребята, так дело не пойдет, и ни о чем мы не договоримся.

Все прислушались, к чему он ведёт.

— Давайте по очереди. Что ты, Алёша, скажешь? — обратился он ко мне.

— Мои предложения таковы: мы будем действовать с четвертым отрядом, необходимо разделить наши силы на две части, одна группа будет обороняться на острове, где будет наш штаб, а вторая вести наступательный бой на позиции противника.

— А где же будет противник?

— А если они поочередно разобьют наши отряды?

Слава поднял руку:

— Вопросы потом, продолжай, Алёша!

— Нужно выделить разведку, связных. Для охраны нашего штаба надо будет организовать какую-то водную охрану, для этой цели мы можем использовать наши лодки. А связным необходимо выучить семафорную азбуку — передавать буквы флажками. И, кроме всего этого, нужно изготовить макеты оружия — винтовки, пулеметы, пушки, гранаты. Совету лагеря предложим игру проводить в границах долины Дона, не рассредоточиваться в степь, это облегчит работу и руководителей игры, и наши действия.

Я вспомнил и рассказал ребятам, как в прошлом году ученики нашей школы проводили военизированную игру вместе со взрослыми. «Армия» нашего села наступала на «армию» соседнего села. С обеих сторон были конные и пешие, пулеметы и артиллерия. Я шел в правом боковом дозоре, отправляясь иногда с донесением в штаб. Павел Афанасьевич, наш директор школы, был в роли командарма, лихо скакал на резвом коне. С донесением я обращался к нему.

— Что там у тебя?

— Мы заметили засаду правее от дороги.

— Чью засаду?

— Засаду врага, — уточнил я.

— Не врага, а противника — поправил он меня.

«Какая разница?» — подумал я.

Он поднялся в седле, посмотрел в бинокль:

— Так, противник обнаружил себя. Передай дозорному: отойти влево, в бой не вступать, продолжать вести наблюдение!

— Есть, товарищ командир!

Павел Афанасьевич Бойко два года назад демобилизовался из армии, через год его назначили директором школы, он прекрасно играл на скрипке, организовал замечательный оркестр, был всесторонне развит, в школе его все любили, и его уроки географии были самыми любимыми.

Бойко подал команду, изменил направление движения

главных сил, повернув левее, обходя заслон врага. Он оставил небольшой отряд бойцов и те, рассредоточившись, имитировали главные силы. А главные силы, тем временем, разделившись пополам, обходили село, под которым разместились главные силы противника. После «стрельбы» из всех видов «оружия» наш командир повел свои части в атаку, ударил в тыл противника, откуда нас не ожидали. Противник спешно развертывал свои части навстречу наступающим, но с левого флага ударила наша конница, и бой был выигран.

— Вот что значит военная хитрость и умелый маневр в бою, — закончил я свой рассказ.

— Вот откуда у тебя навыки проведения военной игры, — понял Слава Ободынский — будешь начальником штаба!

Разработанный нами план игры Совет лагеря утвердил, были обсуждены некоторые детали, намечены сроки проведения игры.

На песчаном острове посреди Дона, среди зеленых кустов оборудовались блиндажи для штаба, мне пришлось руководить саперными работами. К обеду все укрепления были готовы. Ребята, придерживаясь правил маскировки, на лодках быстро пересекли пролив возле острова, потом осторожно плыли у берега к лагерю.

Я предложил Мише Фаторному, который был моим помощником:

— Мы поплывем возле левого берега, а напротив лагеря пересечем реку, чтобы не плыть всем вме сте. Идет? — Давай сначала после работы искупаемся, смотри, какой ты замарашка, — ответил Миша.

Мы быстро закончили маскировку своих укреплений, входы к ним тщательно прикрыли ветками, травой, так что даже вблизи их трудно было заметить.

— Ну, вот и все! В воду!

Мы хорошо помылись, вода струилась со спины грязная, как в ручье после дождя, выстирали даже трусики, разостлали их просушиться в лодке.

— Поехали потихоньку!

Миша повел лодку в левому берегу, как условились, я двигался за ним перебирая в памяти сделанное нашей группой.

— Гадюка! — вдруг закричал Миша.

Я изо всех сил поспешил к нему поближе. Между лодками, петляя зигзагами по воде, плыл уж с характерными желтыми пятнами на голове.

— Бей её! — крикнул товарищ.

— Так это ведь — уж, зачем ты кричишь, — старался его урезонить.

— Все равно бей, — это ведь змей!

Мишин охотничий азарт, как бы индуктивно, передался и мне, я вынул из уключины весло и с размаху ударил по приподнятой голове рептилии.

— Попал?

— Как будто попал.

Но в тот же миг уж вынырнул возле Миши, и тот ударил своим веслом. Уж снова исчез, нырял он, как заправский пловец.

Мы увлеклись охотой за ныряющим, дразнящим нас, ужом, забыв о том, что мы совсем голые, на полный рост стояли в лодках, высматривая хитрого пресмыкающегося, течение понемногу сносило наши лодки мимо острова в пролив, против нашего раннего уговора. Вредный уж продолжал дразнить нас, выныривая то с одной, то с другой стороны лодок, а мы с Мишей, как Дон-Кихот шпагой, размахивали и били по воде веслами. Но, как и прежде, наши удары не достигали цели. Вдруг, весло в руках Миши при ударе хрустнуло, широкая его часть свесилась вниз, будто вымпел в штилевую погоду. Мы на миг замерли, разглядывая молча обломки бывшего весла. Ужа на поверхности не было, лодки были почти возле самого берега, уносимые течением, а мы все стояли в раздумье — жаль было весла. Вдруг, совсем для нас неожиданно раздался звонкий раскатистый девичий смех, потом даже кто-то свистнул и начал аплодировать нам, как гладиаторам на арене. Это артековские девушки работали на помидорах, оказывается, они стали нечаянными свидетелями нашего «сражения» и теперь поздравляли с победой над Змеей Горынычем.

— Ложись в лодку! — крикнул я Мише, и мы тот час шарахнулись на дно наших посудин, которые никем не управляемые, с трусиками на корме, плыли по течению, а вслед неслись смех и возгласы девушек.

На другой день в палату к Славе вбежал возбужденный Юра Мельников:

— Слава, кричи ура! Я знаю, где арсенал!

— Какой арсенал?

— Ну, вражеский склад оружия! — жестикулировал Юра.

— Где же он?

— Мы с ребятами во время обеда влезли на чердак их палаты, а та-а-а-а-м!

— Ну что, говори быстрее!

— Трещотки — макеты пулеметов, деревянные винтовки, гранаты. Трещотки мы взяли, а остальное лежит там.

Слава на миг задумался, потом распорядился:

— Позови ко мне Алешу!

— Что будем делать, оставим противника без оружия? Как думаешь, начштаба? — обратился он ко мне и ввел в курс дела.

— Вот тебе и разведчики! — восхищенно произнес я, но высказался против похищения оружия. — Ведь через несколько дней — начало игры!

— Ну, так и что же случится?

— Нас Дорохин может выругать за срыв игры.

Ну, какой это срыв? Это, наоборот, — военная хитрость, ты же сам рассказывал! — не сдавался Слава.

— Понимаешь, то было на поле боя, а это будет выглядеть вроде грабежа среди белого дня.

— Пусть не развешивают уши! — включился в разговор Юра, — командир нашей разведки.

— Вообще, интересно бы оставить противника без оружия, пусть воюет с голыми руками! — отстаивал свою мысль командир отряда.

Его предложение казалось и мне заманчивым с чисто военной стороны, но с моральной — мне что-то претило так поступить, а разубедить Славу я не смог.

— Ну что, решено? — спросил он после паузы.

Я ничего не ответил и только передернул плечами, мол, поступай, как знаешь, ты ведь начальник. Он понял мое молчание, как одобрение своего плана и отдал распоряжение нетерпеливому разведчику:

— Значит, Юра, — действуйте! Ночью потихонечку перенесите оружие к себе на чердак, или где-нибудь спрячьте в кустах. Только смотрите все — ни слова! — приложил он палец к губам.

Юра не стал ожидать дальнейших разъяснений и быстро выбежал.

Ночью вражеский арсенал перестал существовать.

Наступил день игры. После завтрака командиры в разных концах территории лагеря строили отряды, проверяли оружие. К вожатому Толе прибежал запыхавшийся командир «Северных» — Игорь Сталевский.

— Что случилось?

— У нас… у нас… — отсапываясь, бормотал он.

— Что — у вас?

— У нас кто-то оружие украл… — и командир не смог сдержать обиды, зашмыгал носом.

— Как украл? Кто?

Подошел Володя Николаев, стал объяснять:

— Мы полезли на чердак за оружием, а там пусто, только вот записка оставлена, — и он протянул вожатому бумажку.

Вожатый вслух прочёл:

— «Побеждают не числом, а уменьем! Александр Суворов».

— Вот так номер! — добавил он. — Обождите меня здесь! — и он быстро куда-то ушел.

Через несколько минут горнист проиграл общий сбор. На линейке стояли строгие вожатые, насупленные «северные», один лишь Юра Мельников с независимым видом стоял с трещоткой через плечо. Дорохин объявил:

— В связи с неподготовленностью к игре «северных», военная игра отменяется!

— Как отменяется?

— Потому что они остались без оружия, а игра должна быть на равных.

— А возможно у них и не было его! — зашумели противники.

— Записать им поражение! — предложил кто-то из рядов.

Дорохин повысил голос:

— Повторяю: игра отменяется! Никаких победителей нет! Разойдись! Юра виновато посмотрел на товарищей:

— Выходит, не нужно было грабить арсенал?

Володя Аас дотронулся дотронулся до его плеча, где висела трещотка:

— Нужно было подумать о своем, а не чужое грабить! Тоже мне — Санчо Панса!

Слава Ободынский старался не смотреть товарищам в глаза. Дальнейшие события помешали провести военную игру.

ПОЕЗДКА С АВАРИЕЙ

Труд не позорит человека, к несчастью, иногда попадаются люди, позорящие труд.

У. Грант.

Постепенно артековская семья уменьшалась, за отдельными пионерами приезжали родители, которые смогли эвакуироваться на восток.

Уехала с матерью Шура Лисицына, харьковские ребята Иза Мороз, Борис со второго отряда и другие ребята. Обслуживающий персонал тоже таял.

Как-то после завтрака меня позвали к начальнику лагеря. Гурий Григорьевич посмотрел испытующим взглядом, потом сказал:

— Тебе поручается важное хозяйственное дело: поехать в Нижне-Чирскую и получить для лагеря брынзу, она в небольших бочках. В помощь возьми кого-нибудь из пацанов.

— А чем ехать? — поинтересовался я.

— Машиной МУ-2. Знаешь такую марку?

— Волами?

— Да, ты угадал — иного транспорта у нас нет. Я просил автомашину в разных организациях, но, понимаешь — фронт. Обещают в скором времени выделить для нужд лагеря пару лошадей. А пока… — и он развел руками. Он рассказал, куда ехать, какие оформить документы, откуда получить груз.

…Пара серых степных волов медленно катила телегу полевой дорогой. Мы с Юрой Мельниковым беспечно расположились на охапке ароматного сена. Для меня такой способ передвижения был знаком, уже после шестого класса я со своими сверстниками работал после школы в колхозе, научился ухаживать за лошадьми, волами, вот только доить коров не приходилось. Однажды, со своим школьным другом Колей Сидоренко бороновали пар волами далеко за селом. Ходили поперек вспаханного весной чистого пара, покрикивая на упрямых животных. В полдень отдохнули, полежали на солнышке, подставив ему загорелые спины. Отдохнули и животные. Потом снова — соб! гей! — продолжали работу. Но положенной нормы не выполнили: не покормленные волы, будто по команде, вышли на пашни и повернули к селу. Мы на них кричали, размахивали кнутами, но они, упрямо мотая рогами, шли вперед. На ходу

отцепили бороны, животные, почуяв облегчение, пошли быстрее, потом побежали. Мы рысцой трусили за ними вслед, но потом отстали. Лишь под селом догнали вредных животных, они мирно паслись в дозревающем овсе. Еле выгнали их из посева, оглядываясь по сторонам, нет ли вблизи кого-нибудь.

…Я даже улыбнулся, вспомнив далекий родной дом, мирные довоенные поля, и тотчас налегла тоска: что там дома, где родные, друзья? Вспомнил, сегодня первое сентября, где-то ребятишки идут в школу, а мы едем волами. Успокаивал себя тем, что здесь не слышно войны, не топчут землю немецкие сапоги, а где-то на Буге и на Днепре гремит военная гроза, падают убитые. Там и наши ровесники ввергнуты в тяжелейшие испытания, подвергаются смертельной опасности. «Смог бы я вынести подобное?» — напрашивалась мысль. Юра тоже о чем-то думал, безразлично посматривая по сторонам.

Мимо проехало несколько подвод с мешками. «Повезли хлеб стране», — догадался я. Вспомнилось, как перед войной работали на колхозном току, помогая женщинам насыпать зерно в мешки для отправки на элеватор. Мужчины, не торопясь, грузили их на подводы, и вскоре вереница повозок с зерном нового урожая вытягивалась в длинную извивающуюся линию по направлению к станции. Впереди полыхал красный флаг, кто-то из молодых ездовых растягивал гармонь, взлетала дружная песня. А позади бежали вездесущие ребятишки, утопая в клубах пыли. Когда в колхозах появились первые автомобили, что было очень важным событием в жизни колхозного села, традиция с красным флагом и гармонью продолжалась, только ребятишки теперь стояли на обочине дороги, наблюдая за быстро проезжавшими автомашинами.

В станицу мы приехали перед обедом. Быстро нашли нужный склад, погрузли бочки с брынзой — они были довольно тяжелые, оформили необходимые документы и двинулись в обратный путь.

Защемило сердце, когда проезжали мимо школьного двора, наполненного ребятами всех возрастов, веселыми голосами, а звон школьного звонка был приятнее всех мелодий.

— Давай немного посмотрим! — попросил Юра.

Потянуло в школу, в её светлые классы и прохладные коридоры. Мне нужно было ходить в девятый класс, если бы не проклятая война. Мыслями возвратился в родную школу, — открылась ли она в этом учебном году? Уже давно радио сообщало о тяжелых оборонительных боях под Киевом, мы с болью в сердце и невольным трепетом ловили каждое слово диктора, а потом облегченно вздыхали, узнав, что Киев ещё держится.

…Солнце припекало, пришлось раздеться — мы рады были случаю позагорать. Умеренная поступь волов, тихое поскрипывание деревянного ярма, мирный однотонный пейзаж нас вскоре укачал — мы начали клевать носом. На горизонте показалась скирда клеверного сена — это был наш ориентир — за ней дорога сворачивала к лагерю. Животные, видимо, тоже ожидали скирду ароматного клевера, для них она была не топографическим пунктом, а вкусной пищей. Они прибавили шагу, не доехав метров сорок до нужного поворота, круто свернули влево к скирде и пошли ещё резвее мимо глубокого оврага. Мы, к счастью, проснулись, заметили опасность.

— Цабэ, проклятые! — в ход пошел кнут.

Но было слишком поздно: повозка катилась по самому краю уходящей далеко вниз отвесной стены оврага, ещё немного — колеса сорвались в прорву, короб слетел вместе с бочками и, цепляясь за рыхлые глиняные выступы, полетел на дно оврага.

— Прыгай, Юра! — успел крикнуть я другу.

Сам тоже перемахнул через правый борт в последнюю минуту, едва не упав в овраг. А волы, как ни в чем не бывало, потянули остаток бывшей повозки к скирде — главной виновнице катастрофы.

Обследовали овраг. Несколько дней назад прошел дождь, оставив на дне оврага жидкую грязь. Далеко внизу чернел короб и возле него белели днища бочек. Мы решили посмотреть, целые ли они, нашли удобное место и осторожно по склону спустились на дно оврага. Осмотрели груз: бочки были целые, — рассыпавшись веером, они позастревали в густой, вязкой жиже. Вытащить их наверх мы вдвоём не смогли. Оставив Юру на месте происшествия, я пошел в лагерь за помощью. Ещё издали заметил возле склада начальника лагеря, он тоже увидел приближающегося «экспедитора» без груза.

— Что случилось? Почему без повозки? — встревожился он.

— Все на месте. Мне нужно человек десять ребят, — и я рассказал о случившемся.

Через несколько минут отряд юношей с вожатым Толей Пампу, вооружившись длинной веревкой, прибыли на место аварии. Часть ребят спустились на дно оврага, они обвязывали бочки веревкой, а остальные наверху вытягивали их и откатывали в сторону, пыхтя и выкрикивая: «Раз, два — взяли!» Последним вытащили короб.

— Цепляй и волов — вытащим! — шутили ребята.

Работа затянулась до вечера, в сумерках мы помылись в реке и отправились на ужин.

— Ну, как, экспедитор, здоровье? Не болят косточки? —

шутил утром Гурий Григорьевич.

— А чего бы им болеть? — не совсем понял я.

— Скажи правду: ты на бочках летел, или они на тебе?

— Совсем не так: я выпрыгнул на другую сторону, а Юра ещё раньше. Если бы мы не выпрыгнули, так, наверное, косточек не насобирали, там высота — метров пятнадцать.

— Ну, всё — убедил, убедил, — продолжал улыбаться начальник.

Он похлопал меня по плечу и уже серьезно сказал:

— Считай, повезло нам с тобой, просто — повезло! Нужно впредь быть осторожным, избегать случайностей!

Его широкая ладонь ещё раз коснулась моего плеча.

ГЕНА ЛИХОНИН

Уважайте друг друга, не забывая, что в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя и что нужно ей дать волю развиться и расцвести.

М. Горький.

Это был высокий статный юноша, русоволосый, с красивым лицом. На верхней губе упорно пробивался тёмный пушок. Харьковчанин, его тоже не отпустили домой, и он оставался вместе со всеми. Его я запомнил ещё с Нижнего лагеря. На Дону ему поручили лодки и команду осводовцев. Крепкий и выносливый физически он часами мог грести против течения и, казалось, не уставал. Дружил он со всеми, быстро уживался с новыми ребятами, его уважали за прямой, открытый характер, весёлую натуру. Иногда он бывал грубоват. Вечерами, когда до отбоя ещё было время, Гена собирал ребят и организовывал хор.

— Начинай, Лёша, нашу украинскую.

— Какую?

— Давай «Хмелю».

К ним подсаживались ребята из других палат и звучал импровизированный хор. Пели «Розпрягайте, хлопці, коней», «Ой, у полі вітер віе», «Ой, у лузі», но больше других Гена любил песню «Стоит гора высокая». Его лирической душе импонировали песенные картины природы родной Украины, на земле которой теперь гремела военная гроза, лилась кровь. Мягко напевая, он глубоко задумывался, прислоняясь к товарищу. Вскоре к ним стали присоединяться эстонцы и белорусы, молдаване и поляки, многим из них эти мелодии были знакомы, а слова они выговаривали на свой манер, а больше — по-русски.

С украинскими песнями чередовались артековские, песни гражданской войны. Две Вали — Мирошниченко и Трошина начинали:

Расшумелся ковыль, золотая трава,
Золотая трава-бирюза…

Хор мальчиков подхватывал:

А геройская быль не забытой жила,
Хоть давно отшумела гроза.

После пения на вечернюю линейку шли возбуждённые, напевая любимые мелодии. Такие творческие вечера очень сближали и сплачивали ребят. Мы всё больше проникались уважением к её организатору — Гене.

Однажды мы наблюдали его очень разгневанным. Было это так. Дорохин организовал перевозку молока с подсобного хозяйства на лодках осводовцев. Случилось так, что в одной лодке ехали Дорохин, я с Геной на переменки на вёслах, на корме устроилась Ядвига Блажиевская — пионерка польской национальности. Она хорошо пела, но была гордой девочкой.

Гена старался изо всех сил, чтобы засветло добраться в лагерь. Завязался разговор:

— Ген, не брызгай вёслами, пожалуйста! — требовала Ядвига.

— Давай поменяемся местами! — предложил Гена.

— Я не умею грести.

— В таком случае, милая, терпи, — нужно торопиться!

— Какие эти мужики грубые!

— Какие эти девчонки гонористые! — в тон ей отвечал Гена.

— Поляков не бывает без гонора, это… как сказать… — это присуще им.

— Ты, в первую очередь, — артековка, а потом уж — полячка.

Ядвига постепенно заводилась. Она бросала острые взгляды, кусала губы:

— А ты, в первую очередь, — хохол упрямый, а не артековец!

Гена очень, казалось, спокойно ответил:

— А ты не оскорбляй, а то выброшу в речку!

Дорохин не выдержал:

— Геннадий, прекрати спор! Неужели вам не о чем больше говорить?

— Да что он понимает — холоп несчастный!

— Ну, знаешь… — рванулся к ней Гена и, не удержавшись, дунул в неё слюной. Капля попала девушке точно в глаз.

— Пся крев! — выругалась Ядвига.

Лодка разворачивалась к берегу. Ядвига схватилась со своего места и стремглав бросилась в реку.

— Куда ты, ненормальная! — хотел достать её за руку Дорохин. Ядвига почти по шею в воде упорно брела к берегу.

— Простудишься, глупая! — сердито кричал вожатый.

— Пшеско едно! — отрезала Ядвига, удаляясь от лодки.

Дорохин обрушился на Гену:

— Что ты наделал? Ты ведь хлопец, — неужели у тебя нервы из верёвки? А потом ты понимаешь, какой подход нужен к этим — вчерашним польским подданным?

— К дьяволу тот подход, если она оскорбляет советского человека, — ворчал Гена. — Сидела бы в своём Львове со своим гонором!

Этот небольшой инцидент стал предметом обсуждения на заседании совета лагеря. Дорохин был очень принципиальным в вопросах интернационального воспитания. В поступке Гены он усмотрел большое нарушение артековских принципов пролетарской солидарности и упорно доказывал это на совете. Гена не оправдывался. Наклонив голову, он внятно произнёс:

— Я, конечно, немного погорячился и знаю свою провинность. Но Ядвиге нужно объяснить наши советские обычаи и принципы нашей дружбы.

Ядвига требовала, чтобы Гена перед ней извинился, на что он ответил:

— Ты начала первая оскорблять — первой и извинись, а потом я.

Ядвига покраснела и снова спокойный внешне разговор едва не закончился новой перепалкой.

За столом появился Гурий Григорьевич и все утихли в ожидании, что скажет главный арбитр. Он никогда не кричал, редко сердился, но ребята относились к нему с уважением. Он был справедлив, его мысли были глубоко логичны.

— Ваша словесная перепалка напоминает мне битву петуха с курицей, — заговорил он медленным басом.

Все засмеялись.

— Ядвиге я не удивляюсь, а поведение Лихонина не могу понять. Она — представитель слабого пола, к ней должно быть проявлено снисхождение. А ты ведь без пяти минут взрослый мужчина, то есть джентльмен. Нужно собой руководить, управлять своими чувствами, дорогой. Если у человека сильная воля, то он умеет владеть собой в любых обстоятельствах. Об этом нужно помнить всегда и особенно сейчас, когда наш народ стоит перед суровыми испытаниями, закаляет свой характер, собирает в кулак свою волю и творит чудеса героизма. Вы — дети одной артековской семьи, семьи многонациональной, члены которой должны жить дружно, как родные братья и сёстры, чтобы не давать ни малейшего повода для наших врагов, которые стараются вбить клин в межнациональные отношения наших советских людей. Думаю, Ядвига поймёт, что она поступила опрометчиво, выбросившись из лодки. Надеюсь, что вы вдвоём сумеете оценить свои ошибки и помириться. Ну, какие там

решения? — обратился он к Дорохину.

— Совет лагеря постановил: Лихонину сделать замечание, а Блажиевскую предупредить! Кто «за» — прошу голосовать! — закончил Дорохин эту неприятную историю.

В СТЕПИ

Труд составляет самую крепкую и надёжную связь между тем человеком, который трудится, и тем обществом, на пользу которого направлен этот труд.

Д. Писарев.

В лагерь приехал на бударке председатель местного колхоза. Отыскав Ястребова и поздоровавшись с ним за руку, как со старым знакомым, он спросил:

— Знаете, зачем приехал?

— Догадываюсь.

— Не успеваем с обмолотом — людей не хватает. Помогите нам своими мальчуганами хотя бы несколько деньков.

— Понимаю, что не успеваете, но много я не могу выделить, ведь ребята заняты по самообслуживанию лагеря, да и маленькие они. Ребят старшего возраста наберётся где-то около тридцати.

— Да это же великая сила! — радостно воскликнул председатель.

— А что вы нам за это? — полушутя спросил Ястребов.

— Что возьмёте, то и дадим. Можем арбузов несколько тонн выписать — для малышей это настоящее лакомство, помогите лишь насобирать!

— Снова — «помогите», — улыбнулся Гурий Григорьевич. — Ну, добро, когда присылать на работу ребят.

— Лучше сегодня вечером, потому что мой машинист днём будет занят. Пусть выходят к скирдам в степь!

— Договорились!

Перед закатом ребята первого и второго отрядов с вожатыми Володей Дорохиным и Толей Пампу пошли «зарабатывать арбузы», как сказал, шутя Гурий Григорьевич.

В степи возле длинных скирд стояла молотилка — «ростовчанка», несколько женщин в запылённой одежде убирали на току солому, подгребали деревянными лопатами зерно в большую кучу. Из-под молотилки вылез машинист, пожилой, уставший мужчина, вытирая руки, осмотрел прибывших.

— Хороши ребятки! Приходилось такую работу выполнять? Ну, тогда полскирды умрёт за ночь! — деловито прикинул он вслух.

Ребята переглянулись — «целую ночь работать?».

— Что, испугались, соколики? — заметил машинист. — А мой Миша днём возит воду, а ночью за Доном — лошадей пасёт!

— А когда он спит?

— Вот так и спит. Прикорнёт в ночном немного, а скажет — выспался хорошо. Да приболел что-то мой певец малый, — с теплотой в голосе рассуждал машинист, отводя с ребятами душу. — Промок в ночном, а домой по одежду не приехал, вот и…

— Да это не тот ли Миша, который пел и плясал у нас на празднике?

— Да он же, — ответил отец. — Лежит теперь в больнице, бедняжка!

Ребята приумолкли. Как же они до сих пор не смогли навестить своего знакомого казачонка? Разве это по-артековски получается?

— В выходной день сходим! — наклонившись ко мне, зашептал на ухо Вася Заблоцкий.

— Да, обязательно навестим!

Загудел трактор, зажужжала молотилка, брызнули в мешки первые пригоршни литого зерна. Возле машиниста стоял в очках Толя Пампу и подавал развязанные снопы, а Мишин отец ловко совал их в барабан. Ребята относили наполненные мешки и высыпали их в большую кучу, что терриконом возвышалась в степи в окружении веялок. Другая часть ребят оттаскивала обмолоченную солому далеко в сторону и там тоже вырастала вторая скирда. Пыль тучей стояла возле молотилки, застилала глаза, трещала на зубах, заставляла часто чихать и откашливаться. А машина всё гудела и гудела, как растревоженный зверь, жадно пожирая снопы. Когда стало темнеть, машинист махнул рукой, соскочил на землю, заглушил трактор.

Установилась тишина, слышались возле дороги переливы сверчков, а в долине мычал скот, лаяли собаки.

— Немного отдохнём, перекусим и начнём опять, — за старшего распорядился машинист.

Ребята лежали на соломе и глядели в небо. Белые тучи, как живые существа, медленно двигались на запад. Дети смотрели им вслед, как бы провожая их, — они двигались в сторону их родных мест, некоторые даже считали, через сколько времени они доплывут до их крыш. Каждый думал: а как там дома, где родные, что с ними? Вчера по радио сообщили, что наши оставили Киев, значит, и там уже хозяйничают немцы. Как же так? Как могло такое случиться? Произвольно сжимались кулаки, влажнели от бессилия глаза. Ужасно хотелось увидеть маму, отца, братьев.

Дома ли они?

Рядом прилёг Слава.

— О чём задумался?

— О чём же мы теперь думаем — о родном доме.

— А где же мой Борис? Где мой сокол? Ты знаешь, Лёшка, — заговорил он быстро, — я верю, что брат пройдёт все испытания и мы ещё встретимся в родном Тирашлёпе!

— Да, нужно верить, может быть будет легче нашим братьям. Хотя бы знать, что с ними, где они?

Немного помолчали, думая каждый о своём.

— А что, если бы нас отпустили домой, поехали бы?

Слава удивлённо посмотрел на меня:

— Куда же ты поедешь: Киев оставили, Одесса окружена — к немцам в зубы?

— А я уехал бы. Перебрался бы ночью через линию фронта, дошёл бы домой, но не объявился бы, а украдкой посмотрел, как живут наши и подался бы в партизаны. Я знаю, что мои друзья в партизанах, а где же иначе быть?

— Трудно предположить, где наши друзья, — задумчиво отметил друг. По своей наивности я тогда не предполагал, что многие мои одноклассники были угнаны в Германию, но партизаны в наших местах были, очень активно действовал отряд Копёнкина, Соколовского. Позже стали известны полтавские подпольщики во главе с Лялей Убийвовк.

Снова зарокотал трактор, загудела молотилка, ребята разошлись по своим постам.

Степь постепенно окуналась в ночь. Бледное сияние луны выхватывало из темноты скирды, громадные вороха пшеницы, фигуры уставших ребят, а дальше — всё утопало в тумане.

Как и говорил накануне машинист, половина скирды превратилась в громадную кучу зерна и длинный вал золотистой соломы. Когда на востоке забрезжил рассвет, трактор, наконец, чихнул и умолк. Уставшие ребята пошли в лагерь, довольные своей первой, пусть и трудной, трудовой вахтой.

Со склона хорошо просматривался Дон, но его зеркальной поверхности не было видно: в долине клубился туман.

— Вот так не заметили, когда и осень пришла, — сетовал Дорохин.

В долине все почувствовали дыхание осени: пройдя немного в тумане, мы стали влажные, как после дождя.

Ребята ещё несколько раз ходили «зарабатывать арбузы». Наш отряд вырос до полсотни «соколиков», как любил называть нас машинист. Девушек мы послали в Суворовскую навестить Мишу. Они рассказывали, что больной очень обрадовался их приходу,

расспрашивал, чем занимаются сейчас артековцы, какие поют песни. Он был очень доволен, что ребята работают вместе с отцом. Но вид у него был плохой: глухой кашель, холодный пот, он очень исхудал. Врач не разрешил долго находиться возле больного, и девушки, пожелав выздоровления, ушли.

Неделю спустя все скирды в степи были обмолочены.

— Ну, что мне делать с этими «Кавказскими горами»? — указывал на пшеницу председатель. — Чем и когда я её перевезу?

— Здесь, батя, мы уже ничем не можем помочь, — разводил руками Толя Пампу. — Как-нибудь перевезёте!

…Сеял мелкий дождик и ребята торопились, успев насобирать большую гору арбузов, а теперь каждый выбирал по два — что ни есть — наибольших — «в личное пользование», как сказал сторож, чтобы унести их в лагерь. Потом он позвал ребят в курень:

— А идите-ка сюда, обогрейтесь немного!

Старику хотелось побыть с живыми людьми. Когда почти все залезли в просторный курень, дед гостеприимно начал:

— То — вам арбузы, а это от меня! — и он выкатил из-под соломы полосатого великана.

— Ого-го-го! — удивились ребята. — Вот это так арбуз, хоть на выставку!

— Вам такой не попался?

— Нет, к сожалению!

— Он знал, что его большая компания будет шамать и старался расти на совесть, — кряхтел дед, полосуя его ножом.

Закончив разрезать, подал команду:

— А ну, налетай! — и он подсунул ребятам красный «как жар» арбуз.

— Ну и ломтики — не перехватишь одним махом! — рассуждал Юра.

— Большому куску рот радуется! — улыбался в бороду сторож.

Вскоре у ребят вздулись животы, они поодиночке выскакивали из куреня «смотреть, не идёт ли подвода за арбузами». Несколько раз они приседали «доконать изверга», но так и не одолели сочного богатыря.

— Что же вы — слабаки, что ли? — ворчал дед. — Я годков с десяток назад бывало сам управлялся с таким рябком, а вас ведь — орава!

— Это мы вам, дедушка, оставили, вместе ведь собирали! — пытался оправдаться Володя Николаев.

Теперь в меню на третье были арбузы, порция — пол-арбуза на человека. Не каждый справлялся с такой порцией. А

маленькому Пете Коцману иногда не хватало и её. Однажды он съел свою порцию и порцию отсутствующего где-то в наряде Володи Селюна. Кто-то из ребят это заметил и рассказал Гурию Григорьевичу. На следующий день во время обеда Пете поднесли большой арбуз.

— Что это, кому? — не понял мальчик.

— Это тебе порция, тебе ведь не хватает!

Петя покраснел, однако принялся кушать. Съесть большой арбуз он, конечно, не смог, поднялся и хотел выйти. Но сзади к нему кто-то подошёл, положил руки на плечи, усадил на место:

— Кушай, Петенька, кушай, наедайся! — услышал он голос начальника.

— Я больше не могу…

— Посиди, отдохни, доешь, чтобы полностью насытиться!

После этого случая Пете стало хватать одной порции.

РЫЖИК И БУЛАНКА

Настоящее сокровище для людей
— умение трудиться.

Эзоп.

В лагере появился новый завхоз — Карпенко. С семьёй он эвакуировался из украинского города Стрия. Жена, тётя Фаня, стала работать поваром в нашей столовой, а сын Володя, с которым ребята быстро познакомились, — пристроился в подсобном хозяйстве. С их приездом в лагере появилась пара лошадей. Об этом мне стало известно от Гурия Григорьевича. Он начал разговор вопросом:

— Ты на лошади умеешь ездить?

— Как — верхом?

— Вообще ездить: верхом, в упряжке?

— Конечно, умею, это — проще простого!

— А ухаживать за ними, запрячь, если понадобиться, сможешь?

— Сумею тоже, в колхозе приходилось работать с лошадьми.

— Ну, так вот, придётся принимать тебе это хозяйство. Мы, наконец, разбогатели — имеем пару лошадей. Они сейчас на подсобном хозяйстве, отдыхают. Кого из ребят возьмёшь себе в помощь?

Мне пришлось немного подумать, вспомнить, кто из ребят до Артека жил в селе.

— Можно Васю Заблоцкого и Мишу Фатерного. Они говорили, что у них дома были собственные лошади.

— Тогда поговори с ними, если согласятся, будут твоими помощниками. Сходите на подсобное хозяйство, посмотрите на лошадок, потом скажите свои соображения.

Так началось освоение нового для Артека транспорта.

Вася быстро дал им клички: кобыле — Буланка, а её напарнику — Рыжик. Лошади были очень худыми, видимо не одну сотню километров преодолели они, вывозя эвакуированных. Решили их немного откормить. Ежедневно их перевозили на пароме на левый берег Дона, где они паслись в высокой отаве на заливных лугах. Мы их баловали: приносили из столовой хлебные корки, остатки пищи, чистили гривы, расчёсывали хвосты.

Спустя несколько недель животные откормились, отдохнули, шерсть стала лосниться и блестеть. Лошади привязались к нам, встречали нас звонким ржанием. Буланка была ниже ростом, за

ней ухаживал Вася, а мы с Мишей ухаживали за Рыжиком. На широком лугу часто устраивали бега. Буланка бегала быстрее, но она почему-то часто спотыкалась на передние ноги, и если это случалось несколько раз в одном забеге, то Рыжик её опережал. Вася говорил в таких случаях:

— Я её обязательно вытренирую и она станет конячкой — на во!

И вот во время одного забега Буланка споткнулась на передние ноги и перевернулась через голову. Васю по инерции отбросило бросило на несколько метров вперёд и он застрял в кустах, исцарапав руки и лицо. Мы кинулись к нему на помощь, испугались, что он разбился, но, увидев, что наш товарищ невредим, и лишь немного поцарапан, — рассмеялись:

— Тебя словно ветром сдуло с Буланки, не успели увидеть, где ты и куда исчез.

— Известный дрессировщик Дуров позавидовал бы тебе — ты его превзошёл в полёте-кувырке! — поддевали мы его.

Вместе с нами смеялся и Вася, довольный, что всё обошлось благополучно.

…Начались холодные осенние дожди. Ребята сидели в палатках, играли в бильярд, шахматы, домино. Часть была вовлечена вожатой Тосей в подготовку праздничного концерта к 24-й годовщине Октября. За некоторыми ребятами приехали родители, увезли с собой. Уехала Валя Мирошниченко, наш общий товарищ — Гена Лихонин. Мы от души завидовали им, но расставаться не хотелось, — уж очень мы привыкли друг к другу. Провожали тепло, желали им удачи в будущем, не представляя, как оно может сложиться.

Хмурым осенним утром мы выехали с Гурием Григорьевичем в Нижне-Чирскую, начальника лагеря вызывали на совещание в районный комитет партии. В станице было полно военных автомашине, полевых кухонь, повозок, санитарных двуколок, артиллерийских передков. Они стояли под заборами, в садах и лесопарках, на огородах, солдаты толпились возле дымящихся кухонь.

Подъехали к двухэтажному зданию.

— Здесь будет проходить совещание, а меня будешь ожидать у бабушки. Поворачивай налево! — распорядился Ястребов.

В небольшом деревянном домике знакомой мне старушки было тепло и по-домашнему уютно. Чисто вымытый пол был устлан домашними ковриками, на стенах висело множество фотографий. На окнах белели занавески. Бабушка пригласила к чаю, но Гурий Григорьевич поблагодарил, — он торопился на

совещание. Когда остались вдвоём, бабушка заставила выпить меня чашку горячего чая, сама тоже подсела к столу.

— А где же твой дом, сынок? — прихлёбывая чай, спросила она.

— На Украине, в Полтавской области.

— Кто же есть дома?

— Не знаю, кто сейчас, а оставлял перед отъездом всех: отца, мать, двух братьев.

— Проклятые супостаты почти всю Украину заграбастали. Отступают наши. Видел, сколько войска стоит в станице? Измученные все, худущие, а злые, как осы.

Она помолчала немного, будто что-то вспоминала.

— Где-то и мои два сына на фронте воюют. Один хоть весточку прислал из-под Ленинграда, а старшего — с самого начала не слыхать, — и она показала на фотографию. Оттуда смотрело мужественное лицо военного лётчика в звании лейтенанта.

— Так и тоскую одна в надежде, что когда-нибудь возвратятся мои сыночки.

— А где же ваш муж?

— Давно уж его нет, погиб в гражданскую под Царицыном, а я с двумя малыми детьми осталась, намаялась с ними, пока на ноги поставила. Вырастила, выучила, невесток ожидала, а их перед войной одного за другим взяли в армию, и там учились оба, а теперь вот воюют.

— Ничего, бабушка, не тоскуйте, не плачьте, вот скоро разобьют ваши сыновья немчуру и приедут в гости. Будут вот так с вами чай пить и вспоминать о прошлом.

— Если бы так, дай-то Бог… — твердила старуха, смахивая со щеки горькие материнские слёзы.

Осенний вечер быстро окутал землю сумерками, а Гурия Григорьевича всё не было.

Моросил мелкий дождик, рваные облака клочьями низко плыли над землёй. Я несколько раз выходил к лошадям, посматривал на улицу, а потом медленно пошёл к зданию, где шло совещание. Дом был освещён, в занавешенных окнах мелькали тени. «Наверно, закончилось совещание», — подумал я и быстро пошёл назад. Но прошёл добрый час, пока пришёл Ястребов.

— Налейте, пожалуйста, Тимофеевна, чайку! — попросил он, и устало опустился на стул.

— Что задумался, Григорьевич, устал, небось? — спросила участливо хозяйка, ставя перед ним чай и варенье.

— Дела, дела, мамаша!

— Плохи дела? — насторожилась хозяйка.

— Есть разные, но больше — плохие, — и он принялся за чай.

— Как же мы доедем домой, товарищ водитель? — спросил он, устраиваясь на повозке.

— Доедем, если не заблудимся, — выразил я свои сомнения.

— А ты умеешь разве блудить?

— Не приходилось, да ночью я никуда далеко и не ездил.

— Это у тебя получается, как у того мужика-кровельщика: укрывает он избу, а его сосед и спрашивает: «Что, укрыл, говоришь?». «Да, — отвечает он, — правда твоя — что укрыл, то укрыл!». «Так не течёт, говоришь?» — снова тот спрашивает его. «Да, верно — что не течёт, так не течёт!». «Так ведь дождя-то не было!». «Верно, говоришь, — что не было, то не было!».

Меня рассмешила эта простая житейская шутка.

Лошади, будто понимая опасение взрослых, сами держались дороги, — она была хорошо им знакома, не один раз приезжали они в станицу с разными ездоками по разным делам.

— Что ж, Алексей, придётся тебе скоро разлучаться с лошадками, — заговорил после паузы Ястребов.

— Почему? — удивился я.

— Будем переезжать на новое место.

— А куда?

— Пока точно неизвестно, маршрут снова к Сталинграду, а там — дальше, по-видимому, в Среднюю Азию.

— Значит, снова в путь, — промолвил я в раздумье.

Больше за всю дорогу мы ни о чём не разговаривали, каждый занятый своими мыслями, роящимися в голове под умеренное шлёпанье копыт Рыжика и Буланки. С дороги они не сбились.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ

Нужно запасаться верою в себя, в свои силы, а эта вера достигается преодолением препятствий, воспитанием воли, «тренировкой» её.

М. Горький.

Лагерь начал готовиться к отъезду: запаковывали вещи, отвозили их на станцию. Никто не сидел без дела, младшие помогали старшим. Седьмого ноября 1941 года артековцы отпраздновали 24-ю годовщину Великого Октября, а на следующий день ребята попрощались с гостеприимными донскими берегами и на последнем пароходе уехали в город Калач. В лагере осталась небольшая группа для окончательного решения хозяйственных вопросов: три артековца — Юра Мельников, Вася Заблоцкий и я, старший вожатый Володя Дорохин и завхоз Карпенко. Днём мы собирали по лагерю оставшийся инвентарь, мебель, отвозили в станицу Суворовскую или на подсобное хозяйство, а вечерами собирались в одной комнате, где поставили чугунную «буржуйку», на которой готовили пищу и отдыхали в тепле после дневных забот.

Зима легла рано, после отъезда Артека по Дону пошёл лёд и через несколько дней река замёрзла. Земля опушилась белым инеем, ударили ранние морозы.

Одеты мы остались по-летнему: лагерь не успел получить зимней одежды. Нам выдали голубые фланелевые костюмы, куртки были хорошие, а брюки — короткие, они едва закрывали колени. Обувь была и того хуже — резиновые сапоги — «холодильники». Более всего соответствовали сезону тёплые фуфайки. А вот головные уборки никак не гармонировали с нашими костюмами и, особенно, с зимней стужей: белые артековские бескозырки с надписью на ленточке — «Артек».

Вася распорол свой домашний портфель, с которым приехал в Артек, и по вечерам шил себе шапку, которая скорее напоминала купальный шлем. Портфель был небольшой, поэтому шапка получилась тесноватая.

Юра посмеивался над товарищем:

— Ты напрасно распорол портфель, — серьёзным тоном говорил он Васе, — оторвал бы ручку — одевай и носи на здоровье. А можно и с ручкой носить, даже удобнее: приподнял за ручку и снял шляпенцию!

Поневоле мне с Юрой приходилось форсить в бескозырках, иного выхода у нас не было.

Наконец, пришёл черёд проститься с лошадьми. Все вещи были сданы, документы оформлены, оставалось получить в Суворовской продукты питания на дорогу и сдать лошадей. Юру оставили дома готовить картофельный обед, и вчетвером отправились в станицу. Карпенко ушёл раньше, а мы втроём отправились верхом: я с Васей на рыжике, а Буланку отдали Дорохину. С трудом удалось его убедить. Что лучше плохо ехать, нежели хорошо топать пешком, и он согласился. Для него это была первая и, наверно, последняя поездка верхом на лошади. Он сидел, изогнувшись вопросительным знаком и уцепившись за гриву. Ехали по прибрежной тропинке, удерживая застоявшихся лошадей. На ровном открытом месте пришпорили коней, и они пошли рысью. Буланка чувствовала, что всадник сидит неуверенно и, наверное, поэтому разбежалась под нависшие над дорогой ветки. Дорохин наклонился почти к самой гриве, но хитрое животное проделывало свой манёвр снова и снова, пока Володя не грохнулся на землю. За обедом он весело рассказывал о проделках хитрой Буланки, а Карпенко весело хохотал:

— Выходит, тебе одного коня не хватило на дорогу! Ну и наездник!

Пришёл декабрьский день и мы двинулись в путь. В Нижне-Чирской обогрелись и пообедали у Тимофеевны, сердечно поблагодарили её и на попутной подводе поехали на станцию Чир.

Под вечер мороз крепчал, ветер гнал позёмку, а скрип саней раздавался далеко вокруг. Мы почти всю дорогу шли пешком, боясь отморозить ноги. Незащищённое лицо ежеминутно приходилось оттирать руками. Пятнадцать километров казались бесконечными. Но вот огни станции мигают ближе и, наконец, мы ввалились в помещение перемёрзшие, сердитые. Холод вызвал прилив аппетита, мы в уголочке развязали свои продукты, но подкрепиться не удалось: на морозе хлеб и ливерная колбаса замерзли окончательно, пришлось около часа держать пищу возле печки, чтобы она оттаяла.

В помещении было полным-полно народа: гражданские, военные, женщины, дети, — все ожидали попутных поездов на Сталинград, на запад — никто не ехал.

Один матрос подошёл к нам и спросил:

— Откуда, юнги, плывёте? С какой коробки?

Потом начал вслух читать надписи на наших бескозырках:

— Что-то не слыхал такого корабля. Учебный что ли?

Пришлось разъяснить ему, что мы из крымского лагеря

«Артек». Ночью сонных ребят растолкал Карпенко:

— Поехали! Подошёл товарный эшелон!

Залезли в первый попавшийся вагон. Через несколько минут поезд тронулся, станционные огни поплыли назад. На душе стало спокойнее — едем! В вагоне лежали мешки с цементом, двери были раскрыты настежь. Ветер спокойно закручивал фонтанчики пыли. Никто не садился, было ужасно холодно.

Карпенко предупредил:

— На месте не стоять! Ходите, бегайте, прыгайте, пляшите! Ибо замёрзнете на сосульку.

Ему с трудом удалось закрыть дверь с одной стороны, закрыли люки на окошках, — сквозняк немного уменьшился, но от этого теплее не стало. Через несколько часов утомительного пути пассажиры вконец перемерзли и на каком-то полустанке вылезли и побежали к железнодорожной будке. Тёплое помещение едва вместило замерзших, измученных бессонницей людей. Каждому хотелось пробиться к докрасна накалённой углём плите, отогреть бесчувственные конечности. Железнодорожный начальник кричал, ругался, угрожал неведомо чем, требуя очистить помещение, но никто не реагировал на его брань. Он устал кричать и утихомирился.

Через полчаса загудел паровоз — эшелон двинулся дальше. Пассажиры выскакивали из тёплого помещения, на ходу цеплялись и влезали в вагоны. Мы снова ехали на цементе, снова прыгали и плясали, размахивали руками и ногами. Но через минуту конечности снова мёрзли, а мы не могли отдышаться. Хотелось сесть, прилечь, смежить сонные веки, но Карпенко был неумолим, требуя:

— Не стойте! Двигайтесь! Нужно потерпеть ещё немного, и вы спасены!

Милый, хороший, строгий наш спаситель! Как хорошо, что в ту трудную минуту ты оказался рядом с нами, что сумел уберечь нас от беды.

На следующей станции эшелон остановился. Мы потащили свои вещи в помещение. Немного обогрелись и начали клевать носом. Тем временем Карпенко разведал, что в нашем направлении будет двигаться воинский эшелон и уже упросился к солдатам в теплушки. Они с Дорохиным поместились в один вагон, а мы втроём — в другой. Пожилые бойцы расспросили, кто мы и откуда, дали покушать, а потом уложили возле себя спать.

На станции Воропаново мы расстались, поблагодарив солдат. Они подарили каждому по пилотке:

— Хотя и не зимний убор, но всё же теплее ваших бескозырок! — говорил похожий на отца боец.

Отсюда к Сталинграду ходил рабочий поезд. На рассвете мы втиснулись в переполненный вагон и в обед прибыли в Сталинград. Просторное вокзальное помещение гудело, как взбудораженный улей от массы людей. Мы приютились возле стенки и, в первую очередь, пообедали остатками пищи. От частого изменения температуры хлеб и колбаса превратились в сплошную хлеболиверную массу. Её можно было кушать только пригоршнями.

Карпенко сразу же ушёл в областной комитет партии разузнать, куда уехал Артек, выхлопотать продуктов, а мы с Дорохиным вмиг уснули.

СТАЛИНГРАД

Всегда вперёд, после каждого совершённого шага готовиться к следующеему, все свои помыслы отдавать тому, что ещё предстоит сделать.

Н. Бурденко.

Сквозь сон мне показалось, что кто-то звал, голос был знакомый, показалось, будто Гурий Григорьевич хочет достать меня из оврага, куда я свалился с брынзой. Будто меня вязали верёвкой и тащили вверх, а в руках была бочка с брынзой. Я раскрыл глаза и первое, что я увидел, были белые фетровые сапоги. Я поднял глаза на владельца этой обуви и встретился со смеющимся взглядом Гурия Григорьевича, а Дорохин будил всех остальных. Я вскочил, не веря своим глазам. Прошло более пяти недель после отъезда Артека из Нижне-Чирской и мы успели соскучиться по своему начальнику, как по родному отцу.

— Ну, здравствуйте, хозяйственники! Крепко устали? — тепло обратился он к нам, поочерёдно пожав каждому руку своей широкой ладонью, потом распорядился:

— Мигом собирайтесь, поедем в баню, а потом в лагерь! Мы уже вас давненько поджидаем.

— Разве лагерь здесь? — почти одновременно закричали мы.

— А где же ему ещё быть? Здесь он, в Сталинграде.

— А что ребята делают? А почему вы не уехали в Среднюю Азию? А в школу ходят?

— Тра-та-та-та! Сдаюсь, сдаюсь! — и Гурий Григорьевич поднял вверх руки. — Вот приедем в лагерь и все ваши вопросы разрешатся. Пошли!

После бани, когда вечер зажёг тысячи огней над городом, мы подходили к четырёхэтажному зданию — бывшей школе по улице Кронштадской, где на верхнем этаже разместился Артек. В коридоре нас ожидали ребята старшей группы, а Володя Николаев за всех закричал:

— Ура-а-а-а папанинцам! — и погладил по шлеме Заблоцкого.

Ребята жали руки друзьям. Обнимались, словно после долгой разлуки, а прошло всего около месяца.

В просторном классе размещались мальчики, в другом — девушки, следующий класс служил столовой и красным уголком,

а в крайнем — был вещевой склад и жил Ястребов.

Сегодня на ужин мы немного опоздали, но нас тотчас повели в столовую. Обслуживал старший официант Жора Костин. Он уверенно двигался с подносами между столиками и скороговоркой сыпал:

— Присаживайтесь, пожалуйста, с дороги и чувствуйте себя, как дома. Мы вас обслужим, как в ресторане!

— А ты там разве работал? — спросил кто-то из коридора.

— Закрой дверь, мелюзга! — набросился на него Жора.

После дорожной ливерной каши мы действительно облизывали пальцы, и в этом была забота, конечно, не одного Жоры. Просто нас сегодня кормили как гостей.

Долго после отбоя ребята не давали нам уснуть, всё расспрашивая о наших последних днях на Дону, о мытарствах в дороге, а нас познакомили со сталинградскими новостями.

Утром новоприбывшие припали к окнам. Город громадился серыми домами, справа виднелась водонапорная башня хлебозавода, а вдали по высокой насыпи следовал эшелон, на платформах под брезентом стояли танки. «Здесь ведь находится тракторный завод!» — вспомнил я из географии, а позади послышалось:

— Давайте, ребята, посчитаем, сколько сегодня фрицам «подарков» поехало! Один, два, три… — считал кто-то танки на платформах, словно подаренные годы весенней Кушкой в лесу.

— Ежедневно постольку идёт на фронт новеньких, — заметил Слава, — а нужно бы ещё больше!

— А что слышно о брате Борисе? — поинтересовался я.

— Абсолютно никто не откликается, — с горечью ответил Слава. — Да и как разобраться в такой суматохе, сколько людей переместилось, — попробуй разыскать человека в таком бурлящем океане.

С возвращением Дорохина постепенно налаживалась пионерская работа. Систематически проводились политические беседы, информации, на которых слушали сообщение Советского Информбюро, читали новости из газет. А события были радостные, волнующие — под Москвой Красная Амия перешла в контрнаступление, немецко-фашистские войска были отброшены далеко от столицы, фашисты теряли веру в молниеносную войну, а советские люди — воспрянули духом, зажглись ещё сильнее верой в победу.

Однажды Дорохин собрал всех в красном уголке и предложил:

— Давайте послушаем интересный рассказ об одной героине-партизанке, — и начал читать.

Рассказ был напечатан в газете «Правда» под заголовком «Таня» автор — военный корреспондент Пётр Лидов. Артековцы услышали знакомые названия: Петрищево, станция Сходня по Октябрьской железной дороге, которую они проезжали, возвращаясь из «Мцыри». В их представлении всплыли запорошенные снегом подмосковные леса, село Петрищево, по улицам которого шла со связанными руками босиком по снегу партизанка Таня. Ребятам хотелось, чтобы она не погибла, чтобы её освободили партизаны. Но конец был трагическим: её повесили на виселице на глазах у местного населения.

Встряхнулись детские плечи, когда вожатый прочёл последние слова Тани:

— Не бойтесь, люди! Москва — наша, Красная Армия разобьёт… — ей палач не дал закончить, выбил табуретку из-под ног.

В комнате начали тихо всхлипывать, сдерживаясь, чтобы не разрыдаться вслух.

— Вот гады проклятые! — произнёс кто-то общее возмущение и негодование с глубокой внутренней болью.

— Просто не верится, что в тех местах были немцы! — проговорил Виктор Пальм.

— Это была настоящая советская патриотка! — подытожил Дорохин. — Большой силы воли требовалось, чтобы перенести все пытки, не испугаться, не выдать своих товарищей, военной тайны. Она всё вынесла и погибла героем!

— А это её настоящее имя? — спросил Ваня Заводчиков.

— Этим именем она назвалась сама на допросе, но вряд ли она сказала врагам правду. Возможно, это не настоящее имя. Почему-то мне кажется, что позднее мы услышим её настоящее имя, — ответил Дорохин.

И действительно, со временем история открыла тайну партизанки-Тани, возвратив ей настоящее имя — Зоя Космодемьянская. Но об этом все узнали значительно позже. Стало известно и о судьбе военного корреспондента Петра Лидова. Он прошёл немало фронтового бездорожья до самой Полтавы, под стенами которой вражеская пуля оборвала жизнь в расцвете сил и творчества.

Забегая вперёд, скажу, что в красавице Полтаве есть могила в Петровском парке, где похоронен Пётр Лидов, есть улица, носящая его имя. Проходя по ней, я всегда вспоминаю ту далёкую Сталинградскую зиму, когда Лидов первым рассказал нам о мужественной Зое, назвав её Таней.

В другой раз «Правда» рассказала о редкостном случае, когда советский лётчик выпрыгнул из горящего самолёта и упал с

нераскрывшемся парашютом с высоты около четырёх километров и впоследствии остался жив, — помог снежный склон глубокого оврага.

Началась активная подготовка к встрече Нового — 1942 года. Хористы разучивали новые песни, готовили инсценированный отрывок из романа Н. Островского «Как закалялась сталь».

Подготовку начали пионеры всех отрядов и земляческих групп, если их можно так назвать, готовились, например, эстонский хор, латышский, украинский, литовский, белорусский, молдавский. Мне пришлось даже руководить украинским хором, хотя у меня не было никаких дирижёрских навыков. Гурий Григорьевич зашёл как-то к нам на репетицию и, увидев мои взмахи, сказал:

— Ты не дирижируешь, а будто насосом накачиваешь кого-то!

Девочки — это вездесущие и беспокойные люди — разыскали в городе баяниста, договорились с ним о шефской помощи Артеку, ежедневно ходили к нему домой и сопровождали в лагерь. Ребята несли баян, а девушки, взяв слепого баяниста под руки, приводили его на Кронштадскую, и он аккомпанировал нужные нам вещи.

Нашли и учителя танцев, — снова это сделали девчата. Валя Тазлова, Светлана Косова, Тамара Крончевская отыскали в городе Розу Игольникову, которая пленила нас своим исполнением в городском дворце пионеров ещё при первом посещении Сталинграда летом. Роза согласилась подготовить с танцевальной группой артековцев несколько танцев к Новому году и аккуратно приходила на репетиции.

За несколько дней до Нового года выбыл из лагеря Слава Ободынский. Его разыскали родители, которые эвакуировались из Тирасполя и хотели быть вместе с сыном. Пожалуй, сильнее других переживал разлуку я, — столько было пересказано, перефантазировано нами вдвоём за это время. Слава отличался общительным характером, был энергичным организатором многих хороших начинаний.

— Я буду писать, ребята! — обещал он, уходя за отцом по ступенькам лестницы вниз.

Зимний холод больше не пугал артековцев: нас одели в тёплые бушлаты, стёганые штаны, меховые шапки с длинными наушниками, валенки. За этой одеждой старшие ребята ходили далеко за Волгу по льду, в Затон, где пошивочные мастерские выполняли заказ Артеку.

С тюками в руках и на плечах возвращались мы длинной дорогой в лагерь, неся артековцам долгожданную зимнюю форму. В ней было тепло, пусть не совсем элегантно, но теперь можно

было выходить на улицу, гулять, работать, не рискуя замёрзнуть. Ребята начали чаще бывать в городе с различными поручениями, самостоятельно ездить трамваем в самые отдалённые концы города.

ЗДРАВСТВУЙ, НОВЫЙ ГОД!

Во все тяжёлые моменты жизни, во все трудные минуты её, моё сердце пело всегда один гимн: «Да здравствует человек!»

М. Горький.

Дни летели, словно на крыльях. До позднего вечера тренировались юные артисты, готовя разностороннюю праздничную программу. Вожатая Тося Сахарова едва поспевала от одной группы к другой, давала методические советы детям. Володя Аас заканчивал репетиции с группой гимнастов. Мы подготовили несколько групповых пирамид и очень гордились своими успехами. Вовка Николаев приветственным жестом представлял гимнастов:

— Сила! Молодость! Красота!

А лагерный художник Юра Мельников рисовал праздничную стенгазету «Артековец». Он любил, чтобы никто не мешал и уходил от ребят рисовать в столовую или на склад. А ребята донимали его:

— Наш Юра пока нарисовал газету — поправился на десять килограммов!

А Игорь Сталевский кричал ему вслед:

— Юра! Нарисуй мне кусочек сахара!

— Ты что, хочешь оставить какого-нибудь пацана без порции? — полушутя отвечал Мельников.

Для ребят самым главным человеком в лагере был теперь вожатый Толя Пампу: он должен был достать ёлку на праздник. Поэтому главное зависело от него: привезёт ёлку — будет новогодний вечер, а не достанет — всё пропало, всё сорвётся.

Неизвестно, каких трудностей стоило это Толе, наверное, выручила присущая ему энергия и находчивость, с которой он брался за любое дело, — ёлка в нужный день появилась на четвёртом этаже.

Утром тридцать первого декабря её, как чужестранную принцессу, осторожно установили в столовой, убрали столы, скамейки, а ёлку приукрасили самодельными игрушками, электрической гирляндой, и с нетерпением ожидали вечера. Все похаживали немного возбуждённые предстоящим весельем мимо столовой, поглядывая на красавицу-ёлку. Новогодний вечер открыл начальник лагеря. Он обвёл всех внимательным взглядом

искрящихся глаз и весело начал:

— Дорогие артековцы! К нам на новогодний вечер прибыла, наверное, из андерсеновской сказки роскошная лесная красавица-ёлка! — и он сделал жест в её сторону. — Видите, какая она прекрасная!

Все очарованно, будто впервые, рассматривали освещённую лесную гостью. Не беда, что на ней не было дорогих украшений и подарков, а одни лишь бумажные поделки, флажки, но она действительно была чудесной и казалась всем — просто сказочной.

Каждый вспоминал домашнюю довоенную ёлку, и, казалось, что рядом с артековскими друзьями сидят школьные товарищи, родные. Дети на миг отвлекались от суровой военной действительности и забыли, что где-то, не так уж и далеко, гремит война, — их пленила эта праздничная ёлка, они дышали её смолистым ароматом, не пропуская ни единого слова Гурия Григорьевича.

— Сегодня давайте не вспоминать лишений и трудностей, которые принесла нам война. Сегодня мы будем говорить только о хорошем, о приятном. Сначала принесём пионерскую благодарность родной Партии и Советскому правительству за их заботу об Артеке и за эту новогоднюю ёлку!

Все дружно зааплодировали.

— Поздравляю вас, дети, с наступающим Новым годом! Пусть он вам принесёт много радости в вашей пионерской жизни, укрепит вашу веру в победу советских людей над фашистскими захватчиками! Желаю вам крепкого здоровья, праздничного настроения, душевной бодрости!

Потом ребят поздравил Дед-Мороз, из большого мешка он раздал малышам сладости, зачитал поздравительные телеграммы. Володя Дорохин прекрасно исполнил роль «холодного дедушки».

А потом начался новогодний концерт. Звучали песни на многих языках советских республик. В сопровождении весёлой музыки на сцену вышла шеренга поварят — в белых фартуках и колпаках, впереди двигался маленький ростом Петя Кацман с большой поварёшкой, а остальные держали в руках по тарелке и ложке. Зрители прыскали от смеха, взирая на замысловатые па поварят. Выступление гимнастов восприняли с большим восторгом — это был новый жанр. Чётко исполнялись повороты, перестроения и, особенно, акробатические пирамиды. Володя Аас приложил много усилий на тренировках, отшлифовывая каждое движение юных гимнастов. За время пребывания в Артеке Володя научился почти свободно говорить по-русски с небольшим

акцентом, он крепко врос в детский коллектив.

Вершиной веселья было выступление двух клоунов, которые показывали вполне интересную клоунаду. Не все сразу узнали в них под париками и гримом Юру Мельникова и Натана Остроленко, которым удалось до слёз рассмешить зрителей. Володя Дорохин тоже смеялся, как ребёнок, покачиваясь взад-вперёд, смех у него был почти беззвучный, при этом он закрывал глаза.

Потом начались массовые танцы, игры и аттракционы. Каждому хотелось получить хоть какой-нибудь приз. Масса желающих обступила сражающихся и мешала девушкам танцевать.

Света Косова не вытерпела:

— Ребята, милые, убирайтесь-ка подальше отсюда, дайте нам хотя бы сегодня потанцевать! Идите в коридор!

Её поддержали другие девушки, и ребята уступили представителям слабого пола, перекочевали в коридор с удочками, кольцами, деревянными шпагами, канатом и другим реквизитом.

А вокруг ёлки закружились раскрасневшиеся девушки. Им явно не хватало кавалеров. Этот пробел старались восполнить Володя Аас и Толя Пампу, которые кружились в вихре вальса легко и грациозно.

Долго веселились артековцы, забыв сегодня, что война катится по окровавленной земле, что где-то в родном доме в эти минуты о них вспоминают и вздыхают папы и мамы, — всё отступило на задний план, всех увлёк и закружил веселый новогодний вечер.

НАШИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Назначение человека — в разумной деятельности.

Аристотель.

Война наложила отпечаток на все стороны жизни советских людей. Своим чёрным крылом задела она и детей, нарушив их спокойный мир учёбы и досуга. В Сталинграде большинство школ не работало по многим причинам: помещения нужны были госпиталям, много учителей ушло на фронт, ученики пошли работать на заводы, фабрики, заменив ушедших на фронт старших. Лишь немногие школы, преимущественно младшие классы, продолжали работать. Артековцы в школу не пошли. Во-первых потому, что первую четверть мы пропустили на Дону, во-вторых, лагерь не мог снабдить детей необходимыми принадлежностями, к тому же — в нашем Ворошиловском районе не было функционирующей средней школы, мы сами занимали помещение таковой в прошлом.

И всё же «по инерции» мы хотели учиться, да и свободного времени было достаточно. Думали-гадали, как быть?

Как-то вечером Володя Дорохин — наш главный идеолог — предложил:

— Ребята! Если кто желает учиться, — давайте организуем школьные занятия в форме самостоятельного обучения!

— Как это понимать?

— Повторяю: са-мо-сто-я-тель-но-го обучения! — по слогам повторил он.

— Не совсем ясно.

— Что же тут неясного: приобретём учебники, вы берёте их, садитесь друг возле дружки и изучаете.

— А кто будет разъяснять, показывать?

— Вот в том то и весь фокус, что никто не будет ни показывать, ни рассказывать, ибо учителей нет, разве, что мы с Толей сможем кое-что показать, разъяснить, а остальное — долбите сами!

— Ага-а-а, вон как…

— Ну, так что же, есть желающие учиться таким образом?

После некоторых колебаний многие изъявили желание.

— О чём вы думаете, чего колеблетесь? — сердился Дорохин. — Да знаете, что Максим Горький без никакой школы и университетов стал высокообразованным человеком, для него

школой была жизнь, и самообразованием, упорной самостоятельной учёбой он достиг, казалось бы, невозможного и стал, как вы знаете, известным всему миру пролетарским писателем. Вот ты, — ткнул он пальцем в Юру, — какие знаешь произведения Горького?

— «Челкаш», «Песня о Буревестнике», потом…

— Роман «Мать», — добавил кто-то из-за спины Юры.

— «Детство», «В людях», «Мои университеты»…

— «Дело Артамоновых», «Фома Гордеев»…

— «Жизнь Клима Самгина», «Трое»…

— Вот видите, — сколько назвали, но это лишь небольшая часть его произведений. А теперь назовём его драматургию!

И снова ребята выкрикивали:

— «На дне».

— «Враги».

— «Мещане».

— «Варвары».

Через несколько дней у нас появилось несколько учебников, вездесущий Дорохин притащил их невесть откуда. Были среди них учебники физики и литературы, алгебры и химии и даже история партии первого издания, за которую сразу взялся Виктор Пальм.

Ребята с удовольствием засели за учебники, была установлена строгая очерёдность: кому, когда, каким учебником пользоваться.

Но не каждый смог одолеть без учителя теоремы и формулы, и, спустя несколько дней, над уроками сидели, склонившись, считанные энтузиасты. Я смог самостоятельно осилить раздел алгебры «Прогрессии», решал на этот материал задачи, но дальше темпы стали снижаться — алгебру пришлось пока отложить в сторону и заняться русской литературой.

Удивительную усидчивость и упорство проявлял только Виктор Пальм. Никто, кроме него, не читал «Истории партии», а ему под силу была и четвёртая глава — о диалектическом материализме. Мы лишь удивлялись силе его абстрактного мышления, но сравниться с ним никто не мог. В очках, сосредоточенный и серьёзный он казался старше своих лет, был всесторонне эрудирован, отличался пытливостью ума, оставаясь хорошим товарищем, активным комсомольцем. Ребята любовно прозвали Виктора «профессором». Никто из нас, конечно, не мог тогда знать, что через полтора-два десятка лет Виктор действительно станет профессором химии, доктором наук, будет преподавать в Тартуском университете, любить студентов, а они его.

Дорохин часто проводил интересные викторины на литературную или историческую тематику, вечера вопросов и ответов, демонстрируя всестороннюю эрудицию. Ребятам очень хотелось позаимствовать у него хотя бы часть универсальных знаний.

Однажды Дорохин пришёл из города в приподнятом настроении, немного возбуждённый.

— Ребята, обратился он к старшим, — довольно бить баклуши, — я нашёл для вас интереснейшее занятие!

Заинтригованные таким вступлением дети молча уставились на старшего вожатого.

— По порядку: старших ребят, комсомольцев, желающих, конечно, приглашает городской театр юного зрителя — ТЮЗ.

— А что там делать? — поинтересовался первым Мельников.

— Будем вместо табуретов стоять на сцене! — хихикнул кто-то.

— Делать будете то, что вам прикажет режиссёр или декоратор, — то есть, будете действительно работать на сцене, но не главных ролях, разумеется.

Дорохин вкратце рассказал, какими будут наши обязанности, и ребята с удовольствием согласились помочь тюзовцам. Несколько раз мы посещали репетиции, а потом смотрели спектакль «Золушка», который многие смотрели впервые.

Работать в театре было интересно и нетрудно. В обязанности ребят входило менять декорации во время спектакля, орудуя сложной системой блоков и полиспастов.

А вот, когда здесь проходило партийное совещание коммунистов всего города, на котором выступал маршал Будённый, нас туда не пустили. Гурий Григорьевич был участником этого совещания и после рассказывал о его работе.

Иногда мы ездили по городу, знакомились с его достопримечательностями. С нами всегда был кто-нибудь из вожатых. Как-то, когда мы возвращались к себе на Кронштадскую, литовец Митюнас соскакивая с подножки трамвая первым, нечаянно зацепился ногой и упал лицом на тротуар, из него брызнула кровь.

— Ты что, надумал носом асфальт ковырять, бедняжка! — шутил, поднимая товарища, Юра.

Бывали случаи, когда отбившиеся от группы одиночки блуждали по городу несколько часов, прибегая иногда к помощи милиции. Но со временем все изучили город достаточно хорошо и даже самые маленькие никогда не блуждали.

В свободное после ужина время ребята собирались в

просторном классе, превращённом теперь в жилую комнату, рассаживались на свёрнутых матрацах и проводили понравившийся всем «турнир городов и республик». Эта игра состояла в том, что каждый её участник в порядке очерёдности пересказывал богатства и достопримечательности родной республики, области, города. Конечно, побеждал всегда тот, кто лучше знал географию и историю родного края. Представители Украины, хотя их было немного, с честью отстаивали свою республику.

— У нас всё есть: уголь и железная руда, хлеб и дешёвая электроэнергия!

— Постой, постой, — возможно, было, а не есть, — ведь там сейчас немцы!

— Ну, что ж, что временно там враги, вернее — это очень даже плохо, что фашистам удалось временно оккупировать нашу землю, но ведь это — временное явление, а, кроме того, значительная часть украинских заводов и фабрик эвакуировались на восток и продолжает давать продукцию стране! — доказывали украинцы своим оппонентам.

Эстонцы рассказывали о своих рыбных промыслах, горючих сланцах, деревообрабатывающей промышленности, одним из предприятий которой была лыжная фабрика в городе Пярну — родном городе Володи Аас.

Латыши расхваливали свой лён, рыбные богатства, прелесть Рижского взморья и поля Латгалии, а молдоване рекламировали свой виноград и фрукты, во вкусовых качествах которого никто из ребят не сомневался.

В этих турнирах часто побеждали русские ребята, ведь им было о чём рассказать, и доводы их были очень убедительны. Иногда турниры городов оканчивались очень бурно и тогда вожатый охлаждал воинственный пыл разошедшихся патриотов своих республик.

Толя Пампу, улыбаясь, успокаивал потерпевших поражение:

— Будем считать, что побеждённых сегодня нет! Вы не учли главного, ребята: все республики нашей страны имеют одинаковые права, как суверенные союзные республики. Это записано в нашей Конституции и в этом отношении — вы все тоже — равны и непобедимы! А насчёт экономики — дайте время, несколько десятков лет — и вы не узнаете современную Молдавию или Литву, будут и там мощные индустриальные комплексы, новые города и посёлки, красивые дороги и дворцы, о которых сейчас мы можем только мечтать!

И ребята понемногу утихали, успокаивались, а Сусеклис весело произносил:

— Приглашаем, друзья, посетить наши курорты на Рижском взморье — жемчужину Прибалтики!

— И наше янтарное взморье посетите! — добавлял Вацлав Мачулис.

— Когда приезжать? — в тон им спрашивал Алёша Култыгаев.

— Ты же слышал — через несколько лет!

Ребячьи споры, игры и турниры давали ребятам возможность лучше узнать свою страну, особенности экономики многих прибалтийских республик, познакомится с их культурой, народом — частицей великого Советского народа, сплочённо поднявшегося на священную битву с врагом.

ШАГАЙ ВПЕРЁД, КОМСОМОЛ!

Настала пора, и теперь мы в ответе
За каждый свой взнос в комсомольском билете.

М. Алигер.

До отъезда Гены Лихонина в лагере было два комсомольца, а теперь остался один — Гунарс Мурашко. Однажды старший вожатый начал разговор о том, что пора пионерам вступать в ряды ВЛКСМ. Был образован кружок по изучению комсомольского Устава, биографии В. И. Ленина, текущей политики.

Я оказался в затруднительном положении и обратился к Дорохину:

— Как мне быть? Я был принят в комсомол ещё в апреле прошлого года, но когда ехал в Артек, мне в райкоме посоветовали оставить билет дома, чтобы не было никаких осложнений. А теперь — как мне быть?

— Мда-а-а-а, — задумался Дорохин, — ситуация…

После минутного молчания он посоветовал:

— Придётся вступать на общих основаниях, и лучше никому не говори, что ты оставил дома билет. Вступать придётся снова!

После этого разговора я тоже стал слушателем политкружка. Заблаговременно мы сфотографировались в дешёвой фотографии за Царицынским мостом.

День двадцатое января 42-го года для старшей группы артековцев стал памятным днём. С утра нас вызвали в Ворошиловский райком комсомола и к обеду мы все уже были приняты в ряды Ленинского комсомола. Теперь в лагере создавалась своя комсомольская организация в составе 28 человек, куда вошли Володя Дорохин (секретарь), Толя Пампу, Нина Храброва, Володя Аас, Алексей Диброва, Миша Фаторный, Виктор Пальм, Натан Остроленко, Светлана Косова, Борис Макалец, Лена Гончарова, Валя Трошина, Тамара Крончевская, Иоланда Рами, Лайне Теесалу, Айно Саан, Гунарс Мурашко, Аустра Краминя, Беня Некралжус, Эвальда Овсянко, Ядвига Блажиевская, Леня Чабан, Жора Костин, Володя Катков, Виктор Кескола, Ада Салу, Валя Тазлова, Вацлав Мачулис.

Первым комсомольским поручением для нас было — собрать художественную литературу и посуду среди жителей города для Сталинградских госпиталей. Попарно мы ходили в определённых

районах с большими рюкзаками, к этому привлекались и старшие пионеры.

Я ходил в паре с Мишей Фаторным. Наш участок был на рабочих окраинах Баррикад и Дар-Горы. Без стеснения заходили в каждый дом, квартиру. Возле большого коммунального дома на верёвке сушилось бельё, в подъезде толкались детишки. Мы постучали в первую попавшуюся дверь, услышав разрешение, вошли, поздоровались.

— По поручению райкома комсомола мы собираем среди населения города посуду и художественную литературу для раненных бойцов. Что вы сможете пожертвовать?

Пожилая женщина развела руками:

— Литературы подходящей у нас нет. С посудой тоже не густо. А какая нужна посуда?

— Любая!

— Кроме чугунов, — уточнил Миша.

Хозяйка улыбнулась.

— Я могу дать пару тарелок, ложек, чашку, стакан, а больше такого… — и она скромно развела руками.

— Это для начала будет очень хорошо! — обрадовались мы.

В другой квартире нам дали несколько книг, немного посуды.

…На втором этаже, куда мы вошли, на упакованных вещах сидел мужчина в глубоком раздумье, охватив голову руками. Рядом стояла заплаканная женщина. Мы остановились в нерешительности у порога, выученные слова застряли во рту.

Мужчина поднял голову, первым заговорил:

— Что вам нужно, товарищи?

Мы кратко рассказали о цели прихода.

Хозяин понимающе покачал головой:

— Так, так. А мы собрались уезжать и вещи запаковали. Маша, а где наши дорожные чашки?

Женщина развязала один узел, переложила некоторые вещи и протянула нам две большие белые чашки с голубыми буквами «РККА».

— Извините, пожалуйста! Посуда у нас есть, но она упакована в ящики и некогда их открывать.

— Большое спасибо за чашки, — они очень красивые, и бойцам будет приятно из них пить чай, — благодарили мы женщину.

Жители города понимающе отнеслись к помощи госпиталям литературой, посудой, ведь они прекрасно понимали, что пользоваться ими будут выздоравливающие советские воины — герои фронта.

В одной квартире хозяйка отдала нам ту чашку, из которой

она только что пила чай, — лишнего у ней не было, поделилась последним.

Но, к сожалению, изредка попадались людишки с мещанской психологией, которых советская власть не успела перевоспитать.

…В парадные двери одноэтажного домика с кружевными занавесками на окнах мы стучались долго, пока, наконец, дверь открылась.

— Что вам нужно? Вы к кому? — спросила строгая женщина.

— К вам, уважаемая. Мы ко всем заходим!

— А в чём дело? — смерила она нас с ног до головы. — Ну, заходите. Вытирайте ноги!

В коридоре белела ковровая дорожка, слева и справа лился свет из открытых дверей комнат. Прямо по коридору в комнате виднелся книжный шкаф, ровными рядами стояли в нём дорогие книги в крепких переплётах. Из соседней комнаты в разукрашенном халате выплыла полная женщина и с удивлением уставилась на нас.

— Что за делегация? Детдомовцы? — проскрипел её голос.

Мы обстоятельно разъяснили цель прихода.

— Ах, Бог ты мой, ну где его набрать для этих госпиталей? Мы сами с магазина живём! — она отвела взгляд в сторону и скрестила на животе полные, выхоленные руки.

Из кухни распространялся аромат выпеченного теста, щекотал в носу.

— Пошли! — не вытерпел Миша, метнув ненавидящий взгляд на хозяйку.

Вышли на крыльцо. В дверях щёлкнул замок.

— Вот буржуи проклятые! — не стеснялись мы в выражениях.

— Просто не верится, что у нас есть такие люди!

— Видимо, ей особняк от купца в наследство достался.

— И скупость тоже.

— Пошли дальше, ведь скоро вечер! — и мы зашагали по рабочему посёлку.

Короткий зимний вечер закончился для нас успешно. Домой мы принесли полные рюкзаки, еле на четвёртый этаж втащили. Дорохин сидел, как скупщик-букинист, среди куч книг и пирамид посуды.

— Как на товарной базе! — улыбался Пампу.

— А что ты думаешь, — парировал Дорохин, — попадается хорошая литература, есть редкостные издания. Есть почти все российские и европейские классики, почти полное издание Горького, Шолохова, — есть что почитать и из чего составить

библиотечку для госпиталя. Завтра закончим обход, потом отсортируем литературу и передадим госпиталю.

— А что похуже — оставим для лагеря, — в тон ему подсказал Толя. — Ребятам ведь заняться буквально нечем, особенно малышам.

— Да, подумаем и об этом! — согласился Дорохин. — Конечно, посуду нужно передать полностью, мы как-нибудь обойдёмся и своей.

Через несколько дней два госпиталя, размещённые в нашем районе, получили библиотечки около тысячи книг каждая и набор всевозможной посуды. За эту операцию комсомольцы Артека получили благодарность обкома комсомола. Об этом Дорохин объявил на линейке:

— Товарищи комсомольцы! Наша комсомольская организация провела большую работу по сбору литературы и посуды для госпиталей. Разрешите объявить всем участникам этого рейда благодарность обкома комсомола и начальника сануправления Приволжского военного округа!

Пионеры дружно приветствовали своих товарищей, с детской завистью посматривая на счастливцев.

ЮНЫЕ ШЕФЫ

В нашем обществе деловитость становится достоинством, которое должно быть у всех граждан, оно делается критерием правильного наследия вообще.

А. Макаренко.

На следующей линейке Дорохин сообщил:

— К нам обратились с новой просьбой: взять шефство над госпиталями по культурному обслуживанию раненых бойцов. Сумеем ли мы оказать такую помощь?

— Сумеем!!! — дружно ответил строй.

— Первый поход в госпиталь нам нужно приурочить ко Дню Красной Армии!.. Времени остаётся совсем мало, поэтому совет лагеря и комсомольский комитет должны возглавить подготовку и наладить шефскую работу!

Началась усиленная подготовка. Ребята старались отобрать из своего репертуара лучшие номера, готовили новые, шлифуя каждый стих, каждую песню. Это ведь не шуточное дело — выступать перед настоящими фронтовиками, а поэтому готовились со всей серьёзностью.

Как-то Гурий Григорьевич спросил у ребят:

— Кто из вас умеет играть на музыкальных инструментах?

Подняли руки Боря Макалец и я.

— Мало. А кто знает ноты?

Снова поднялись две руки.

— Знаете, зачем я спрашиваю? Нам разрешили приобрести баян. Правда, денег выделили немного, поэтому придётся искать на базаре подешевле.

На базар с Дорохиным пошли гурьбой, каждому хотелось присутствовать в эту историческую минуту — видеть сам процесс приобретения музыкального инструмента для лагеря. Выбор был небольшой, торговаться пришлось недолго. Какой-то дедушка убедил нас, что у него наилучший баян, и ничего, мол, искать где-то другого. Купили. В лагере решили: учиться играть будут двое, иначе инструмент долго не просуществует.

В музыкальной жизни лагеря (и в моей личной, в частности) началась новая музыкальная страница: появились возможности иметь собственных баянистов, а значит — улучшить подготовку художественной самодеятельности.

В свободные минуты мы с Борей осваивали таинственный инструмент. Сначала жильцы нашей комнаты терпели жуткие звуки, а потом стали цыкать на музыкантов:

— Да перестаньте вы пиликать одно и то же! Головы болят! А ребята попрактичнее — сами выходили из комнаты.

Через несколько дней нетерпеливые девушки уже требовали от баянистов музыку для танцев.

— Вы что, думает, что это так просто? — сердились мы на их наивность. — Это же вам не балалайка — сюда-туда и готовы «полька» или «гопак». Это же — баян! — разжёвывали мы им музыкальные истины. Юра Мельников был заодно с девушками:

— Чего вы пристаёте? Баянисты уже играют «Во са», а «ду ли» — ещё не выучили. Через пару недель будет вам и «ду ли в огороде».

— Подумаешь, тоже мне — Паганини! — издевались девушки.

— Убирайтесь вон! Брысь отсюда! — выталкивал их задетый за живое Боря.

Конечно, это была не балалайка, на которой я играл довольно сносно в нашем школьном оркестре. Играл я и на мандолине, на гитаре. А баян был незнакомый инструмент, довольно сложный, раньше играть на нём не приходилось. Боря до этого играл на духовых инструментах, бегло читал ноты, но баян для него был тоже незнакомым. Всё же наши дела потихоньку двигались, мы самостоятельно освоились с инструментом, стали подбирать больше на слух простую музыку.

Выступать в госпитале пришлось без аккомпанемента, но это не отразилось на качестве нашего выступления. С большим волнением мы переступили порог госпиталя, который размещался в помещении той красивой школы, где мы ночевали по пути в Нижне-Чирскую летом. Раненые, кто только мог самостоятельно двигаться, ожидали артистов в просторном вестибюле. Кто сидел на стуле, кто — просто на полу, некоторые стояли, опираясь на костыли. У одних были на подвязках в шинах руки, у других — забинтованы головы, шеи, грудь. Лишь только ребята вошли, их встретили бурными аплодисментами, видимо, раненые бойцы соскучились по духовной пище.

— Быстренько переодеться! — шепотом передал Дорохин.

Вестибюль не отапливался, некоторые ребята ёжились.

— Бодрее вид, ребятки! — воодушевлял Толя.

И вот мы готовы, построились. Конферансье — Светлана Косова — объявляет:

— Русская народная песня «Во поле берёза стояла»!

Звонкий голос Ядвиги раскроил запавшую тишину и взлетел

высоко, проник в коридор и палаты. А хор загремел скороговоркой о чуде — Родине, красной девице, подстерегаемой смелыми охотничками. Бойцам эта песня очень понравилась. Потом звучали военные песни, пионеры дружно бросали в зал слова:

Смелого пуля боится,
Смелого штык не берёт!

А потом полились чарующие мелодии украинских народных песен, так хорошо известные и понятные своей сердечностью и глубоким лиризмом и русским, и белорусам, и грузинам, и казахам.

Выступали солисты, танцоры, а в заключение — акробаты. Ребята не ожидали такого восприятия своих скромных способностей, такой тёплой благодарности от расчувствовавшихся, опалённых суровой войной бойцов. У многих раненых были влажные глаза, за каждым выступающим они следили внимательно и с большой теплотой. Многие оставили дома вот таких же ребятишек, общаясь с нами, они вспоминали своих.

— Приходите к нам почаще!

— Ждём вас, артековцы!

— Благодарим за хороший концерт!

Мы выступали в нескольких госпиталях, пополняя свою программу новыми номерами. Везде нас встречали, как родных детей, а провожали, как настоящих артистов.

— Молодцы, артековцы! — всегда слышали мы похвалу.

Она относилась в первую очередь к вожатой Тосе Сидоровой, которая хорошо понимала музыку и танцы, к тому же сама имела прекрасные музыкальные данные, и легко обучала детей всем жанрам.

И сейчас она остаётся для нас, взрослых людей, такой же хорошей, чуткой, готовой всегда и во всём придти на помощь, живущей интересами артековцев.

…Накануне праздника Красной Армии комсомольцев Артека пригласили готовить подарки на фронт — воинам действующей армии. Группа старших ребят работала в подвалах центрального универмага под присмотром представителей торгующих организаций. Взвешивали на весах конфеты, печенье, запаковывали в посылки, клали в них тёплые носки, шарфы, перчатки. Работали весело, крутили без конца патефон, выбор пластинок был большой — песни Дунаевского, русские,

украинские народные песни. Особенно популярной у нас была песня о Москве — «Сядь-ка рядом, что-то мне не спится…»

Нам разрешали кушать кондитерские изделия, но с собой не выносить. Мы хорошо понимали и без предупреждения, ведь везде продукты строго нормировались, и мы не могли отрывать от кого-то, тем более от бойцов, редкие для того времени сладости.

После напряжённого труда приходили в лагерь немного отдохнуть, чтобы вечером снова придти сюда. На фронт шли праздничные посылки, с любовью приготовленные артековцами, в некоторые из них девушки вкладывали небольшие записки, наполненные нежными, тёплыми приветствиями. Тогда мы не могли, конечно, предположить, что через несколько месяцев в этом подвале будет размещаться штаб немецко-фашистской армии, что Сталинград станет местом самой жесточайшей битвы в истории человечества, не могли знать и то, что именно здесь начнётся закат могущества немецкой армии.

ЭКСПЕДИТОРЫ

Когда знаешь, что жил честно,
то жизнь кажется лучше и легче.

М. Калинин.

У артековцев появились соседи — детские дома из Калача и Новочеркасска. Они тоже эвакуировались в Сталинград и разместились на втором и третьем этажах школьного здания. На первом этаже была кухня, продовольственные склады, лазарет или санчасть. Толя Пампу выполнял функции главного экспедитора, а себе в помощь брал старших артековцев. С утра полуторка, чихая мотором, подъезжала к нашему зданию, в кузов прыгали ребята, и машина ехала по нескольким маршрутам: на хлебозавод, на продовольственные склады города, иногда на мясокомбинат. На хлебозаводе машина подъезжала к деревянному лотку, мы быстро застилали кузов брезентом и грузили тёплый, исходящий паром с приятным ароматом хлеб, аккуратно штабелевали мягкие буханки. Ребята работали быстро, слаженно. Толя всегда был доволен нашей работой. Мы ожидали вознаграждения и вожатый это прекрасно понимал:

— Молодцы, ребята! Возьмите вот ту измятую буханку хлеба!

Бывало, что измятых буханок было несколько и всем хватало по одной. Грузчиков это вполне устраивало. Мы дорогой ели ароматный хлеб, казалось, что вкуснее его нет ничего на свете. Я до сих пор помню запах и вкус Сталинградского хлеба — его ничто не заменит! Остатки хлеба клали в боковые карманы, пришитые изнутри в бушлатах специально для этой цели.

На складе нашего эвакоприёмника работала краснощёкая с накрашенными губами, ещё довольно молодая, тётя Поля, которая внимательно пересчитывала буханки, брала у Толи документы, сверяла полученное, — всегда всё сходилось. На четвёртом этаже нас с нетерпением ожидали малыши: за каждым «экспедитором» следили десятки глаз не очень сытых ребятишек. Прибывшие раздевались, вешали бушлаты и старались побыстрее уйти от вешалок, чтобы не смотреть, как проходит «санобработка» карманов. Нас малыши считали счастливчиками.

В центральных продовольственных складах, в подвалах универмага, артековцы получали крупу, макаронные изделия, жиры, сахар.

По крутому трапу выносили к машине мешки с рисом, сахаром, мукой — семейка в лагере была ведь большая — и

грузили в кузов. Не для всех тяжёлые мешки были посильными. Толя отбирал самых крепких — Володю Ааса, Мишу Фаторного, Беню Некрашауса, Харри Лийдоманна, Вацлава Мачулиса и других. Случалось, что ребятам удавалось из раскрытого мешка взять по кусочку сахара, рискуя нарваться на большую неприятность, но желание полакомиться иногда превозмогало опасность. Дома делились «трофеями» с подшефными малышами.

Я показывал глазами на бушлат Игорю Сталевскому:

— Поделись сахаром с Ваней Заводчиковым!

Тот проворно бежал к вешалке, чтобы не опоздать.

Однажды, кладовщик на складе заметил, что ребята подходили к мешкам сахара в то время, когда Толя выписывал накладные. Кто именно из нас брал — он не заметил (мы были в одинаковой одежде), поэтому решил проверить всех.

— Подойдите ко мне! — распорядился он сердито.

Я успел бросить комок в пазуху, убрал живот и сахар провалился куда-то вниз. Руки кладовщика ощупывали наши карманы, а Толя молча ожидал конца неприятной для всех процедуры.

— А это — что? — грозно спросил кладовщик и извлёк откуда-то у Миши Фаторного кусочек сахара. — Так вы для этого сюда и ездите? — повысил он голос.

У других он ничего не обнаружил, и Толе удалось его успокоить. Но утаить этого случая не удалось. В лагере стало известно о кусочке сахара. На комсомольском собрании рассматривался поступок Миши, где он объяснялся перед своими товарищами. Стоял он, повесив голову, а его кололи взглядами члены комсомольского комитета, вожатые, начальник лагеря. Что он мог сказать в своё оправдание? Всем было ясно, как и почему это случилось. И он молчал.

Я себя чувствовал ещё хуже, сидел, как на углях, не мог смотреть Мише в глаза. Совесть кричала: «Ты тоже взял кусочек, хотя и не поймался. Так чем же ты лучше Миши? Ты тоже должен стоять рядом с ним! Ты тоже должен отвечать!». Но добровольно раскрыться и стать рядом с Мишей под обстрел комитетчиков у меня не хватало мужества. «Что, боишься? — спрашивал сам себя. — А тебе не стыдно будет перед товарищем?» Кровь стучала в висках, лицо горело, до меня не доходил смысл выступлений. Несколько раз порывался стать возле Миши, но не мог оторваться от скамейки.

Хотя все были заняты Фаторным, но моё возбуждение не осталось незамеченным и, наконец, Дорохин спросил:

— Ты что хочешь сказать, Диброва?

Страх куда-то исчез, я быстро поднялся и, глядя на всех,

ответил:

— Я тоже виноватый в такой же мере!

Достал из кармана кусочек сахара и положил на стол.

— Где ты взял?

— Там же — на складе. У меня не нашли случайно. Я считаю, что мы обязаны сказать правду, ведь не один Миша брал…

— И я… и я тоже… — раздались робкие голоса наших товарищей.

Нас долго песочили, стыдили, но на душе сразу стало спокойнее — была побеждена минутная слабость и я не подвёл товарища. Нам всем был объявлен выговор без занесения в личное дело.

…Солнечным утром всех комсомольцев Артека послали на железнодорожную станцию очищать от снега пути: ожидали прибытия эшелона из блокадного Ленинграда. Вооружившись кирками, лопатами, ломами комсомольцы с огоньком очищали от снега запасные пути. Вспотевшие лица горели, замерзшие в начале руки освободились от рукавиц, раздавались весёлые возгласы и шутки, от чего работалось легко и радостно.

Щедрая зима не поскупилась на снег, накрыла всё вокруг толстой пуховой периной. Железнодорожники, однако, поторапливали комсомольцев, чтобы вовремя принять эшелон с ленинградцами. За пару часов пути были тщательно очищены от снега, хотя у некоторых ребят краснели мозоли на руках. Управились как раз вовремя: открылся семафор и окутанный паром, посвистывая, подходил поезд с товарными вагонами. Артековцы навсегда запомнили этот эшелон: из раскрытых дверей вагонов на них взглянул блокированный Ленинград со всеми горестями и бедами. По «дороге жизни» — по льду Ладоги — на Большую землю автомашинами вывезли несколько сотен жителей несгибаемого города и потом увезли их далеко в тыл. Мало кто выходил из вагона самостоятельно. Приходилось каждую женщину, ребёнка выносить осторожно на руках или поддерживать их, — настолько они обессилели. Худые, с обескровленными лицами, в грязной одежде вступали ленинградцы на Сталинградскую землю. Их острые возбуждённые взгляды были убедительным доказательством их несгибаемой воли и беспримерной стойкости. Подходили автобусы, ленинградцы ехали в столовую возле железнодорожного вокзала, затем проходили санитарную обработку.

Ребята возвращались домой возбуждённые, глубоко тронутые увиденным. Некоторым казалось, что вот так могут жить и их родители на временно оккупированной территории, перенося

голод, лишения и надругательства. Вскипала ярость против проклятых фашистов, ворвавшихся в наш мирный дом. Хотелось сделать что-то героическое, значимое, чтобы быстрее положить конец войне.

ВОЙНА СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ

Характер человека лучше всего познаётся по его поведению в решительные минуты.

С. Цвейг.

Когда артековцы приехали в Сталинград, он был глубоким тылом, но постепенно и сюда докатывались волны военной бури, и она, как непрошеный гость всё сильнее стучалась в дверь. К городу всё чаще прорывались отдельные самолёты-разведчики. Всё чаще это случалось днём. Из окна школьного здания можно было наблюдать воздушный бой над городом. В синем небе кружились «ястребки», оставляя белые смуги, словно автографы, а намного выше над ними сновали, создавая белую паутину, вражеские разведчики, а иногда и бомбардировщики.

Ночью по небу двигались чувствительные прожекторные лучи, словно щупальца гигантского краба или осьминоги, громко били зенитки, стёкла в окнах откликались надтреснутым звяканьем.

Из числа старших артековцев была создана команда по борьбе с зажигательными бомбами противника. Ребята научились брать щипцами «термитки» и тушить их в ящики с песком, которые были установлены на чердаке школы. На тренировочных занятиях всё делали с нужной сноровкой. А как будет на деле, если на крышу упадёт вражья «зажигалка»?

Ночью или вечером, когда сирена извещала о воздушной тревоге, сонные ребятишки спускались в подвал, а старшие в роли пожарников поднимались на чердак. Дежурили по строгому графику, и это на протяжении всего периода военного Артека было непреложным законом.

Вначале было боязно слушать, как где-то рядом ухают зенитки, а на крышу с грохотом сыпятся осколки, а где-то вверху воет мотор немецкого самолёта. Казалось, что здание качается вместе с лучами прожекторов и на нашу крышу обязательно упадёт бомба. Но вскоре ощущение страха прошло, и мы на крыше школы дежурили так же самоотверженно, как в снятой со старой автомашины кабине в саду Нижне-Чирского дома отдыха ещё прошлым летом. Много позже в своей книге «Мой Артек» наша Нина Храброва вспомнит: «Поднимаюсь на крышу. В небе скрещиваются огни прожекторов. В небе идёт воздушный бой. Наша авиация ещё не допускает фашистов до бомбёжки города,

горят и падают немецкие самолёты».

Немецкие лётчики, наверное, старались попасть в тракторный завод, уничтожить танковый арсенал, потому и бомб всегда падало больше в нашем районе. И вот во время одного налёта бойцы противовоздушной обороны сбили вражеский бомбардировщик, и он лежал на центральной площади — Павших Борцов — распластанный и совсем не страшный. Вместе с жителями города мы с интересом осматривали продырявленные крылья и фюзеляж «Юнкерса», разбитую кабину лётчиков.

— Вот и долетался один!

— Вернее — отлетался!

— Хорошо его угостили на Волге!

— Смотри, какой нахал — куда залетел!

— За что и попало по загривку! — добавил чей-то голос.

Нина Храброва пишет: «Это на моих глазах был сбит первый немецкий бомбардировщик — назавтра мы увидели его выставленным на площади Павших Борцов. А потом, много лет спустя, я снова увижу его в восстановленном Волгограде…»

Фронт нуждался в солдатах. Почти ежедневно можно было видеть на улицах шагающих новобранцев. Нам из окон было видно, как по насыпи двигались воинские эшелоны, из теплушек доносилась песня:

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море…

А колёса выстукивали в такт песни: на Фронт, на Фронт, на Фронт…

Не миновало и артековцам провожать в армию новобранца, — Призвали в армию Толю Пампу. В своей будничной одежде, в которой он ежедневно ходил в лагере, стоял Толя — наш вожатый — в строю новобранцев на призывном пункте с вещевой сумкой за плечами. Прощание было кратким: Толя пожал ребятам руки, пожелал всем успехов, а его уже звали в строй, поэтому на ходу Толя отсалютовал всем:

— Салют, Артек!

— Счастливой дороги! — неслось ему вдогонку.

— Бейте проклятых фашистов и возвращайтесь с победой!

— Ждём писем! Пишите!

Сначала письма от вожатого приходили и их читали перед пионерским строем, а потом их перестали получать. Возможно, Толя был ранен, а лагерь переехал на новое место и он не знал адреса. Забегая вперёд, скажем: Толя возвратился с войны живой, имеет несколько боевых наград и сейчас работает в Москве.

…В городе появились очаги тифа. Первой жертвой болезни стала Шура Батыгина, весёлая толстушка, жизнерадостная москвичка — пионерка первого отряда. Просто не верилось, что её смогла одолеть болезнь. Но факт оставался фактом: Шуру положили в изолятор, где существовал строгий карантинный режим. А через некоторое время заболела вожатая Нина Храброва. Её тоже положили в изолятор.

Тяжело пришлось нашему врачу Анфисе Васильевне: не хватало медикаментов, штатных медицинских работников, приходилось в одиночку бороться с подступившей болезнью.

Когда больным стало немного легче, ребята получили разрешение их навещать, не входя в изолятор, а через окно. Особенно часто приходили к окнам пионеры третьего отряда, где Нина была вожатой: Сеня Капитонов, Игорь Сталевский, Лариса Руденя, эстонские девочки — Этель, Эллен, Сальме, Аста, Арвич, Софа Деган, Ваня Заводчиков, Шура Костюченко. Они часами стояли возле окна, чтобы «хоть одним глазком увидеть свою Нину». Много недель пришлось пробыть больным в скучном неприветливом изоляторе, но болезнь отступила и выздоровевшие Шура и вожатая Нина возвратились к ребятам. Они очень похудели, измучились и почему-то стеснялись, если кто видел их стриженые головы, закутанные в платки, хотя на улице начиналась весна. Встретили их радостно, как настоящих героев, — ведь они победили смерть. Возле Нины снова порхали малыши, наперебой делясь новостями, и каждый хотел, чтобы его выслушали первым. Вожатая счастливо улыбалась, поглаживая головы своих питомцев.

ВЕСНА — ВРЕМЯ ПЕРЕЛЁТОВ

Человек создан для счастья, как птица для полёта.

В. Короленко.

С приходом весны работы артековцам прибавилось: убирали двор, очищали от мусора школьную усадьбу, продолжали выступать с концертами в госпиталях. Комсомольцы несколько дней ходили по заданию райкома комсомола собирать бумагу для нужд редакций газет. В старых полузаброшенных бухгалтерских архивах мы находили центнеры чистой бумаги. За выполнение этой работы мы тоже получили благодарность.

Познакомились мы с воинской частью, которая находилась на переформировке в районе Дар-Горы. Часто после обеда ребята ездили туда, играли с красноармейцами в волейбол, пели песни, состязались на турнике. Военные с большим удовольствием встречали наших девушек, которые приносили скромные подарки — вышитые платочки, кисеты, альбомы. Первого мая 1942 года праздничная колонна артековцев прошла по городу вместе с демонстрацией трудящихся. На нашу колонну обращали внимание: единая форма одежды, стройные ряды, пионерские знамёна и звонкая дружная песня — всё радовало взор и мы очень гордились тем, что сумели сберечь артековские традиции.

После обеда всем лагерем ходили в кино. Запомнился киножурнал. На экране промелькнули знакомые кадры из кинофильма «Чапаев»: вот Василий Иванович плывёт через реку, говоря со злом: «Врёшь, не возьмёшь!». Он плывёт всё дальше и пули беляков его не достают. Вот он доплывает к берегу, выходит из воды, его подхватывают руки красноармейцев. Они давно его поджидают, подводят ему горячего коня, одевают бурку и Чапаев обращается с боевым призывом к красноармейцам и все вместе скачут в стремительную атаку на гитлеровских захватчиков. Этим и заканчивается киножурнал. Оставалось впечатление, что легендарный комдив не погиб, что он и сейчас в боевом строю. Действительно, в бой советские воины шли с именами легендарных героев на устах, храбрых воинов воодушевляли образы великих полководцев Невского и Суворова, Кутузова и Хмельницкого, Нахимова и Ушакова, Чапаева и Фрунзе, Котовского и Пархоменко, Примакова и Щорса. Примечательно, что советские кинематографисты создали оригинальный киносценарий глубокого патриотического содержания, просмотр

которого вызывал у зрителей бурные эмоции.

В начале лета 1942 года враг активизировал боевые действия на южном участке фронта. Начались кровопролитные бои. Тыл напрягал все усилия для обеспечения фронта. Вышестоящие организации рассмотрели вопрос о передислокации Артека в связи с осложнившейся обстановкой на данном направлении. Было решено передислоцировать лагерь на север области, где было размещено подсобное хозяйство бывшего санатория «Серебряные пруды», на базе которого полностью разрешались продовольственные проблемы Артека.

Девятого мая были поданы вагоны, и Артек стал готовиться к переезду. Целый день имущество лагеря перевозилось на станцию Сталинград-товарная. Снова первыми помощниками были старшие ребята. Они грузили вещи, а малыши разместились в двух пассажирских вагонах и с нетерпением ожидали отправления в неведомое, поторапливая старших.

Я работал с Володей Аас и Беней Некрашиус на погрузке вагона артековским имуществом.

Подошёл Ястребов, заглянул в вагон, предупредил:

— Имейте в виду, чтобы всё было аккуратно перевезено к месту назначения! Под вашу личную ответственность! Поняли?

Так — начался новый этап в биографии лагеря и новый маршрут в путешествии.

Целую ночь ребят укачивало размеренное постукивание колёс. В полдень приехали на станцию Арчеда, рядом раскинулся городишко Фролово.

— Выгружайся! — подалась команда.

Снова работали юные грузчики. На перроне станции вскоре громоздились ящики, бочки, узлы — всё лагерное имущество.

До нового места назначения было около тридцати километров. Ребят на автомашинах, каким-то чудом раздобытых Гурием Григорьевичем, повезли на новое место. Старшие ребята остались возле вещей. Под вечер приехал трактор с арбой вместо прицепа, на которой вещи небольшими частями были перевезены на «промежуточную базу», расположенную в степи возле старой скирды соломы. Ребята изрядно устали и быстро уснули под скирдой, забыв даже выставить дежурных. Но всё обошлось благополучно.

Утро в степи началось песней невидимого жаворонка. Он взлетал высоко и висел неподвижно на одном месте, разливая длинные трели. День обещал быть погожим, но с утра было пасмурно.

Просыпались ребята, ёжились от утренней прохлады и

бежали в лощицу умываться к небольшому ручью. Возле костра хозяйничали повара, готовя завтрак. После тесных Сталинградских помещений ширь степная располагала к лирическим раздумьям, сравнениям. Здешний пейзаж чем-то напоминал полтавские поля, на которых сейчас, трудно было представить, хозяйничали немцы. А здесь всё дышало спокойствием, в небе проплывали на север стаи журавлей, летели они довольно высоко — значит, будет тепло. Я поймал себя на мысли, что и мы, артековцы, чем-то похожи на этих странствующих птиц — летим, вот снова на новое место, и тоже — ранней весной. Первые весенние цветы горицвета, чабреца тянулись к поднимавшемуся солнышку, над землёй поднимался тёплый пар, жаворонки состязались в сольном пении.

После завтрака ребята в ожидании трактора устроили военную игру, разделившись на две группы. Мы ушли далеко в степь, перебегая от одного куста прошлогодней полыни к другому, маскируясь в складках местности, как настоящие солдаты. Вдруг, у кого-то из-под ног выскочил длинноногий заяц и в испуге попрыгал к долине. Ребята забыли об игре и бросились ему наперерез. Поймать его, конечно, мы не смогли, ведь косой бегал здорово, но устали изрядно.

В полдень приехал трактор с арбой, погрузили самые необходимые вещи и продукты питания, с ними отправились почти все ребята, а мы с Беней и Ниной остались с оставшимся имуществом.

Нина шутила:

— Вы теперь меня охраняйте, а не эти бочки.

— Нам и самим страшновато! — признался Беня.

— Будем охранять каждый сам себя и своего соседа! — шутили мы.

Я достал баян, и над вечерней степью поплыла лирическая мелодия. Утром все проснулись почти одновременно. Проверили имущество — всё было на месте.

— Варить что-нибудь будем? — спросил я остальных.

Беня отказался. Я ему объяснил свои сомнения:

— Как-то неудобно перед Ниной, скажет: как остались втроём, так не сочли за нужное поухаживать за единственной женщиной. Это — не по-джентльменски!

— Знаешь что, — предложил Беня, — то, что мы сварим, Нина не захочет, а давай лучше угостим её вареньем!

— Где ты его возьмёшь?

— Вот тебе раз! А вон — в бочках! Арбузное варенье.

— А не выругает нас Нина за самоуправство?

— А мы сделаем ей приятный сюрприз: наполним баночку и

забьём бочку снова, — пусть догадывается, где мы его взяли! — настаивал Беня.

— Ну, давай, — была, не была! — согласился я.

Мы принялись открывать бочку. Беня извлек молоток, щипцы и начал сбивать обручи с одной стороны бочки. Они сползли без особых усилий. Шум привлёк внимание Нины.

— Что вы там стучите?

— Да это мы подправляем обручи на бочках с брынзой, немного сползли, — соврал Беня.

— Смотрите, осторожно! — не поднимаясь, порекомендовала вожатая.

Мы вытащили дно, наполнили три баночки ароматным вареньем и принялись закрывать бочку, выполняя предыдущую работу в обратной последовательности. Но не тут то было! С большим трудом мы вставили и забили дно, провозившись несколько минут. Стали натягивать обруч, а он почему-то не налезал. Уже солнышко поднялось над зелёной степью, а мы всё возились с непослушным обручем, а он не лез и всё! Мы даже вспотели от напряжения.

— Одно из двух, — размышлял Беня, — или бочка потолстела, или обруч сузился.

— Ты кумекай, как обруч набить, не то — нам набьют, сейчас не время философствовать!

— Набить — не штука, дай лишь натащить, а там он пойдёт, как миленький!

И мы снова склонились над бочкой. Хорошо, что Нина не поднималась, у неё побаливала голова, она попросила лишь воды.

Где-то вдали послышался рокот трактора, хотя его самого ещё не было видно.

— Вот ещё морока! Куда тот трактор спешит, будто здесь горит!

Меня осенила мысль:

— Давай быстро верёвку!

Беня разыскал бельевую верёвку, вдвоём начали обвязывать верхнюю часть бочки, крепко стянули концы, завязали узел.

— Скрути палкой ещё туже! Вот так. Набивай!

Беня схватил молоток, обручи — о, чудо! Непослушный ранее обруч медленно стал на своё прежнее место. Быстро набили и второй. Трактор выползал из степной бирюзовой дали, приближаясь к долине.

Мы подошли к Нине с баночкой:

— Угощайтесь, пожалуйста!

— Благодарю, мне не хочется. А вы быстро уничтожайте свою «брынзу»! — и она звонко рассмеялась. — Тоже мне —

конспираторы!

Хотя и с большим усилием, но как раз вовремя мы доели арбузный нектар, — подъехал трактор с завхозом Карпенко.

Быстро погрузили имущество в арбу и двинулись навстречу неведомому. В лицо светило майское ласковое солнышко, а над головой невидимый жаворонок звонко напевал весеннюю симфонию.

СЕРЕБРЯНЫЕ ПРУДЫ

Всякое дело надо любить, чтобы хорошо его делать.

М. Горький.

Бывают в жизни люди, до конца преданные своему делу, всю жизнь одержимые одной целью. В советское время, когда труд стал свободным и творческим, — такая черта вполне естественна. Однако были энтузиасты своего дела и в дореволюционной России, где в условиях царского гнёта и тёмной реакции ярко вспыхивали отдельные самородки, таланты. Это были простые русские патриоты-новаторы. Из их среды выросли известные учёные, чьи имена прославили Россию далеко за её пределами.

Одним из таких новаторов был малоизвестный мелиоратор Жеребцов. Он перед Октябрьской революцией на собственные средства создал в степи чудесный оазис возле искусственных водоёмов. Рассказывают, что воду привозили бочками за тридцать километров из Фролово. Так появилось в задонских степях название — «Серебряные Пруды».

Почему — серебряные? Почему не голубые или синие? Возможно, потому, что вода стоила больших денег — много серебра, а, возможно, сверкание волн на искусственных прудах среди изумрудной зелени искусственных насаждений и степной растительности напоминало их создателю и людям переливы серебряных драгоценностей, украшений. Неизвестно. Во всяком случае, простой инженер-мелиоратор, энтузиаст своего дела увековечил своё имя, создав в степи зелёный уголок со сверкающей гладью девяти больших прудов. Уровень воды в них был разный, избыток воды в одном из них в необходимых случаях можно было при помощи подземных труб перепустить в другой, регулируя водный режим всего хозяйства.

В годы Советской власти здесь был открыт для трудящихся санаторий, было создано крупное подсобное хозяйство. Здесь усердно поработали опытные садоводы и цветоводы-декораторы, преобразовав зелень оазиса в благоухающий уголок с прекрасными аллеями, клумбами, газонами. Изящные деревянные домики для отдыхающих чудесно вписывались в культурный ландшафт, образуя ансамбль неповторимой красоты и изящества.

В прудах разводили карпов, расплодилось множество раков.

Уже почти год санаторий был без отдыхающих, подсобное хозяйство сдавало свою продукцию в госпитали.

В такой очаровательный уголок переехал Артек. Ребята были как бы замыкающими в многоликой колонне санаторных отдыхающих.

…Весеннее солнце высоко поднялось над степью. Весна властно накладывала первые яркие краски в степи. Ожили земляные жители: серая ящерица следила за урчащим трактором, а пугливый, осторожный суслик поднялся на задние лапки, увидел непонятное ему страшилище, громко свистнул и стремглав побежал к норе, прятался в ней.

Возле тракториста сидел Карпенко, он снова стал завхозом в лагере, и что-то рассказывал, размахивая руками. Тракторист понимающе качал головой. Нина сидела, думая о чём-то своём. Мы с Беней смотрели в степь, сравнивая мысленно её с родными полями Литвы и Полтавщины. Карпенко показывал что-то впереди. Далёкая тёмная полоса на горизонте постепенно набирала формы отдельных деревьев, ещё немного — и мы въехали в ровную аллею большущих тополей. На них нежно зеленели первые листья. Грохот трактора напугал чёрных грачей, которые гнездились на деревьях большой колонией, и они тучами поднялись в воздух. Справа потянулась водная гладь пруда.

— Какая красота! — не удержалась Нина.

Слева тоже виднелся пруд, за ним дальше — ещё один, четвёртый, блестел за вербами.

— Вот где купаться! — оживился Беня.

— И рыбу ловить! — добавил я.

— Или просто прокатиться на лодке, — отозвалась вожатая.

Трактор проехал мимо стадиона, подъехал к складам.

К нам уже бежали пионеры третьего отряда встречать «свою Нину». Они не могли и дня прожить без своей вожатой и теперь обрадовано сыпали вопросами:

— А вы спали в степи?

— А страшно было?

— А это далеко от лагеря?

— А почему вы вчера не приехали?

Нина только улыбалась да нежно водила рукой по причёскам ворковавших детей.

— Пойдёмте к нам в палату, мы покажем, где мы живём, без нас вы можете заблудиться!

И снова затараторили наперебой:

— А здесь и молоко дают!

— А сегодня была уже зарядка на улице!

— Здесь и радиостанция есть!

Они уцепились за руки вожатой и увели её к своей палате,

радуясь, что Нина пошла с ними.

В Серебряных Прудах все работы по обслуживанию лагеря полностью выполняли пионеры: доили коров, ухаживали за ними, работали на кухне и в столовой, на грядках и в саду, стирали бельё, убирали в палатах, работали на электростанции, на тракторе — всё делали почти без взрослых, но под их присмотром. Сначала у некоторых не всё получалось, возникали определённые трудности, но вскоре всё стало на свои места, всё определилось и Артек снова зажил размеренной трудовой жизнью дружного коллектива.

Через несколько дней после прибытия к старшим ребятам обратился Гурий Григорьевич:

— А кто желает стать трактористом?

— Как!?

— Ну, настоящим трактористом, чтобы водить трактор, пахать, сеять, косить и прочее.

Поднялось несколько рук. Ястребов отобрал самых взрослых ребят: Мишу Фаторного, Натана Остроленко и меня. Объяснил, что в гараже стоит трактор, но требуется сделать ему ремонт, — нужны рабочие руки, чтобы вдохнуть в него жизнь.

— Но мы ведь не сумеем отремонтировать, — высказали ребята свои сомнения.

— Там есть механик — Василий Иванович, он был на фронте, ранен. Без вас он не сможет отремонтировать, а вы ему поможете. Его голова — ваши руки, — улыбнулся одними глазами Гурий Григорьевич.

— Ну, это — другое дело! — обрадовались мы.

На следующий день нам где-то раздобыли комбинезоны, и мы пошли в гараж. Там уже похаживал мужчина среднего роста, средних лет. Он весело посмотрел на прибывших:

— Смена пришла? Три танкиста?

— Так точно! — отрапортовали ребята.

— Вот, брат ты мой, как в армии! — улыбнулся механик. — Ну, вот и хорошо, теперь дело пойдёт быстрее, а то с одной рукой никак что-то у меня не ладится.

— А что у вас с рукой? — сочувственно спросили мы.

— Ранили проклятые фрицы, — кратко объяснил Василий Иванович.

Потом он присел на ящик, свернул одной рукой цигарку, закурил.

— Был я водителем танка, наш танковый корпус прикрывал подступы к Туле. Знаете такой город?

— Да, конечно, мы и в Москве были!

— Да, и я побывал. Ну, так вот, стоим мы замаскированные в

лесочке невдалеке от железнодорожной насыпи, а за ней немцы. Они нас пока не видят, да и видеть невозможно: такая пурга началась — не видать за десять шагов. Вдруг слышим, приказывает командир контратаковать немцев, выйти на железнодорожное полотно и расстрелять группировку фашистов. Взревели наши моторы, в небо пошла красная ракета — вперёд, значит, — и мы рванулись к насыпи. Фрицы нас заметили, начали бить по нам с пушек, — мы начали отвечать. Мой танк выдрался на насыпь и заскрежетал гусеницами на рельсах и, вдруг, взрыв. Танк подбросило и он снова посунулся по склону насыпи назад, а я потерял сознание. Пришёл в себя уже на носилках, — санитары несли в медсанбат, рука забинтована и так жжёт и ноет, что я даже застонал. «Где танк?» — спрашиваю. — «Извели фашисты ваш танк», — отозвался один из санитаров, — «попали вы на мину, она и бабахнула». Ну, а потом я попал на Урал в госпиталь и вот уже недели две дома, долечиваюсь. Пришёл парторг Ильясов, просит помочь отремонтировать трактор, — без него, как без рук, — один остался на хозяйстве. Пришлось согласиться, скука одолевает сидеть без дела, тянет к знакомой работе.

— А вы механиком работали?

— Вот здесь я перед войной работал механиком при подсобном хозяйстве санатория, так что техника мне хорошо известна, все норовы её знаю. Ну-ка, покурили и за дело!

Несколько дней мы делали перетяжку подшипников, меняли поршневые кольца, регулировали клапаны, перечищали разные мелкие детали старенького колёсного трактора. Василий Иванович оказался не только знающим механиком, но и хорошим учителем-наставником. Несколько раз он повторил принцип и схему работы мотора, магнето. И вот трактор ожил. Завели мотор, белый едкий дым из выхлопной трубы заполнил гараж и через открытые двери повалил на улицу. Из-под колёс выбили колодки, и Василий Иванович вырулил во двор. Поочерёдно все трое управляли стальным конём и были на седьмом небе от радости!

Василий Иванович научил нас вести борозду при пахоте, регулировать плуги, культиватор, бороновать пахоту, косить траву с косилками. Мише и Натану теоретические вопросы, возможно, труднее было усваивать — физики они не изучали, поэтому многое им было незнакомо, но технику вождения трактора мои друзья усвоили не хуже меня, особенно Миша. На следующий день мы уже самостоятельно работали на пахоте. Василий Иванович доложил Ястребову:

— Трактористы готовы к работе, я на них надеюсь!

И было трактористам этим тогда по шестнадцать лет.

На радиостанции работал Володя Карпенко, он знал принцип работы аккумуляторной радиостанции и теперь артековцы ежедневно слушали последние известия и сводки Совинформбюро.

На электростанции подобную науку прошли Володя Аас, Харри Лийдемани, Виктор Кескюли — эстонские ребята. Двигатель у них был новенький, ребята лишь ознакомились с принципами его работы, ознакомились с правилами по технике безопасности и начали давать лагерю освещение в вечернее время.

МАЛЯРИЯ

Все победы начинаются с побед над самим собой.

Л. Леонов.

Теперь мы с Мишей поднимались рано, быстро умывались и шли к гаражу. Долго нагревали питательные трубы, чтобы «старик не привередничал». Рокотание трактора часто начиналось одновременно с сигналом утреннего подъёма. Когда трактор выезжал на дорогу, мимо бежали на зарядку пионеры с заспанными мордочками и приветливо махали руками. Но бывало, что трактористы выезжали в степь намного раньше подъёма, и тогда этот сигнал слышался в степи.

Трактором мы вспахали несколько гектаров пара, посеяли яровые хлеба, хотя лучшие сроки посева были упущены из-за ремонта трактора. Приходилось работать до позднего вечера, наверстывая упущенное. Уставали руки, болела спина. Возвращались в лагерь, когда уже давно проигрывал «Отбой!», мылись в пруду, — это несколько снимало усталость. В столовой нас всегда ожидала дежурная официантка. В палате валились на свою постель и вмиг засыпали. Но утром мы снова поднимались бодрые, свежие — молодость брала своё — и снова чёткий рокот стального коня катился над просыпающейся степью.

Как-то вечером мы задержались дольше обычного — закончили сеять просо. Сеялку завхоз распорядился оставить в степи, чтобы завтра не тащить её снова. Сеяльщики ушли раньше, мы возвращались почти в полной темноте.

— Что-то и луны сегодня нет! — ворчал Миша.

— Она взошла, да тучи густые на небе, поэтому и темно.

— Говорил Василию Ивановичу, чтобы фары поставить, он ведь их совсем поснимал, а теперь ползи в потёмках!

— Ты убавь скорость, — посоветовал я напарнику, — езжай потише, не то ещё угодишь куда-нибудь.

Тот не успел ничего ответить, как трактор съехал на какой-то склон довольно крутой, резко наклонился и медленно перевернулся на бок. Я успел убавить газ, Миша выключил скорость, трактор заглох. Оба каким-то чудом удержались наверху. Осторожно слезли на землю.

— Вот это называется высший пилотаж!

— Да, приземлились не очень удачно!

— А на что мы наехали?

Хотя было достаточно темно, мы обследовали препятствие и поняли, что это был земляной вал, которым пахотная земля отделялась от степных сенокосов.

— Ну, спрашивается: для чего нарыли этот вал?

— Не знали люди, что мы здесь ночью будем совершать полёты!

— Шутки шутками, но что же делать?

Вдвоём попытались сдвинуть стальную громадину, но трактор даже не шелохнулся.

— Ну, что же, — поднять мы его не поднимем, поехать — тоже не поедем, и никто не поедет, давай, Миша, сольём горючее в ведро — и конец!

Так и сделали. В лагере доложили об аварии завхозу, с трудом разыскав его, помылись в бане остатками воды — сегодня была суббота и пошли спать, даже не поужинав.

Утром я почувствовал усталость во всём теле, болела голова, ныли руки, ноги. С большим усилием заставил себя проделать со всеми зарядку, хотел разогнать болезненное состояние, пошёл на завтрак. Кушать не хотелось, разговаривать тоже не было желания, хотелось поскорее лечь в постель, что я незамедлительно и сделал.

Пролежал целый день, подскочила температура, меня лихорадило. Ребята укрыли несколькими одеялами, а я продолжал стучать зубами. Миша не отходил от постели, но помочь ничем не мог. Утром я не поднялся совсем. Миша к трактору пошёл с Натаном, а потом стал ходить сам.

Меня осмотрела Анфиса Васильевна и установила диагноз: малярия. Так я попал в лазарет, который до этого пустовал — никто из ребят не болел. Назначили постельный режим, приписали лекарства. Юные санитарки — наши девушки — как мне показалось, обрадовались, что, наконец, у них появился пациент и настоящая работа, присматривали за мной по всем правилам медицины и наставлений врача. Это были Аустра Краминя, Даидра Лецкальныш и Галя Товма. Я читал в их глазах сострадание и чувствовал тёплую заботу. Мне даже неудобно было, что за мной должен кто-то присматривать.

Утром состояние всегда было лучшим, и я мог перебросится несколькими словами с девушками. Хотелось подняться, пойти в степь, к трактору, к Мише, но врач требовала: лежать. А после обеда температура снова ползла вверх, я заворачивался в одеяла и до утра боролся с болезнью, потом ненадолго засыпал.

Пропал аппетит, я похудел, даже загар стал каким-то жёлтым. Не помогала и забота «сестёр-милосердия», как их называл Гурий Григорьевич.

Как-то они принесли книгу:

— Почитаешь, может быть? — положили мне на стул. На обложке виднелось: «Мартин Иден».

— Где вы достали?

— Где лежала — там пропала, — уклонились девушки от прямого ответа. Джека Лондона я любил читать. Перед болезнью у кого-то из девушек я видел эту книгу, но у кого именно — сейчас не мог вспомнить, а Галя не хотела сказать.

Урывками, когда спадала температура, я читал о сильном человеке, который упорно пробивал себе дорогу в капиталистическом обществе.

Миша теперь наведывался редко, он ведь работал один без смены. Натан тоже приболел. Как-то в обед в окне показалась голова Миши. Я обрадовался, увидев друга.

— Ну, как дела?

— Лежу, вот и все дела.

— Тебе лучше?

— Утром немного лучше, а потом снова плохо, температура постоянно.

— А что говорит Анфиса?

— Что она скажет: даёт пилюли, микстуру какую-то и говорит «Лежи!». Уже бока болят от лежания. А ты там как?

— Да вот бегу к механику, разобрал коробку передач, заедает что-то.

— А что сейчас делаешь?

— Начали косить траву, да что-то не ладится то с косилками, то с трактором. А Карпенко с Ильясовым психуют, будто я виноват. По пути вот забежал к тебе.

— Спасибо, друг! Беги, чтоб не ругали!

— Ну, я подался! Выздоравливай побыстрее! — и он исчез за кустом жасмина. Я позавидовал другу, что он может свободно ходить, бегать, работать, видеть восход солнца в степи и прочее. А ты вот лежи, как бревно, стыдно уж на девушек-санитарок смотреть — подносят, уносят, суетятся, как возле Троекурова.

Утром, когда врач делала обход, я начал просить:

— Анфиса Васильевна, не могу я больше здесь валяться! Отпустите меня в палату, я там буду быстрее выздоравливать!

— Ты что? — и она удивлённо сняла очки. — Хочешь, чтобы вся палата слегла, а потом весь лагерь? Ты понимаешь, что такое ма-ля-рия? — растянула она по слогам. — Понимаешь или нет?

— До каких пор я буду здесь отлёживаться?

— До полного выздоровления!

— Анфиса Васильевна! Прошу!..

— Нет, нет и нет! Никаких разговоров об этом!

— Анфиса Васильевна…

Она отбила все мои «атаки», хотя намекнула, что, если не будет высокой температуры в следующие три-четыре дня, она разрешит перейти в палату. Появилась надежда, что Анфиса Васильевна сдержит слово. Когда через четыре дня мне, наконец, разрешили оставить лазарет, я воспринял это как должное. Тепло поблагодарил девушек, которые привыкли ко мне за эти полмесяца.

На улице у меня закружилась голова, перед глазами поплыли жёлтые круги, вспотело лицо, ноги задрожали, будто от сильного испуга. «Что это со мной?» — забеспокоился я. На себе почувствовал взгляды врача и сестричек — они смотрели мне вслед. Поэтому не стал задерживаться перед окнами лазарета и как можно ровнее пошёл к своему корпусу. Кто-то окликнул — от радиорубки шёл Володя Карпенко.

— Пляши, Алёша!

— По какой причине?

— Говорю — пляши, тебе есть письмо — видишь? — и он помахал перед лицом треугольным конвертом.

— Обязательно спляшу, вот только выздоровею, давай быстрее!

Вырвал из рук Володи письмо и в глаза бросился знакомый почерк брата:

— Ура! Коля нашёлся!

— Кто? — не понял Карпенко.

— Брат, родной братишка Коля! Понимаешь? — жестикулировал перед его лицом.

— А откуда он пишет — с фронта?

— А вот адрес: Западно-Казахстанская область, Казталовский район, Кушенкульская МТС.

— Не так уж и далеко, — задумчиво проговорил Володя. — Ну, читай, не буду тебе мешать.

Я развернул треугольник со штемпелем «Проверено военной цензурой», отошёл в тень и углубился в чтение. Брат сообщал, что из Полтавщины он эвакуировался в сентябре 1941 года вместе с отцом и другими односельчанами, — они спасали колхозное стадо. В Казахстан прибыли через несколько недель, испытав все трудности эвакуации, остановились на МТС. Отца весной призвали в армию. Дальше Коля сообщал о своей работе нормировщика, он тоже ожидал призыва в армию. Адреса отца он не знал. Брат тосковал по родному дому, друзьями, ругал проклятого Гитлера, войну, — они прервали его учёбу в институте и принесли столько горя людям. «А мама с Володей, — писал брат, — остались дома, не смогли эвакуироваться». Рука с

письмом опустилась вниз, я прислонился спиной к шершавому стволу дерева и закрыл глаза: «Мама и братишка находятся среди врагов. Как же так? Почему вы, родные мои, остались?» — спрашивал я и не находил ответа. Представлял, как маму фашисты тянут за руки, чтобы она ответила за мужа и сыновей.

— Во ист дайне зон? — кричат на неё, ломают руки. А позади бежит маленький Володя и растирает слёзы по лицу, исступлённо кричит:

— Дядя, не бей маму! Это моя мама, я папе скажу! Не бей!

Я сжимал кулаки, раскрывал глаза, и видение исчезало. Вокруг ярко светило солнце, благоухали ароматные клумбы, за вербами блестел пруд. Здесь было тихо, мирно, спокойно, а сравнительно недалеко отсюда фашисты надругаются над нашими родными и близкими, льётся кровь невинных людей, слышится их стон и плачь.

Стало горько на душе, на глаза набегали слёзы. Я медленно пошёл в палату. Раньше я думал, что все родные эвакуировались, это ведь так просто — сел и поехал на восток. А выходит, что много людей не смогло выехать и теперь подвергаются большой опасности.

Письмо принесло радость и горе, тоску, тревогу. Вечером мне снова стало хуже, кутался в одеяла и просил ребят, чтобы они не говорили Анфисе Васильевне. Но это была, наверное, последняя «атака» малярии. Утром я поднялся без температуры, вышел на воздух.

Подошёл Миша Фаторный:

— Привет выздоравливающим! Ну, как чувствуешь?

— Кажется, выкарабкался. А ты, почему не на работе?

— Нет горючего, весь керосин использовали, и Карпенко уехал у кого-то просить. А мы отдыхаем пока.

— А что делали?

— Начали косить в степи. Ох, и трава! У трактора только труба видна!

— Богатая задонская земля.

Мне даже не мечталось никогда, что придётся здесь траву косить. Год с небольшим назад был на виноградниках под Измаилом, а сегодня — вот здесь, в Серебряных Прудах.

— Да, друг, много воды утекло за этот год!

ГРОЗА

Умей чувствовать рядом с собой человека, умей читать его душу, увидеть в его глазах его духовный мир — радость, беду, несчастье, горе.

В. Сухомлинский.

Потянулись длинные июльские дни. Началась жара. Правда, в тени разросшихся тополей да верб артековцам было терпимо. Но не всегда можно спрятаться от жары, — а дело кто станет делать?

Весь Артек существует потому, что есть артековцы — бодрый, жизнерадостный, многоголосый, весёлый народ. Мы всё успевали делать так, как до нас делали взрослые, даже самым маленьким было поручено ухаживать за цветами на многочисленных клумбах возле жилого корпуса.

В полдень жара становилась невыносимой, до того маленькие белые тучки вырастали в громадные свинцовые тучи, и вскоре они закрывали солнце. Подымался сильный порывистый ветер и вдруг, стрела-молния рассекала зигзагом небеса вместе с металлическим грохотом грома, падали первые тёплые капли дождя. Ветер налетал с новой силой, становилось почти темно, дождь переходил в ливень — иногда с градом.

Тучи касались дрожащих деревьев, посылая в них огненные стрелы. Всем приходилось видеть грозу, не совсем приятно влияющую на нервную систему человека, пугающую своей могучей, необузданной силой. Но не каждый видел грозу в степи. Это, я вам скажу, — что-то особенное, — гроза в квадрате или в энной степени, как любят выражаться математики. Гроза в степи — очень сильная и поэтому — очень страшная.

Во время грозы артековцы прятались по палатам, выключали радио, электричество и молча смотрели на разгул дикой стихии, время от времени содрогаясь от громовых залпов.

Вот и сегодня — совсем неожиданно началась гроза. Ребята сидели в палате, жмурились от вспышек молнии. Я прилёг в постель, болезнь отступала медленно.

Из бани прибежала часть ребят, они промокли до нитки, выкрикивая и подпрыгивая, снимая мокрую одежду, развешивая её на спинках стульев. В баню ребята ходили регулярно, за этим строго следили Анфиса Васильевна и вожатая Тося. После тесных Сталинградских спален, где ребят одолевали паразиты, здесь, в Серебристых Прудах санитарная служба добилась уничтожения

вредных насекомых, ребята ходили чистенькие и здоровые.

Я не успел сходить в баню, вернее побоялся из-за болезни.

Гроза продолжала неистовствовать.

Вдруг быстро открылась дверь, и Ваня Заводчиков с порога взволнованным голосом крикнул:

— Мишу убило!

— Что???

— В бане молнией убило Мишу Фаторного!

Я забыл о болезни, и что на улице гроза, — вместе с ребятами побежал к бане, шепча на бегу: «Миша, друг, как же это…» — Меня обгоняли ребята, а я удивлялся, что бегу медленнее их, спешил, что есть силы за ними.

Миша лежал на цементном полу недвижимо. Игорь Сталевский был очевидцем события:

— Сидим мы, моемся из тазиков. Миша опрокинул на себя бачёк воды и пошёл к котлу набрать чистой. Вдруг, что-то осветило помещение, в отдушину влетел огненный шар и потом исчез, будто растворился в горячем пару, а Миша тут же упал прямо навзничь. Мы бросились к нему, а он не шевельнулся. Нас тоже немного задело, кто сидел на скамейке.

Прибежала Анфиса Васильевна, ей кто-то успел сообщить, проверила пульс — его не было. Быстро распорядилась:

— Давайте вынесем его на улицу! Быстрее берите, ребята!

Гроза ещё не прошла, но стала ослабевать. Мишу положили на траву и начали делать искусственное дыхание. Несколько часов билась Анфиса Васильевна за жизнь артековца, не отходя от него ни на шаг. Наконец, появился слабый пульс, Миша застонал, и его перенесли в палату. Утром состояние больного улучшилось, и врач стала требовать отправить Мишу в ближний госпиталь в город Фролово.

Вожатым Анфиса Васильевна говорила:

— Просто удивительно, как выдержал его организм такое напряжение, такой удар! Обычно исход один — смерть. Бедный Миша! Сколько ему пришлось вытерпеть, перенести. Мы все переживали несчастье, которое так неожиданно свалилось на верного товарища, работящего, скромного комсомольца.

Во Фролове с трудом удалось уговорить врачей положить Мишу в госпиталь — не хватало мест. Он был единственным гражданским лицом среди десятков раненных бойцов. Врачи приложили максимум усилий, чтобы вернуть юноше здоровье, чтобы он мог возвратиться в пионерскую семью, к своим друзьям, заменившим ему родительскую ласку и тепло. Навещали Мишу преимущественно взрослые, они постоянно бывали в городе по разным делам. Утешительных сообщений привозили оттуда

немного: больной редко приходил в себя, буйствовал, не понимал людей, не мог принимать пищи, очень похудел, врачи вынуждены были его кормить искусственно, поддерживали тлеющую жизнь уколами. Ребятам не рекомендовали пока навещать его.

Со временем крепкий юношеский организм победил недуг, и Миша возвратился в строй артековцев. Вместе со своими сверстниками через год он был призван в армию, воевал в Манчжурии против войск милитаристской Японии. После мобилизации приехал в Сталинград отстраивать город. Работал электросварщиком на строительстве Волго-Донского канала, где был ударником труда. Но разряд молнии травмировал его организм, и подлая смерть рано вырвала Мишу из жизни.

ВЫСТРЕЛЫ С НЕБА

Любовь к людям — это ведь и есть те крылья, на которых человек поднимается выше всего…

М. Горький.

Теперь я работал на тракторе один. Снова поднимался с зарёй и спешил к гаражу. Наступила горячая пора — косовица, заготовка сена для скота. Всё взрослое население подсобного хозяйства — парторг Ильясов да конюх дядя Василий — было брошено на этот ответственный участок работы. Работали они на косилках-лобогрейках, размеренными движениями сбрасывая с помощью вил скошенную траву на землю. На третьей косилке сидел пионер Игорь Сталевский. Он так привязался ко мне, что был готов выполнять любую работу, лишь бы быть ближе и иногда прокатиться на тракторе. Бывало иногда тяжело тринадцатилетнему подростку работать наравне со взрослыми мужчинами. Но упорство прибавляло сил, и Игорь высиживал в напряжённой позе по несколько часов, резкими взмахами рук напоминая мотылька.

Возможно, это раннее знакомство с техникой повлияло на выбор профессии Игорем в зрелом возрасте: он стал первоклассным шофёром, имеет правительственные награды за труд, доволен своей работой.

…Медленный диск солнца неторопливо подымался над степью, над которой в первых лучах разливалось щебетание жаворонков. Они серыми комочками висели высоко над зелёной степью, распевая гимн жизни.

Где-то в стороне перекликались перепела, созывая потомство к утренней трапезе. Суслики на задних лапках замирали, как часовые, любуясь прекрасным летом, богатством пшеничного поля, предвкушая сытую зиму, они перекликались свистом «Будем с хлебом! Будем с хлебом!»

Над высоким разнотравьем плыла труба трактора «ХТЗ». Он будил утреннюю тишину мирным рокотом старенького мотора, выглядывали головы косарей, белела куртка тракториста.

На повороте я сбавлял газ и оглядывался назад: косари используя секундную передышку, вытирали рукавами потные лица. Не один десяток гектаров ароматной степной травы скосил этот отважный экипаж — два артековца и столько же взрослых.

Над степью плыл запах подсыхающей травы, воздух был напоен ароматами буркуна и донника, эспарцета и клевера.

Ласковое солнце обещало хорошую погоду и это давало право парторгу Ильясову быть довольным: уборка сена производится вовремя, при хорошей погоде. Но что-то хмурым было лицо у этого бывалого человека.

— Слыхали, хлопцы, — начал он за обедом, — проклятые фашисты уже подошли к Дону.

— Неужели наши пропустят их за Дон? — беспокоился дядя Василий…

— Неизвестно. Допустим и прорвутся. История знает факты, когда враги были в столице — в Москве, но Россия выиграла войну.

— Тогда хвастун Наполеон просчитался — не разгадал манёвра Кутузова.

— А теперь хвастунишка Гитлер расшибётся о нашу стойкость и свернёт себе шею! Хотя крови прольётся много.

— Я не пожалею самой высокой осины ему на крест! — от души сказал дядя Василий.

— Намедни забрали нашего механика Василия Ивановича на укрепления, — продолжал Ильясов. — Говорят, будто под Ростов попал, на строительство моста.

— Что же он с одной рукой там построит?

— Варила бы голова, а руки сыщутся.

— Да оно-то верно…

— Последнее время он работал обеими руками, даже в пруду плавал, — добавил Игорь.

— Гутарь, гутарь, — одно дело плавать, а другое — брёвна таскать, — не согласился дядя Василий.

Мужчины закурили и пошли к косилкам, я стал заводить трактор. Не успел тронуться с места, как где-то вдали послышались выстрелы — очередь… снова очередь. Все повернули головы в ту сторону, откуда бил пулемёт. Что-то заблестело на солнце и стремительно понеслось в нашу сторону:

— Самолёт!

— Неужели немецкий? Всем под трактор! — закричал Ильясов.

Вмиг всех словно ветром сдуло и загнало под трактор — иного убежища поблизости не было. Он пролетел почти над нами, дал очередь, но пули в трактор не попали. На крыльях чернели кресты.

— Юнкерс! Вот, гад, куда залетел! Ну, ничего, ты долго не будешь летать! Нас крестами не испугать! — ругался Ильясов, вылезая из-под трактора.

Фашистский стервятник летел низко над землёй, снова и снова раздавались над мирной степью пулемётные очереди, пока он совсем не исчез из глаз.

— В кого он стреляет? Где здесь военные объекты? — наивно спрашивал конюх.

— Стреляет, гад, в людей, на то он и фашист. Видишь, какой нахалюга — безнаказанно шастает над степью, как коршун — хоть бы что, — ворчал сердито парторг.

А вечером косари узнали, что в степи самолёт обстрелял женщин из соседнего села, среди них есть раненые, а одна — убитая.

Начальника лагеря глубоко взволновал и насторожил этот случай. Ведь не исключена возможность, что фашистский асс для собственного развлечения в другой раз может обстрелять и пионерский лагерь, даже может сбросить бомбу. Неминуемо будут жертвы, раненые, может вспыхнуть пожар — строения все деревянные. А он отвечает за жизнь многих десятков детишек, отвечает не головой, а партийной совестью. — «Что делать?» — В этот же день Гурий Григорьевич передал радисту текст радиограммы для Москвы.

В лагере было введено круглосуточное дежурство комсомольских патрулей, на балконе самого высокого — центрального павильона находился наблюдательный пункт. Старший вожатый Володя Дорохин был начальником караула и разводящим одновременно. Он следил за несением дежурства, ночью лично проверял часовых, поднимал вожатых, обходил с ними территорию лагеря.

— Когда он спит? — удивлялись ребята.

В трудовой размеренный ритм лагеря входило что-то новое — грозное, чувство грозящей опасности. Но никакой паники не наблюдалось, никакой растерянности, — лагерь был готов встретить новые испытания, выпавшие не его долю.

НА ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

Освобождение себя от труда есть преступление.

Л. Толстой.

Настал день, когда последний куст травы упал под ножом косилки. В степи плыл аромат увядающей травы. Когда докашивали последний травяной островок, из него во все стороны выскочила добрая дюжина зайцев-степняков, виляя между покосами, они ринулись наутёк, а косари им улюлюкали вдогонку.

Мы с Игорем поймали несколько перепелиных выводков — маленьких полосатых птичек, поиграли с ними и пустили на волю — пусть бегут к мамам.

Косовица закончилась. До начала жатвы оставались считанные дни. Я сделал небольшой ремонт трактора: подтянул подшипники, отрегулировал клапаны. Ежедневно наведывался в гараж, привык к трактору, словно к живому существу. За мной хвостиком тянулся Игорь, он тоже считал себя трактористом, в последние дни косовицы он сам садился за руль и был на десятом небе.

Из госпиталя прибыл, наконец, Миша. Его трудно было узнать, настолько он похудел, будто высох, только глаза горели глубоко. Его беспрерывно передёргивало, голова поворачивалась произвольно в сторону, конвульсивно дёргались руки, и он глухо стонал. Но он рвался в лагерь, к друзьям, к любимой работе. На трактор он садиться не мог, но ежедневно приходил в гараж, помогал советами, с завистью смотрел на нашу работу. Мы ему были рады, старались поддержать его добрым словом:

— Не дрейфи, Миша, выше нос, трактористов никакая ведьма не возьмёт!

— Так хочется поехать по степи, как раньше, — навстречу солнцу! — вздыхал он.

— И поедешь, честное комсомольское — поедешь! Ты только побольше кушай, особенно нажимай на молоко, тебе нужно восстановить силы, а трактор никуда не убежит!

В дверях гаража появилась фигура Володи Аас:

— Что поделываете, трактористы?

— Сделали небольшой техремонт, готовимся к уборке. А у тебя что?

— Да вот и мне нужно произвести ремонт мотора, но не с

кем, — моим ребятам надоела машина и они отказались от электростанции.

— А Дорохин?

— Что Дорохин? Не будет же он за них работать. Он и так не спит!

— Да нет, почему он не подействует на твоих электриков?

— Он говорил с ними, а они говорят: нам тяжело. Я и сам понимаю, что тяжело, а как быть?

— Распустил ты свои кадры, — старался улыбнуться Миша.

— Так что, может тебе помочь?

Володя радостно ответил:

— Ну, конечно, я же сам не смогу, а освещение ведь не мне одному нужно.

— Добро, пошли к тебе?

Работа на электростанции имела свои особенности. Во-первых, здесь было намного чище, помещение светлое, пахло нефтью и соляркой. Во-вторых, здесь всё выглядело солиднее в техническом оснащении: на стене виднелся ряд рубильников, амперметров, вольтметров. Посреди помещения на массивном фундаменте стоял двигатель — одноцилиндровый дизель-великан с металлической этикеткой «Завод „Победа“, гор. Днепропетровск». «Недалёкий земляк», — подумал я, даже рукой потрогал.

Мы взялись за ключи, отвинтили головку, вытянули поршень, кольца на нём поистёрались и поэтому компрессия была плохая, двигатель коптел, как старый паровоз. Пришлось поставить новые кольца, перечистить все части. Перед ужином начали заводить двигатель. Накалили докрасна металлический шар и при помощи паса начали заводить, нажимая рычаг подачи топлива в форсунку. Пас выскальзывал из рук, но мы упирались ногами и всё сильнее раскачивали маховик.

— Вот это компрессия!

— Нажимай! Ну, ещё р-р-р-аз!

— Нажимай на форсунку!

Двигатель будто понял, чего от него хотят, чихнул раз, второй, потом затараторил гулко и часто.

— Перекрой подачу! — закричал Володя.

Но двигатель уже набрал максимальные обороты, подпрыгивая на фундаменте так, что, казалось, вот-вот полетят крепёжные шпильки и он взлетит к потолку. Аас подскочил к рубильнику, быстрым движением включил один, второй, третий, чтобы дать нагрузку динамо-машине, — свет вспыхнул по всему лагерю. Но этой загрузки было мало, динамо-машина ревела, а двигатель разошёлся вовсю. Лампочки сияли очень ярко, стали

излучать белый свет и, вдруг, зашипела и погасла одна, вторая, перегорели контрольная.

— Как же динамо спасти? — нервничал Аас.

Он совсем перекрыл подачу горючего, сердитый дизель постепенно стал уменьшать обороты и, наконец, его удалось остановить.

— Ну, и лошадка у тебя — с — норовом! — покачал я головой.

— Насосал много горючего, а потому и понёсся, как жеребец!

— Хорошо, что хоть одними лампочками обошлось, могло быть и хуже.

Мы заменили сгоревшие лампочки, проверили годность динамки и снова завели двигатель, — теперь он работал нормально, его размеренный рокот напоминал мне шум трактора на привольных степных просторах.

Теперь я вечерами приходил на электростанцию. Быстро освоил технику безопасности и стал у Володи первым помощником.

Сегодня у меня счастливый день: получил от отца письмо. Сразу узнал его почерк на конверте. Он писал из армии, в их учебной части обучают бойцов перед отправкой на фронт. Много тренируются в переходах, что, по выражению отца, закаляет здоровье, укрепляет мышцы. На конверте стоял адрес: Сталинградская область, Красноармейский район, полевая почта №.

— Совсем недалеко — каких-нибудь 250–300 километров, а увидеться невозможно! — с горечью произнёс я вслух.

Захотелось увидеть родного человека. Прислониться, как в детстве к колючей бороде, покачаться на его мускулистых руках. Сказал бы ему тепло: «Папочка, родной, не беспокойся обо мне, я в тылу, мне хорошо, работаю понемногу, хочу, чтобы и мой труд приблизил разгром проклятых фашистов, которые отобрали у меня тебя, маму и братьев, дом, школу и счастье».

Примерно такого содержания написал отцу ответное письмо. Всего год с небольшим назад он хлопотал мне путёвку в Артек на 40 дней, а расстались навсегда.

Письма получали не все ребята, некоторые не знали абсолютно ничего о судьбе своих родителей. Они с большой завистью смотрели на «счастливчиков» и вздыхали, вспоминая дом, родных.

Во время прослушивания сообщений Совинформбюро, то один, то другой внезапно вскрикивал и хватался за голову. Ребята слышали их громкий шепот:

— Нет моего дома… фашисты…

Если это были маленькие девочки, то они вообще не могли взять себя в руки, громко повторяя:

— Мамочка… родненькая…

Невозможно было смотреть на этих обиженных проклятой войной детей. А сколько их было в ту пору, — потерявших родителей и тепло родного дома, а сколько ребят погибло в огненном смерче войны? Разве мы сегодня можем допустить, чтобы наша прекрасная планета снова стала полигоном для испытания ядерного оружия? Разве может здравомыслящий человек смириться с потерей детей, внуков — родных и близких людей?

Кто видал войну воочию, тот всегда будет до конца дней своей жизни отстаивать дело мира для всех людей Земли.

ПОДНЯТЬ ПАРУСА

Уверенность — самая могучая творческая сила.

М. Горький.

Грозный вал войны подкатывал всё ближе. Разгорелись жестокие бои на берегах Дона, где в прошлом году артековцы поднимали ежедневно на мачте алый флаг, начиная лагерный день. А сигналы звонкого горна в руках Бори Микальца были слышны на обоих берегах реки. Теперь там раздавались другие звуки, поднимались в небо чёрные тучи взрывов. Ежедневно радио сообщало тревожные новости: наши войска оставили такие-то пункты, отошли на такой-то рубеж. Обнаглевший враг рвался к Волге, ведя в бой новые дивизии, обеспеченные новой техникой. Вражеские самолёты теперь чаще появлялись над степью, направляясь на станцию Арчеда бомбить нефтесклады и другие объекты. Из лагерной наблюдательной вышки было хорошо видно густые, чёрные клубы дыма над станцией и городом.

Гурия Григорьевича срочно вызвали в Москву. За ним прилетел небольшой самолёт. Ребята пожелали своему начальнику счастливого пути, и он улетел.

В Серебряные Пруды прибыла воинская часть, вышедшая из недавних боёв, а также полевой медсанбат с раненными бойцами, которых разместили в полевых палатках. Под прикрытием деревьев рыли окопы, огневые позиции для артиллерии. Нам подарили винтовку комсомольца этой части, павшего смертью храбрых. Она стрелять не могла: был разбит затвор, но артековцы берегли, как святыню эту боевую реликвию. С бойцами у нас установились самые хорошие отношения: девушки стирали им гимнастёрки, носили свежее молоко, овощи. А тихими вечерами на зелёной лужайке у пруда раздавались аккорды баяна — перед отбоем можно было потанцевать. Время было тревожное, но молодость брала своё.

Танцующие красноармейцы были в центре внимания. Им больше нравились не танго с фокстротами, а русская «Барыня» или украинский «Гопак». Артековские плясуны им не уступали, лихо отбивал чечётку Володя Николаев, его сменял Юра Мельников, не оставались в долгу и девушки — Светлана Косова, Валя Тазлова, Тамара Кранчевская и другие.

Через несколько дней возвратился из Москвы начальник лагеря. Артек пришёл в движение — снова снимался с якоря и

поднимал паруса — в путь! А куда? Этого никто не знал. О маршруте лишь догадывались — на восток, подальше от чёрного дыма войны и смертельной опасности.

Все вещи, имущество было в тюках, ящиках, старшие артековцы снова стали грузчиками. Несколько дней прошли в тревожном ожидании — не было транспорта, на станции разбиты пути. А в Серебряные Пруды входили новые части и занимали оборону. Техника тщательно маскировалась, огневые позиции издали казались зелёными кустами.

Наконец, прибыла колонна автомашин, чудом выпрошенных Гурием Григорьевичем у военного командования. Быстро погрузили вещи, усадили отряды артековцев. Ребята тепло попрощались с бойцами, с которыми успели подружиться, прощались с этим замечательным уголком, приютившим нас на несколько месяцев.

Машины просигналили и тронулись в путь. Мимо проплыли красавцы-павильоны, кудрявые вербы и зеркальная голубизна прудов. Прощальным шепотком полных колосьев провожала нас пшеница и усатый дозревший, но не скошенный ячмень, а золотистые подсолнухи покачивали своими дисками артековцам на прощание.

Ребята долго ещё видели фигуру парторга Ильясова с поднятой для прощания рукой и возле него несколько женщин. Они оставались в родных местах, чтобы вместе с Красной Армией защищать лазоревую степь — землю отцов — от коричневой чумы.

Позже стало известно, что Ильясов возглавил партизанский отряд и, когда немцы подошли к изумительно красивому оазису в степи, на них хлынули потоки воды из шлюзов, специально открытых парторгом. Человек и природа вставали могучим препятствием на пути гитлеровских вояк. Врага подстерегала смерть на каждом шагу, для сотен тысяч зазнавшихся арийцев донские степи становились могилой.

…Автомашины двигались на восток безостановочно по бездорожью, военные шофёры пользовались топографическими картами. В пути произошла небольшая авария: автомашина с ребятами третьего отряда въехала в овраг и опрокинулась. К счастью, обошлось без серьёзных травм.

Вечером въехали в какой-то город. Нам сказали, что это — Камышин — город на Волге. Город жил прифронтовой жизнью: воинские части, обозы эвакуированных, патрули и светомаскировка.

Артек разместился в городском парке, в помещении летнего

театра. Ребята-грузчики остались с вещами возле какого-то склада. Утомительная дорога и работа по разгрузке вещей уморили ребят, усталость клонила ко сну, но Дорохин спать не разрешал. Он обнаружил во дворе склада вырытые щели, они могли служить убежищем во время налётов вражеской авиации, — город бомбили. Вожатый поочерёдно поднимал нас на дежурство.

Лишь только сгустились над землёй сумерки, как в воздухе послышался протяжный воющий звук вражеских самолётов. Изредка по ним стреляли зенитки, и одинокий луч прожектора прощупывал ночное небо. Почти над головой завыли бомбы, а вскоре глухие мощные взрывы раздались совсем недалеко. Мы сидели в глубоких щелях и оттуда прислушивались к вою бомб, которые, казалось, падали прямо на нас и каким-то чудом взрывались в стороне. Небо стало багровым от вспыхнувших пожаров: одна из бомб попала в нефтехранилище.

— А как там наши? — побеспокоился кто-то из ребят.

— Взрывов там не было слышно.

— Наверное, там и окопов нет.

Самолёты несколько раз разворачивались и заходили на цель, сбрасывая смертоносный груз. Нам сейчас было не до сна.

Юра Мельников пробовал шутить:

— И, вдруг падает к нам фрицевская бомба и — ни звука, зарывается в землю по самый стабилизатор и молчит.

— И ты тоже молчишь, а душа в пятках и что-то попахивает.

— Вы обождите, тоже мне смельчаки. Значит, утром мы эту бомбочку откапываем, открутили головку, а оттуда записка выглядывает. Достаём, читаем: «Дорогие камарады! Помогаем, чем можем! Рот фронт!» Понятно, это дело немецких коммунистов! Вот как, камарады!

— Это ты ещё со Сталинграда басенку вспомнил?

— Почему это — басенка? Нам ведь рассказывали о подобном случае!

— Он, наверное, был единым в своём роде, да и был ли вообще.

— Побольше бы таких помощников в немецком тылу!

Мы ещё долго комментировали бытовавший пересказ якобы имевшего место случая в Сталинграде, когда не взорвалась авиабомба, сброшенная на тракторный завод.

Прекращение налёта на камышинские военные объекты было общим сигналом отбоя — все, кроме часового, вмиг уснули.

Никто из нас тогда не знал, что где-то над громыхающим фронтом, на энском направлении летает лётчик-истребитель — житель этого волжского города, о котором позже узнают все. Это

настоящий человек, мужественный военный лётчик — Герой Советского Союза Алексей Маресьев. Да, он был из Камышина, но об этом мы узнали позже.

А сейчас сон ходил между рядами спящих на полу летнего театра артековцев, щекотал их лица легкой улыбкой. Спали члены единой семьи, ребята одинаковой судьбы, породнившиеся под крымским солнцем и степным донским ветром, те, кому война бросила суровый вызов: «Будь стойким, пионер! Будь уверен в победе! Вперёд, дорогой отцов!» и они шли этой дорогой и были достойными своих отцов и братьев.

ЕВРОПА — АЗИЯ

Тот, кто хочет развить свою волю, должен научиться преодолевать препятствия.

И. Павлов.

За бортом плещутся волжские волны, пароход преодолевая их сопротивление медленно плывёт против течения, оставляя позади себя буруны.

Артек переехал на новое место, подальше от опасностей войны. Родина-мать вовремя побеспокоилась о детишках: над плёсами волжскими и широкими полями российскими кружили фашистские коршуны. Фронт подкатывался к волжской твердыни, чтобы остановиться здесь и упруго выпрямиться, как крепко натянутая тетива лука, готовя врагам разгром под Сталинградом.

Ребята лежали на полках и задумчиво смотрели на проплывающие мимо берега, приутихшие сёла, песчаные отмели и кудрявые вербы у берега, на стаи вездесущих чаек.

Я старался меньше двигаться — сильно болела сильно поясница. Анфиса Васильевна успела заметить мою подозрительную малоподвижность, осмотрела и установила диагноз: растяжение спинных мышц, а, возможно, что-нибудь и посерьёзнее.

В тот горячий день, когда подали пароход у камышинской пристани, я грузил вещи на автомашины, а потом на пароход. С Володей Аас мы бросали в кузов мешки с сахаром, крупой, ящики с мылом, матрацы и одеяла в тюках — всё имущество лагеря перешло через наши руки. Потом снова всё грузили на пароход. Ребята сидели в каютах, и мы очень торопились, чтобы побыстрее уйти от военных объектов города. Работу закончили на закате, быстро помылись в реке и вместе с последним гудком взошли на борт «Урицкого». А утром я не мог подняться.

С воздуха плывущий пароход был похож на зелёный остров, каких много было в русле Волги. Со стороны было трудно определить, что это судно, так тщательно оно было замаскировано. Нужно было обмануть фашистских лётчиков, уйти от возможного обстрела. Вечером пароход подходил к берегу, и дети, захватив теплые одеяла, шли подальше в степь. Седая полынь служила матрацем, кулак — подушкой, яркие звёзды успокаивающе подмигивали нам с высоты.

Утром пароход звал нас охрипшим гудком, все спешили сесть

по своим каютам, и снова одиссея продолжалась.

В Казани несколько дней ожидали следующего рейсового парохода. Скучать не приходилось: старшие ребята помогали портовым грузчикам, а младшие ходили с вожатыми в город осматривать достопримечательности столицы Советской Татарии. Осматривали места, связанные с пребыванием здесь Володи Ульянова. Но всё это происходило без моего участия. Я уже мог сидеть, разгоняя свою тоску игрой на баяне. С верхней палубы дебаркадера, где мы временно остановились, хорошо было видно пристань, на ней грузчиков, помогающих им артековцев. Оттуда они кричали:

— Давай веселее!

И я сыпал переборами белорусскую «Лявониху» или «Бульбу», помогая таким своеобразным способом грузчикам в их работе.

И вот снова пароход «Тукаев» шлёпает колёсами по чистой Каме, по её притоку — реке Белой навстречу течению. Здесь было чем восхищаться: вокруг простирались чудесные пейзажи Татарии, её сестры — Башкирии, по земле которой когда-то носилась конница Пугачёва и горячего Салавата Юлаева, а позже бойцы легендарного Чапаева и полки отважного Фрунзе.

Воды реки Белой вполне соответствовали названию — были действительно поразительно прозрачными и светлыми.

На живописном правобережье Белой расположилась башкирская столица — город Уфа. Здесь мы «заменили лошадку» — с речного пересели на железнодорожный транспорт. В два товарных вагона артековцы переместили своё имущество, поблагодарили «Тукаева» за его хорошую службу. Мне ребята советовали воздержаться пока и не работать, но оставаться посторонним наблюдателем я не мог. Надел специальные лямки-сумку и начал осторожно переносить ящики к вагонам, стоявшим на путях пристани. Мы заметили, как возле вагонов, внутри которых хозяйничал завхоз Карпенко с ребятами, собрались девушки из латышской и литовской групп. Вид у некоторых из них был растерянный, на глазах блестели слёзы.

— Мы пришли проститься с вами, ребята! — за всех сказала Аустра.

Возле неё стояли подруги: Рената, Дзидра, Эльза, Велта, Геня, Гайда, Марита и другие девушки.

— Почему проститься? — удивились мы.

— Потому что мы дальше не едем, останемся пока в Уфе… — голос её дрогнул.

— Кто вам сказал такую чепуху?

— Здесь в городе есть представительство нашего республиканского правительства.

— А если не захотеть?

— Вы думаете, что нам хочется?

К вагонам шёл Гурий Григорьевич в сопровождении ребят — латышей и литовцев. Они горячо жестикулировали, доказывая что-то.

— Я не могу нарушить распоряжение вашего наркомата, понимаете? — раздавался бас начальника.

Девушки смотрели на него с надеждой.

Он подошёл ближе, развёл руками:

— Ничего не вышло… Остаётесь в Уфе…

Ребята опустили головы, им не хотелось разлучаться с дружной артековской семьёй. Прошедший трудный год сплотил и породнил их, они полюбили своих вожатых, заменивших им родителей, привыкли к русским ребятам. И вдруг, так неожиданно для всех наши маршруты расходились.

Мы тепло простились со своими прибалтийскими друзьями-артековцами, обменялись с ними домашними адресами, фотографиями, обещали писать письма и договорились встретиться после войны в Москве. Даже место определили — возле памятника Минину и Пожарскому. Над датой долго ломали голову и, наконец, решили: провести встречу в июле 1947 года. К сожалению, эта встреча не состоялась.

С основной группой Артека остался один Беня Некрашиус — представитель литовской группы.

На станции Дёма — товарной станции Уфы — несколько дней формировался эшелон, а всем хотелось побыстрее ехать на восток. Наконец, лязгнули буфера, и поезд медленно двинулся на восток. На второй день состав змейкой извивался в Уральских горах. Пологие склоны были одеты в разноцветную одёжку смешанных лесов, разукрашенных августовским солнцем. На перевале поезд замедлил свой бег и дал протяжный гудок. Слева на косогоре чётко выделялся на фоне зелени белый обелиск с надписью: «Европа — Азия».

— Ура! Азия!

— Здравствуй, Азия!

— Прощай, Европа!

— Ура-а-а-а!

Вечерний Челябинск сиял огнями, никакой маскировки с заклеенными окнами здесь не было, чувствовался глубокий тыл.

В Омске эшелон был поставлен на запасную колею, пропуская на запад воинские эшелоны.

С группой ребят я пошёл на станцию получить хлеб для лагеря. Вместо мешков у нас были пустые матрацы. Долго перелезали через стоящие на путях составы пока вышли на

перрон. Получили хлеб, набрали кипятка и пошли назад. Снова перелезали через площадки вагонов, цепляясь обвисшими на плечах матрацами с наиценнейшим продуктом — хлебом. Ребята с термосами проходили согнувшись под вагонами, я тоже пошёл за ними, согнувшись в три погибели и цепляясь за всякие крючки, одолевая одну колею за другой. Спина болела ещё от предыдущей работы, а здесь снова приходилось нагибаться. Я, было пожалел, что согласился идти за хлебом.

А эшелоны, казалось, нарочно выстраивались на каждой ветке — один возле другого. Хотел быстро прошмыгнуть под следующим, как надо мной загрохотали буфера, вагоны дёрнулись и покатились всё быстрее. Я быстро наклонился, потом лёг на шпалы, а сверху лежал матрац с тёплым пахнущим хлебом. Вдруг что-то дёрнуло сверху, потащило вперёд, потом ещё рывок, и я остался один без матраца, — его зацепило каким-то крючком и потащило по шпалам. От беспомощности хотелось даже плакать, видя, как уплывает полосатый мешок. Прогромыхал последний вагон и всё утихло. Я поднялся и пошёл вслед за составом. Возле стрелки подобрал одну буханку, дальше — вторую, а ещё дальше лежал и матрац, разорванный в одном месте. Несколько буханок изрядно измялись, но каким-то чудом весь хлеб уцелел. Повезло!

Возле нашего вагона начали беспокоиться, не досчитав одного матраца. Но вот совсем с другой стороны показался я со своей ношей, немного испачканный, но счастливый.

— Железнодорожно-десантные войска прибыли! — громко приветствовал Юра Мельников.

Карпенко вопросительно смотрел на меня, видимо ожидая объяснений.

— Чуть было хлеб не уплыл, — всё, что я смог сказать в оправдание.

— А голова?

— Голова целая и осталась на месте, а вот куртку на спине — разодрало.

— Больше я тебя не пущу! Ты представляешь, если бы вместо последнего вагона шёл паровоз? Кому тогда отвечать?

— Стрелочнику! — со стороны подкалывал Юра.

— Да ну тебя с шуточками! — сердито произнёс Карпенко.

…Остались позади станции и большие города. Из Новосибирска эшелон свернул на юг. Станция Черепаново, где поезд стоял около часа, очаровала всех живописной берёзовой рощей. Ребятам приходилось за это время видеть много чудесных пейзажей на своём пути, но такой сказочно-есенинской рощи они

не видели. Все высыпали из вагона, аукали, играли в прятки, вожатым стоило немалых усилий собрать всех к эшелону.

— До свидания, прекрасная роща! Спасибо тебе за подаренное удовольствие!

Ещё несколько часов езды и поезд прибыл на конечную станцию — аппендикс магистрали. На фронтоне железнодорожной станции прочитали: Бийск. Это была последняя остановка, конечный пункт Артека, последний этап в длинном маршруте странствований по родной стране.

БЕЛОКУРИХА

Когда человек не знает, к какой пристани он держит путь, для него ни один ветер не будет попутным.

Сенека.

Когда автомашина, нагруженная артековским имуществом, где сидела последняя партия грузчиков, выехала из Бийска, подпрыгивая на ухабах, и перевалила через горбатый деревянный мост, вдали в синей дымке показались горы.

— Алтайские горы по курсу! — сообщил молодой шофёр.

— А сколько до них километров?

— Попробуйте определить сами, вы, я вижу, хлопцы бывалые. Сколько, по-вашему, будет?

— Километров двадцать.

— Двадцать пять! — угадывали ребята.

— Возможно и тридцать.

— Далеко от истины. Целых восемьдесят, ребята!

— Да не может быть! Серьёзно?

— Совершенно серьёзно.

А нам действительно казалось, что они близко. Но сколько мы не ехали, горы оставались почти на прежнем расстоянии. «Какое-то чудо, галлюцинация, — думали многие ребята. — Недаром путешественники в пустыне видели оазисы, города, а на самом деле ничего не обнаруживали».

Снова проехали через высокий деревянный мост.

— А что это за река?

— Это Катунь, — приток Оби.

— А та, первая, возле Бийска?

— А то была Бия, тоже приток Оби, возле их слияния и стоит Бийск, а от него в сторону Монголии начинается известный Чуйский тракт, — охотно отвечал на наши вопросы шофёр, крича, высунувшись из кабины.

Ребятам припомнилась знакомая песня о Чуйском тракте, о трудной работе шоферов, полной романтики и героизма.

За большим степным поселением — райцентром Смоленским — ещё раз пересекли мутную речку. Осталось ещё более половины пути, но начинало темнеть, и горы утонули в сумраке. Свет автомобильных фар вырывал из темноты степную дорогу, придорожные кусты, отдельные деревья. Казалось, будто мы ехали по донской степной дороге или по украинскому полю.

Сумерки располагали к разговору, кто-то в раздумье возвращался в оставленные места:

— А как оно там, в Сталинграде сейчас?

— Плохо, — отозвался хрипловатым голосом Дорохин. — Я просматривал вчерашнее сообщение: бои идут недалеко от города, а на юге дела ещё хуже — немцы прорвались на Кубань и стремятся к грозненской нефти. Тяжело, ох как тяжело нам сейчас.

«А где же мои родные?» — думал каждый из нас. Голову сверлила страшная мысль: «Застану ли я в живых своих родителей?»

— Скоро должен наступить перелом в войне, — уверенно заговорил Гурий Григорьевич, который сидел до этого молча. — Вы заметили, сколько мы встречали воинских эшелонов на сибирской магистрали? А как выглядят наши солдаты, чтобы громить ненавистного врага! — Голос его окреп, и будто вечевой колокол вселял в сердца пионеров уверенность в неминуемой победе над врагом, веру в счастливое возвращение в далёкие, милые родные края.

— Гурий Григорьевич, так зачем же нас так далеко эвакуируют в тыл.

— Ну, дорогие, не спешите. Ещё немало пройдёт времени, пока наш народ размозжит голову ненавистному Гитлеру. Немало времени. Так что придётся нам это грозное время переждать здесь, на Алтае, — это указание нашего начальства. Наберитесь терпения ещё, возможно на год-два.

Ребята разочарованно вздохнули. Многим из нас захотелось домой не через год-два, а вот сейчас, а нам говорят — ожидать здесь…

Вдали замигали огоньки какого-то селения. Через несколько минут вдоль дороги уже тянулись деревянные заборы, хозяйственные строения, рубленые крестьянские избы. А ещё через несколько минут машина въехала в ажурные ворота с надписью: «Курорт Белокуриха».

Солнечное утро собрало артековцев на спортивной площадке. Звонкий голосистый горн Бори Макальца ещё не играл так громко, как сегодня. Выйдя из помещения, все удивлённо осматривались вокруг: всё было, как в сказке. Вчера ехали по степной дороге, а сегодня нас окружали горы. Возле деревянных двухэтажных корпусов склоны гор были безлесные, а дальше громадились почти отвесные скалы, склоны ощетинились верхушками деревьев всевозможных пород и оттенков.

— Как чудесно!

— Какая чарующая красота!

— Да, природа, как в сказке!

— Горы чем-то напоминают Крымские.

— А мне кажется — больше Уральские.

— Будет где на лыжах поразмяться!

— Смотри, чтоб шею не сломал!

— А ты знаешь, что такое слалом?

— Знаю: это поломанные кости и разбитая голова!

Властная команда Володи Аас заставила вмиг умолкнуть всех остряков и говорунов: ровными рядами мы строились на площадке, а потом по команде голубиной стаей вверх взлетали руки, потом — вниз, вверх — вниз, вверх — вниз.

— Раз, два! Раз, два! Глубоко дышите — здесь воздуха хватит!

— Второе упражнение начинай!

Ровные шеренги шатнулись вправо-влево, вправо-влево. Утреннее солнышко играло на крепких мускулистых спинах и бицепсах загорелых рук артековцев. Казалось, что это бронзовые роботы спустились с гор и выполняют чудодейственный танец.

От деревянного корпуса, где разместились артековцы, тропинка бежала вниз к деревянному мостику с перилами, переброшенному через горную речку с прозрачной водой — Белокуриху, а дальше тянулась ровная, длинная тополиная аллея, в конце которой дорожка спускалась немного вниз мимо ветвистых верб и белокурых тополей, сворачивала влево — к зданию с красивой террасой, — здесь была столовая курорта. С кухни доносился певучий украинский голос с полтавским говорком, голос тёти Фени — нашего главного повара:

— Сегодня, детки, кулеш будем кушать! Вкусный-превкусный!

Мельников толкал в бок Юру Кулешова:

— Сегодня у тёти Фени ты — на первое, держись — лопать будем!

Мы садились за столики и с аппетитом уничтожали порции кулеша — вкусного-превкусного.

Свою известность курорт Белокуриха получил благодаря гидротермальным радоновым источникам с температурой фонтанирующей воды около сорока градусов. Первая лечебница возникла здесь ещё в конце XIX века. Местные жители с незапамятных времён пользовались целебными горячими радоновыми источниками. Первооткрывателями, наверное, были женщины, которые заметили, что после стирки в прозрачных, хрустально чистых источниках затягиваются раны и ссадины, утихает «ломота» в суставах. Однако до 1917 года уникальный курорт влачил жалкое существование.

За годы Советской власти здесь вырос курорт союзного

значения с новыми корпусами, ваннами и бассейнами для лечения больных. Война сократила приток больных, поэтому несколько корпусов пустовало, но уже с осени 1942 года сюда стали прибывать на выздоровление раненные фронтовики и больные гражданские лица. Здесь же лечилось несколько десятков, прикованных к постели больных детей разного возраста.

Внизу в широкой долине раскинулось большое алтайское село — Новая Белокуриха.

Артековский жилой корпус располагался у самого подножья гор, из окон которого открывалась величественная панорама завораживающих таинственной неизвестностью гор в пышной зелени деревьев. Вблизи ворковала горная речушка.

Белокуриха! Откуда ты получила такое название? Серебристо-белые кудрявые шапки тополей в долине дали тебе это имя, или заснеженные вершины ближних гор? Кто первым пришёл к вашему подножью? Или клубящийся белый пар над горячими источниками был поводом для такого названия?

С трёх сторон курорт окружали горы, поросшие могучими елями, соснами, пихтами, лиственницами. Лёгкая дымка над горами в солнечный день придавала им голубизну.

Артековцам новое место показалось чем-то сродни крымскому Артеку, вот только моря здесь недоставало.

…Через несколько дней на спортивной площадке в небо поднялась новая стройная мачта, будто соперничая с высокими скалами Церковки — живописной ближней горы. Под дробь барабана каждое утро в синее алтайское небо взмывал красный артековский флаг, сопровождаемый пионерским салютом.

— Лагерный день начат!

Пионерские традиции крымского Артека продолжались и здесь, на гостеприимном Алтае.

«АВРОРА»

Ничего не делается само собой, без усилий и воли, без жертв и труда.

А. Герцен.

На линейке Гурий Григорьевич объявил:

— После завтрака первый и второй отряды пойдут на работу.

— Куда?

— Куда-куда, — я вам всё объясню. Наступает осень, а потом зима. Нужно заготовить много овощей, засыпать их в овощехранилища. А таковых пока нет, нужно ремонтировать старые овощехранилища в подсобном хозяйстве курорта — совхозе «Аврора». Вам известно, что здесь в тылу приходится работать женщинам, старикам и детям. Ну, какие из женщин плотники или землекопы, скажите, пожалуйста! Наши ребята смогут сделать самостоятельно не хуже взрослых — факт!

— Факт! Сделаем! — послышалось на левом фланге.

— Сделаем! — поддержали старшие.

— Я так и знал, — улыбнулся Ястребов. — После завтрака вы пойдёте на работу к завхозу «Авроры». Поступаете в его полное распоряжение на полный день! — закончил он.

— А обедать?

— А далеко туда идти?

— Что будем брать с собой?

— Обо всём узнаете после завтрака! Обедать будете там, в «Авроре».

…Аврора! Вспомнилась девушка с таким именем, которая немного больше года назад кружилась в вихре танца на костровой площадке крымского Артека, в Нижнем лагере. Аврора Модесто. А исполняла она национальный испанский танец, кажется, «Фламенко». Дети кричали потом ей: «Мо-ло-дец!» Аврора… Где ты сейчас, в это грозное для всех время. Конечно, не в Испании, а где-то в тылу, как и мы, — размышлял я.

После завтрака две цепочки — два отряда — по крутой дороге поднимались из долины на террасу реки Белокурихи. От непривычной крутизны и быстрой ходьбы все тяжело дышали, но от завхоза Мотовилова не отставали ни на шаг, удивляясь проворности в его годы. Вышли на ровное место, он дал отдышаться несколько минут, полюбоваться чудным привольем. Слева синели горы, ближние склоны были зелёными, а местами

золотистыми от осенних красок. На переднем плане, закрывая всё собой, гордо поднималась пирамидальная Церковка. Справа и впереди раскинулись степные дали. Пересечённая местность желтела скошенным жнивьём со скирдами немолоченного хлеба.

Я вспомнил полтавские хлебные поля, усеянные скирдами обмолоченной соломы в это время года, с работающими тракторами на поднятии зяби. Спросил у завхоза:

— Скажите, пожалуйста, почему заскирдованы не обмолоченные снопы?

— С кем молотить будешь? Вот придёт зима, тогда будет больше свободных рук, тогда и молотьба пойдёт.

«И здесь война людям в печёнках сидит!» — подумалось мне, а вслух произнёс:

— Ничего, теперь мы вот будем помогать, видите, какие у нас хлопцы геройские!

Мотовилов улыбнулся:

— Молодцы не с ложкой, а в поле с сошкой! Посмотрим, на что вы способны в работе!

Ребята слышали этот разговор, они теперь выпячивали грудь, по-взрослому шагали вразвалочку, показывая «товар лицом».

— Игорь, давай нашу матросскую!

Чистое детское сопрано нарушило степную тишину:

Нам навстречу ветер буйный дул…

Сорок натренированных глоток подхватили знакомую мелодию. Эхо покатилось от горных склонов, повторяя звонкое многоголосье.

«А они и, правда, дружные, смотри, какие чертики играли у каждого в глазах», — наблюдал Мотовилов. — «Видно, что дружные в этом Артеке!».

На ребят, видимо, и впрямь подействовал степной простор, одна песня сменялась другой. Так с песнями незаметно пришли к месту работы. Мотовилов обратился ко мне, как к знакомому:

— Начнём вот с этого хранилища. Пошли я покажу, что нужно делать.

Я посмотрел на ребят, мол, никто меня не уполномочивал быть старшим двух объединённых отрядов. Ребята понимающе показали в сторону завхоза:

— Иди, пусть дядя Мотовилов показывает одному тебе, не лезть же нам всем в этот капкан!

А завхоз уже исчез в тёмной дыре хранилища. Я стал спускаться ему вслед полуразрушенными ступенями.

— Осторожно, не дотрагивайся руками по сторонам! —

донёсся снизу голос завхоза. Что-то сыпалось за ворот, в нос шибал смрад сгнивших овощей.

— Вот это объект вашей работы. Неудобств здесь много: овощехранилище аварийное, работать здесь нужно с большими осторожностями, иначе может при завале накрыть всех.

Я почувствовал, как на спину сыпануло холодом, по телу поползли невидимые муравьи.

— Да ты не бойся! — заметил моё состояние завхоз. Видишь вон те балки над головой?

— Ну, вижу!

— Их мы подстрелим стойками, а потом очистим хранилище от мусора, заменим прогнившие доски — и ремонт закончен!

Мотовилов ещё долго инструктировал меня, что и как делать. Иногда я перебивал его, уточнял что-нибудь. Вылезли наверх. Ребят возле хранилища не было ни одного.

— Вот те и раз! Где же твои певуны?

Я озадаченно осмотрелся вокруг и, наконец, заметил слева в лесополосе голубые куртки артековцев. Заложив два пальца в рот — просигналил. Через минуту все собрались.

— Напали, как медведь на сладкое? — поинтересовался Мотовилов.

— А что это, дяденька завхоз, за ягоды?

— А что — вкусные?

— Ничего, клевать можно!

— Это мы облепиху сибирскую развели. Раньше с неё сиропы да джем варили, а в этом году некому было варить, — и он безнадёжно махнул рукой. — Разъясни им, как следует, что нужно делать! — распорядился он, а сам полез в карман за папиросой.

Я детально рассказал ребятам о характере предстоящей работы, предупредил об осторожности, распределил ребят по группам, и работа закипела. Стойки отпиливали нужной длины и осторожно спускали их в тёмную пасть хранилища. Мотовилов принёс необходимые инструменты, и работа двигалась быстрее, чем предполагали.

Обедать ходили в совхозную столовую, где нам приготовили обед… — наши девушки.

— Откуда вы здесь взялись?

— Куда иголка, туда и нитка! — загадочно стрельнула глазами Светлана.

— Вы ведь без нас пропадёте, мальчики! — дразнила Эвальда. — Кто же вам кушать приготовит?

Всё было вкусно, и мы были вполне согласны с нашими догадливыми девушками. Юра просил добавки второго.

— Ты, друг, осторожно, в хранилище не пролезешь!

— Пусть лопает, он нам воздух будет нагнетать!

А Юра, казалось, не обращал на реплики никакого внимания, поднялся из-за стола и глухо проронил:

— Милорды, прошу меня до вечера не тревожить! — под дружный хохот он поковылял на улицу.

— Пищеварение — вещь серьёзная, его бы в больницу положить!

— Только не сразу — пусть немного на свежем воздухе просвежится!

— Это девушки нарочно бойцов выводят из строя, чтобы мы дольше работали!

— Не бойтесь, мы вас в беде не оставим! — отозвалась одна из девчат.

А если будет туго, то заменим тех «бойцов», что еле штаны на улицу потащили, — смеясь, добавила Валя Трощина.

После обеда Мотовилов побыл немного возле ремонтников и ушёл на другой объект этого обширного хозяйства. «Тяжело ему поспевать везде, — подумал я, — совхоз большой, а он уже немолодой»… Невольно представил на его месте своего отца. — «Где он теперь? По каким фронтовым дорогам шагает? А где сейчас брат Коля?»

Эта неизвестность угнетала не только меня одного, ведь у каждого далеко на западе остались родные. «Удалось ли им эвакуироваться? Где они теперь?» — беспокоила каждого мысль.

Какой-то неожиданный треск и возгласы вывели меня из раздумья. В противоположном конце овощехранилища лопнула только что подведённая стойка, рухнули сверху старые брёвна, доски, посыпалась земля. В углу послышался приглушённый стон.

— Ребята, сюда!

— Осторожно возле пролома!

Мы быстро отбрасывали верхние обломки, руками отгребали землю, мусор. Мешал полумрак, но по глухому стону мы верно определили место завала и все работали над спасением товарища.

— Кто это попал в западню?

— Да кто же его знает.

Через несколько минут добрались до потерпевшего: под двумя полусгнившими досками лежал боком придавленный к земле наш весельчак и балагур — эстонец Муля Тасс. Ещё бы немного и он мог бы задохнуться без воздуха. Осторожно вынесли его на улицу, отряхнули землю, расстегнули воротник, кто-то поднёс воды. Муля открыл глаза и благодарным взглядом обвёл лица друзей. Потом тихо промолвил:

— В груди болит…

— Полежи немного, Муля, на свежем воздухе.

— Да пусть лежит и до вечера, какой теперь с него работник!

— Никто ведь и не противоречит! Пусть лежит!

— Мне, ребята, что-то не хочется лезть в эту ловушку.

— Я тоже против.

— Не полезу и я. Что, мне жить надоело!

— Ребята! Без паники! А кому же работать?

Кто-то с иронией скомандовал:

— Комиссары, вперёд!

— А вы думали, что здесь печенье перебирать будете? — сплёвывая землю, рассердился Коля Богомолов.

— Пошли, Коля, вдвоём! — предложил я товарищу.

— Пошли!

— Почему же вдвоём? Ты смотри — какие единоличники!

За нами по одному по обвалившимся ступеням двигались ребята, «бунтовщики» шли замыкающими, что-то бормоча себе под нос.

К вечеру Муле сделалось совсем хорошо.

За несколько дней работы артековцы отремонтировали полностью овощехранилище. Это была первая наша трудовая победа здесь, на Алтае.

На вечерней линейке Гурий Григорьевич сообщил:

— Администрация совхоза «Аврора» выносит благодарность ребятам первого и второго отрядов за их отличную работу на ремонте важного объекта — овощехранилища!

Он называл всех строителей пофамильно, а мы стояли в строю с гордо поднятыми головами, выпятив по-военному грудь.

Малыши восторженно смотрели на героев трудового фронта.

ШКОЛА

Дело науки — служить людям.

Л. Толстой.

Все ребята многонационального лагеря уже больше года не посещали школу и, поэтому, с нетерпением ожидали мелодичного школьного звонка, зовущего на уроки, на перемены, разрешающего идти домой.

В Сталинграде была попытка проводить самостоятельные занятия без учителей, но для ребят это было трудным делом. Сидели над учебниками и тетрадями по привычке, чувствуя органическую потребность что-то учить, познавать новое. Но самостоятельно проникнуть в тайны алгебры или физики было тяжело таким гениям как, например, Виктор Пальм, хотя самостоятельно он одолел многое. Его из Серебряных Прудов забрала нашедшая его мать. Первое время он писал письма из Нижнего Баскунчака Астраханской области.

Так ребята пропустили целый год не по их, конечно, вине.

Теперь мы радостно ожидали первое октября, когда для нас вновь зазвучит малиновый звонок. Все готовились к этому событию.

Нам купили учебники, тетради, канцелярские принадлежности.

Миша Фаторный как-то спросил:

— Ты дома сколько классов окончил?

— Восемь. А что?

— А я только пять. В той проклятой боярской Румынии некогда было учиться, надо было зарабатывать для большой семьи.

— Да, отстал ты, друг, на целых три года. Но это не так уж и велика беда, — утешал я товарища. — Главное, что снова будешь ходить в школу, будешь учиться уму-разуму. Учиться, Миша, никогда не поздно, так что не переживай — всё будет хорошо!

— А ты не врёшь, Алёша, что будешь идти в девятый? — лукаво жмурила глаза Женя Чебан.

— Ну, какая же мне польза говорить неправду? Не понимаю, зачем мне врать?

— Когда же ты успел нас обскакать на целый год?

— Долго вас, девочки, мамы возле своей юбки держали, — шутками отбивался я от них.

По спискам, составленным вожатыми, получалось, что в

девятый класс я буду ходить один да несколько ребят из московской группы — детей работников Наркомздрава: Коля Богомазов, Галя Тихомирова, Галя Щербачёва, Эля Карахтанова, Карл Лифшиц, а две ученицы этой группы — даже в десятый класс — Иванова и Гусева.

В напряжённой подготовке к школе незаметно пролетали дни. Мы привыкли к новой обстановке, к чудесным пейзажам вокруг: говорливому ручью, к наполненной грёзами тополиной аллее, к разрисованным осенним солнцем лесами и горам.

Одновременно решали свои ежедневные хозяйственные вопросы. И вот, наконец, наступил долгожданный день — первое октября. Сразу же после праздничного завтрака артековцы большим отрядом пошли по прямой улице к школе. Младших ребятишек старшие вели за руку. В одинаковой форме мы были словно родные сёстры и братья, — члены единой семьи. Действительно, так оно и было, — за эти месяцы артековцы сформировались в крепкую семью.

Вот и школа. Во дворе уже бегали детишки, все обратили на артековцев внимание. Много лет спустя одна из москвичек вспоминала наше появление в Белокурихе: «… я хорошо помню приезд вашего Артека, какое сильное впечатление вы произвели на нас — московских балованных детей…»

Мы входили в помещение с некоторым трепетом. У каждого от волнения сжало в груди, сердце учащённо билось. Прошли по широкому коридору, заглянули в чистые классы. Почему-то не верилось, что вот за эти парты сядем и мы. Раздался резкий сигнал звонка, о котором мы мечтали длинными военными вечерами в Сталинграде.

— Выходите все на улицу!

Построились по классам, артековских ребят сразу можно было отличить по белым воротничкам и голубым курткам с красными галстуками. На нас с некоторой завистью посматривали сельские ребята, — не все из них были так богато экипированы. Война наложила свой неумолимый отпечаток и на детей глубокого тыла: всё от одежды и обуви, до книг и тетрадей — было простеньким, серым, даже бедноватым. Все понимали, что это временное явление, придёт время, и все дети будут одеваться не хуже, не беднее, а даже лучше, чем до войны.

На школьной линейке директор школы Анастасия Поликарповна поздравила учеников с новым учебным — 1942-43 годом, пожелала ученикам успехов в учёбе. Потом все услышали:

— Слушайте приказ директора школы о зачислении в Белокурихинскую среднюю школу новых учеников — пионеров Артека, которые вливаются в нашу школьную семью.

И она перечислила всех артековцев, которые зачислялись в разные классы. Потом было объявлено о распорядке дня в школе, каждому стало известно, в какую смену он будет заниматься — школа работала в две смены. Старшеклассникам надлежало ходить во вторую смену.

Начались школьные будни. С утра мы готовили уроки, а после обеда шли в центр села, где стояла школа. Все артековцы быстро перезнакомились с местными ребятами, подружились с ними, я, например, — с соседом по парте — Колей Елисеевым. В нашем классе выделялись ростом и физической силой — Толя Леньшин и Толя Мотовилов — старший сын уже известного нам завхоза «Авроры». Хорошим другом стал для меня Вася Нееш-Папа — спокойный, среднего роста блондин, весельчаком в классе был Лёня Иванов.

В первые дни у меня — довоенного отличника — появилась двойка по физике. Вообразить только — двойка! Урок о законах движения маятника я, конечно, учил старательно. А возле доски что-то медленно подбирал нужные русские слова, чтобы не вырвалось какое-нибудь украинское. Почему-то вместо нужных русских слов «угол», «вес», «тяготение» напрашивались и лезли на язык их украинские переводы. Учитель заподозрил что-то нехорошее, оборвал мой медленный ответ и объявил двойку. Я её исправлял несколько раз. Потом появились четвёрки и пятёрки.

К учителю физики относились с некоторым холодком, несколько даже с боязнью, хотя он никогда не кричал. Он был сравнительно молод, и нас задевало то положение, что он не на фронте. Свой предмет он знал превосходно, хорошо читал уроки, но что-то было в нём такое, что настораживало ребят и держало всех на большом удалении от личности этого учителя. Всегда он старался подчеркнуть своё превосходство, и даже пренебрежение к некоторым. Положительно, даже с уважением от относился лишь к нашей однокласснице — Лине Левитиной, эвакуированной москвичке, красивой девушке, отличной пианистке. Возможно, они были знакомы, или что-то другое сближало их.

Физик называл Лину — одну её — только на «Вы» и ставил ей одни пятёрки. Конечно, ребятам это не нравилось.

Математику читал старичок, эвакуированный из Москвы. Энергичный и подвижный не по годам, он не допускал бездеятельности на уроках, умел увлечь даже закоренелых троечников какой-нибудь теоремой или формулой. Мы его глубоко уважали, любили его уроки, на которых он мог совсем убедительно доказать равенство тупого и прямого углов, или равенство единицы и двойки. Кто-то назвал его, сначала шутя, но

потом это стало любовной кличкой старика — Цап-царап!

Чувство сожаления вызывал к себе преподаватель русской литературы — раненный боец Красной Армии. Пустой левый рукав всегда напоминал о жестокой борьбе не на жизнь, а на смерть, которую вёл советский народ с кровожадным фашизмом. Всегда строгий и задумчивый, он оживлялся на уроке, когда рассказывал о своём знаменитом земляке — Тургеневе. А о Кирсанове или Базарове он рассказывал так детально, словно они были его близкими друзьями.

Его жена читала химию и биологию. В её характере война тоже успела оставить глубокий след. Были ли у них дети и где они сейчас — нам ничего не было известно. Наблюдая за этой уже немолодой супружеской парой, почти каждый артековец часто вспоминал своих родителей — отца и мать, продолжая беспокоиться об их судьбе.

Часто в палате перед отбоем ребята грустно вздыхали, вспоминая родные края, босоногое детство и дорогих родителей. Мы долго шептались в темноте, расхваливая черты характера своих родных. Как нам иногда не хватало отцовской ласки и материнской нежности, родительской поддержки в эти годы! Какие мы были ещё беспомощные в этом жестоком военном лихолетье. Некоторым из артековцев было всего по 8–9 лет, а им пришлось перенести тревоги и ужасы эвакуации и прифронтовой жизни. Наше счастье, что мы обрели хороших, чутких, любящих нас вожатых, сумевших заменить в это трудное время родителей.

С большим упорством артековцы штудировали русский язык, знание которого ставало фундаментом для изучения остальных школьных предметов. Поэтому всё свободное время ребята употребляли на чтение художественной литературы, газет, журналов. Вожатые, сознавая языковую проблему, регулярно проводили литературные викторины, обсуждение прочитанных книг.

На одной из недавних встреч артековцев Степан Иванович Лозан — председатель комитета по радио и телевидению при Совете Министров Молдавской ССР — тогдашний ученик шестого класса — вспоминал:

— В Артеке все ребята научились танцевать, а я не успел научиться. И знаете почему? Не было времени для этого удовольствия. Когда вы шли на танцы в Красный уголок, я садился за изучение русского языка. И кое-чего, таким образом, достиг!

Были и хитрецы. Бывало, не успеет выучить урок Ага Вера, и заявляет учительнице:

— А я не могу по-русски этого объяснить. Можно по-

молдавски?

— Пожалуйста, рассказывай по-молдавски!

И Вера начинала молоть всяческую чепуху, о чём попало, но только не по теме урока. Говорила быстро, без запинок, что давало повод для получения хорошей отметки. Но такие случаи были единичными.

Кстати, Вера научилась очень чётко декламировать Маяковского и Константина Симонова, выступала с декламациями на концертах.

АЛТАЙСКАЯ ЗИМА

Я люблю Алтай крепко, с каждым годом любовь моя растёт, и не знаю, чем я возмещу Алтаю ту радость и счастье, которыми он меня наделяет каждый день, каждую минуту…

В. Я. Шишков.

Серебряный горн ежедневно поднимал ребят с тёплой постели. Его звонкое стаккато проникало под одеяла, размыкало ресницы, и через миг по коридору шлёпали быстрые шаги — артековцы выскакивали во двор, строились, и по команде лес рук взлетал вверх, вниз, вправо, влево. Когда осенью на улице бесилась непогода, зарядку проводили в коридоре: мальчики на первом этаже, девочки — на втором.

Бессменным лагерным инструктором-физоргом был Володя Аас. Физически он был хорошо развит, любил лёгкую атлетику, волейбол, лыжи, любил чёткость, дисциплину и этого требовал от всех ребят. Неудивительно, что он избрал профессию военного, уйдя в армию из Артека.

В одно ноябрьское утро мы всё же нарушили свой «железный» порядок. Только вскочили по сигналу с кроватей, как все закричали:

— Снег! Снег на улице! Смотрите!

— Зима, ребята! Настоящая зима!

— Айда на улицу!

— В снежки!

Володя Аас что-то кричал, требовал, но его на этот раз никто не слушал, — все бежали на заснеженный двор. Мягким белым покрывалом накрылись горы, дорога, спортивная площадка, деревья. Только речка журчала и блестела стальной поверхностью, будто дразнила зиму своей непокорностью.

Ребята начали сыпать друг на друга пригоршнями пушистый снег, кричали, визжали, резвились. На крыльцо выскочила озабоченная Анфиса Васильевна:

— Ребята! Немедленно прекратите это варварство и идите в помещение! Немедленно! — безапелляционно кричала она.

Кое-кто повернул голову в её сторону, словно изучая: серьёзно она говорит или шутит, — и снова продолжали барахтаться в снегу.

— Мальчики! Да что же это вы на самом деле делаете? Сейчас же идите в корпус!

Она схватила за руку самого маленького из нас — Вову Апанасенко и потащила к дверям, силой втолкнула его в корридор. Некоторые ребята из младшей группы, боязливо посматривая на рассердившегося врача, тоже пятились к дверям. А старшие так увлеклись развлечением, что не обращали, казалось, ни на кого внимания. Голос Анфисы Васильевны зазвучал на несколько тонов выше:

— Ну, хорошо! Сейчас я позову Гурия Григорьевича! — и она стремительно пошла на второй этаж. Среди резвящихся ребят был и её сын — Орлёнок. На линейке всем здорово влетело от начальника лагеря. Ещё несколько дней сыпал пушистый снег, а потом ударили морозы, зажглись ночью в небе яркие звёзды, тоненький ломтик луны подмигивал нам в разрисованные узорами окна.

Началась зима, наша вторая артековская — алтайская зима.

С наступлением морозов в лагере прибавилось работы. Утром на линейке старший вожатый Дорохин раздавал наряд:

— Сегодня дежурными по котельной заступают Вася Заблоцкий, Вася Макеев, Алёша Кутылгаев, Натан Остроленко и Юра Мельников.

— А что там стольким делать?

— Не перебивайте, пожалуйста, скажу без вопросов. С наступлением морозов необходимо усилить подогрев в котлах, то есть — лучше топить, а для этого нужно больше заготавливать дров. Если этого не сделаем, то трубы полопаются от мороза, а в корпусах будет холодно, как в Антарктиде. Понятно?

— Ясно!

— А почему девочек не назначаете? — спросил Вася Макеев.

Кто-то хихикнул. Гурий Григорьевич не выдержал:

— Ты что, Вася, без девушек — ни на шаг?

По рядам покатился смех.

— Ты уж брат потерпи немного. А если уж всерьёз, то я тебе скажу, Макеев: нужно быть вежливым и внимательным к девушкам, быть всегда рыцарем, защищать их от всего нехорошего. А ты видишь, куда загнул — дрова рубить! Ну, и шутник же ты!

— А почему же им белоручками расти? — не отступал Вася.

— Достаточно, Макеев! Перестань! Не переводи времени людям и себе и не подводи своих ребят, не то — возьмут они тебя в руки, штанишки снимут и кнутиком отстегают хорошенько, — примирительно закончил Гурий Григорьевич.

Началась трудовая вахта в котельной. Днём там стучали

топоры, пели острые пилы, вырастала куча поленьев. Дежурный по котельной «шуровал» котлы, чтобы стрелка манометра была на нужном делении.

Пилить дрова было из чего. Ещё осенью с ближних горных склонов ребята сплавляли брёвна осин, ёлок, берёз. Возле котельной речка делала изгиб, и в этом месте была сделана гать, здесь сплавляемые стволы задерживались, их быстро цепляли крючками и вытаскивали на берег.

В один осенний день комсомольцы старшего поколения заканчивали очередной «улов», как вдруг пошёл дождь.

— Побежали прятаться!

— Давайте лучше закончим!

— Взялись дружнее! Подходите все!

— Давай нажми! Р-раз! Взяли! Ещё раз! Дружнее!

А дождь усиливался, ветер хлестал по лицу, холодная вода струилась за воротник и ручейками бежала по спине.

— Ребята, ещё пара деревяшек и капут!

Но достать их баграми было не так то легко. Взобравшись на крайнее бревно, которое одним концом лежало на берегу, мы с Беней старались изо всех сил зацепить за сук следующее бревно, струдом нам это удалось и мы его вытащили. Осталось ещё одно. Мы старались что есть мочи, но ствол зацепился и никак не хотел двигаться. Наши багры вцепились в намокшее дерево, мы силились сорвать его с мёртвой точки. И вдруг, бревно, на котором мы стояли, сделало оборот в воде, и мы оба не удержали равновесие и шлёпнулись в воду. Здесь было неглубоко, но вымокли мы капитально. На берегу вылили воду из сапог, отпустили пару слов непокорившемуся бревну и, махнув рукой, побежали к корпусу. Нас уже ожидала Анфиса Васильевна.

— Быстро раздевайтесь! — тоном, не допускающим возражений, приказала она.

— Да ничего, Анфиса Васильевна, мы как-нибудь обсохнем!

— Да вы представляете, что ваше медленное «как-нибудь» может иметь самые трагические последствия — приведёт к серьёзному заболеванию! Бегом раздевайтесь!

Пришлось подчиниться. Еле постягивали с себя мокрую одежду, остались в одних трусах. Анфиса Васильевна вытерла каждого спиртом и уложила в постель. Тело разогрелось, лежать было приятно, и вскоре ребят покорил всемогущий сон.

Начался декабрь месяц.

По радио торжественный голос Левитана сообщал об окружении большой группировки фашистских войск под Сталинградом.

Настроение артековцев было прекрасное. Каждый

представлял город на Волге, по улицам которого совсем недавно они свободно ходили, посещали госпитали с концертами, провожали ежедневно эшелон танков на фронт. Представить город в руинах мы, конечно, не могли. Не верилось, что за истекший год от красавца-города остались одни развалины, дымящиеся пожарища. Особенно радовалась Роза Игольникова. Здесь, на Алтае она была с нами. Когда Артек эвакуировался на Алтай, Роза устроилась медсестрой в лагере и приехала в Белокуриху, связав свою судьбу отныне с Артеком. Юридически она была работником, а не пионером лагеря, а фактически она тоже стала членом артековского жизнерадостного коллектива.

— Хочется домой, — задумчиво говорила она. — Неужели ничего не осталось от города? — беспокоилась девушка.

— Не может такого быть! — уверяли мы её.

Нам тоже не хотелось верить, что город на Волге превращён в кучи камня и битого кирпича, покореженного металла.

— После войны, Роза, мы ещё спляшем в нашем родном Сталинграде! Танец победы спляшем!

— Спасибо, друзья! Как хорошо, что я встретила вас! — и её задумчивые глаза радостно засверкали. — Но где же моя сестричка? С кем же я плясать-то буду? — и она снова задумалась.

На этот вопрос ребята не могли ответить, ведь и у каждого из них было такое горе.

ХЛЕБ ФРОНТУ

Только тот человек, по моему мнению, может быть счастлив, который ставит перед собою большие цели и борется за них всеми своими силами.

М. Калинин.

Осенью артековцы помогали собирать урожай на полях совхоза «Аврора», перевозили снопы на крытые тока. Обмолотить весь хлеб осенью не представлялось возможным — не хватало людей, техники. Да и осень была дождливая, молотить в таких условиях было бы бесхозяйственностью. А потом начались морозы, по-настоящему легла зима. И вот теперь начинался повсеместный обмолот хлеба на токах.

В субботу и воскресенье от обеда и до поздней ночи ребята ходили на ток и работали возле молотилки. На улице было холодно, ветер завихривал мякину вместе со снегом и этой массой сыпал в лицо, за воротник. Молотилка гудела, как изголодавшееся чудовище, а ей в ненасытную пасть всё толкали и толкали снопы. Иногда сноп попадался мёрзлый (наверное, лежал где-нибудь сбоку), его приходилось сначала разрывать руками, а потом подавать машинисту.

— Поддай, робяты! — задорно кричал он, и «робяты» носились шустрее.

Возле молотилки, в затишье, было теплее, и мы невольно собирались здесь гурьбой. Но нужно было вовремя подтаскивать снопы, отгребать солому, наполнять мешки зерном, — и мы шли под удары ледяного ветра, превозмогая усталость и сон, чётко, словно роботы, выполняли однообразные движения. Постепенно всё зримее становились результаты нашего труда: скирда снопов уменьшалась, вырастала куча обмолоченной соломы, громадились наполненные зерном мешки.

Вдруг, гудение мотора начало утихать, шкив ударился не так громко и с вышины донесся голос машиниста:

— Довольно, робяты! Перекур на двадцать минут, пусть машина остынет — она быстро, не то — все поршни расплавим!

— Вот видите! — начал Муля. — Железные поршни сдают темпы, а наши будто нет, — стучат в груди, словно молоты! И не боятся, что расплавятся!

— Постой, не хвастайся! Посмотрим завтра, как ты свои

конечности отбросишь на постели!

— Они у него по инерции и во сне будут двигаться!

Без работы, без движения на морозе стоять было не особенно приятно, и все двинулись в небольшую теплушку.

— Последний, закрывай дверь!

— Не шуми зря, ещё нужно втиснуться, чтобы быть последним! — донёсся с улицы голос Юры.

Возле горячей плиты сидел машинист и дул на свои пальцы.

— Поршни ещё бы поработали, а вот мои пальцы почему-то не стали слушаться, пришлось машину останавливать, — будто оправдываясь, заговорил он, когда все вошли.

— Павел Иосифович, похоже, что вы у нас извинения собираетесь просить! Разве мы не видим, как вам тяжело толкать мёрзлые снопы в барабан! — проговорил кто-то впереди.

— Что вы там видите, мальцы? А возможно, и видите, да что толку-то? Молотить ведь одинаково нужно, ибо хлеб нужен везде — и здесь, и там, — показал он рукой на запад. — Да, и там нужен хлеб… Смотрю я на вас, робяты, и вижу, какие вы интересные, особенные какие-то, не такие, как довоенные ваши ровесники.

— Какие же это мы — не такие?

— Ну… хорошие, одним словом!

Ребята даже рассмеялись от такой похвалы.

— Чем же мы хорошие?

— Много чем. Вот вы работаете с огоньком, видно, крепко дружите. Вы будто дети единой семьи, и не только, что одинаковая одежда, как у близнецов, а всеми своими повадками вы едины.

— Вот это верно подметил, Павел Иосифович! Мы — действительно из одного дома — Артеком зовётся, и мать единую имеем — Советскую Родину! И как же нам не дружить, когда нас с детства воспитали любить трудящихся всех народов, людей труда и защитников Родины и самим быть готовыми к её защите!

— Ну, это вам ещё не под силу, рановато, то есть, вот когда в армию пойдёте…

— Погодите, погодите! Почему это — рановато? Пусть мы не держим оружия в руках, но вот и сегодняшняя молотьба — это тоже помощь нашей Отчизне-матери! А летом мы работали в совхозе, ещё раньше — в Сталинграде помогали, чем могли, а…

— Ну, добро, добро, сдаюсь, робяты! — поднял руки машинист. — Вот вы и доказали мне, что вы и взаправду — хорошие. А теперь что — ещё поработаем немного? Обогрелись немного и поршни отдохнули.

Кто-то сладко зевнул.

— Ещё, робяты, один удар — и спать пойдём!

— Да мы ещё выдержим и не один удар. То нам Юра накачивает свой компрессор, чтобы теплее было.

Мы снова вышли на улицу, в лицо ударил ледяной ветер, колючий снег. Кто-то неуверенно запел:

Нам навстречу ветер буйный дул,
Ледяные брызги дождь ронял…

Все дружно подхватили нашу любимую краснофлотскую песню, а через минуту заиграл мотор, лязгнули пассы, зазвенел барабан молотилки, посыпались пригоршни обмолоченного зерна в мешки, — снова загремела и увлекла всех симфония труда!

Где-то далеко за полночь наши «поршни» тоже сдали, как не бодрились, а сон одолевал. Машинист всунул последний сноп в барабан, соскочил на землю и выключил мотор.

— Молодцы, робятки! Хорошую смену выстояли. — Вон, какую гору мешков наворотили! Хотя и труднёхонько было, но дело большое сделали — закончили молотить всё до последнего снопа! Вот какие вы — настоящие герои! — похлопал он ладоней по плечу Юру.

— Совсем и не трудновато! — солидно проговорил Юра. — Нам не впервой так работать. Разве это геройство? Вот сталинградцы стояли на смерть, им было и трудно, и жарко, а, может, и страшно, а они не отступили за Волгу! Вот это — герои!

— Да, теперь Паулюсу — капут!

— А ещё и носа дерёт — нашего ультиматума не пожелал принять!

— Видимо, своего фюрера испугался!

— Ну, теперь им дадут прикурить!

Машинист шёл рядом молча, долго прикуривал папиросу, прислушиваясь к нашему разговору. — Где-то, мальцы, и мой сынок там, в Сталинграде…

Каждый в ту минуту подумал, что и его братишка или отец — тоже, наверное, там. Тяжело им, холодно, опасность подстерегает из-за каждого угла. Мы вот поработали несколько часов на морозе, да и отогреться можно было в теплушке. А там, куда денешься?

Юра вспомнил, как они ехали вдогонку за Артеком из Нижне-Чирской в прошлом году. Как тогда было холодно! Ох, как холодно! Алёша даже ухо отморозил, пока до Чира доехали.

Мы шли домой заснеженными улицами алтайского села, которое дышало ночным покоем после трудового дня. Даже собак не слышно. Ветер сложил, наконец, свои крылья и утих, на небе

рассыпались яркие звёзды, словно хотели поздравить ребят с трудовой победой.

ЛЫЖНЫЙ СЕЗОН

Нехитрое дело попасть ногою в проложенный след, гораздо труднее, но зато и почетнее прокладывать путь самому.

Я. Колас.

Каждому спортсмену знакомо чувство огромного удовольствия от лыжного спорта. Да и вообще, кому оно не известно? Кто не увлекался стремительной, захватывающей дух ездой с горы? Кому не приходилось бороться в лыжном кроссе на многокилометровой дистанции за призовое место? Наверное, нет человека, который в своей жизни не стоял бы на лыжах, которому не щекотал бы ноздри опьяняющий морозный воздух, которому не приносила бы большого наслаждения лыжная прогулка!

Лыжи! Ребята о них не забывали и летом. Прошедшей зимой в Сталинграде они лишь несколько раз смогли встать на лыжи — собственных не было. Однако, при содействии райкома комсомола лыжники-артековцы принимали участие в городских соревнованиях. Интересной была трасса: она шла по торосистому льду Волги на левый берег. Тогда без тренировки артековцы заняли командное первое место. Им вручили грамоту и напоили горячим чаем.

Здесь на Алтае лучших условий для лыжного спорта нельзя было и ожидать: лыжи администрация приобрела, снега было вдоволь, а горы так и манили к себе серебристой поверхностью!

Возле самого корпуса подымался длинный пологий склон, дальше к югу он круто уходил к густому ельнику. Это был наш основной стадион, подаренный самой природой. Здесь ребята сделали несколько трамплинов, на ровном, но крутом склоне разучивали повороты в слаломе и просто ездили и падали свободным стилем. Отсюда постоянно раздавались весёлые возгласы, смех, брызгал юношеский задор и здоровье.

Особой виртуозностью выделялись эстонцы и москвичи: Муля Тамм, Володя Николаев, Арвид Пазорг, Том и Дима Петровы.

А тот, кто отдавал предпочтение кроссу по сильно пересечённой местности, тот ехал в район аллеи, где между деревьев петляла лыжня, и во главе с Володей Аас отрабатывал широкое скольжение, правильное дыхание. Здесь тоже было интересно. Володя был хорошим лыжником, умел увлечь товарищей любым делом, передать свой опыт, научить спорту.

Склоны гор таили много неожиданностей и неприятностей. Почти ежедневно кто-нибудь из лыжников нёс под рукой сломанную лыжу. Палки тоже ломались, но их легче было починить — предмет без особой сложности. Были и такие случаи, когда лыжники приходили с исцарапанными щеками, разбитым носом или распухшей ногой, — таких сразу направляли к Анфисе Васильевне или Розе Игольниковой. Если в таких случаях дежурным по коридору был Юра Мельников, то он обязательно констатировал:

— Помогите этой жертве добраться до эскулапов! — разводил руками. — На войне, как на войне! На лыжах, как на лыжах! Эх, жаль твоего носа, Петя! А лыжи целые?

И если лыжа балы сломана, он добавлял:

— Эх, жаль лыжу! Такая проворная была! Лучше бы голову сломал! Ведите его!

Иногда для поднятия духа потерпевшего Юра выносил из палаты большой деревянный термометр и «мерил температуру». Он сам тоже любил кататься с гор.

Иногда ребята выезжали в горы, поближе к Церковке, возле которой поднимались безлесные конусообразные горы. Из-за низких температур и сильных ветров снег уплотнялся и нисколько не проседал под тяжестью лыжников, — на снегу оставался лишь чуть заметный след. По такому снегу кататься было приятно, но не всегда безопасно, особенно при вынужденном падении. Ещё хуже было, когда свежий снег оставил местами наносы, и они мягкими островками белели на уплотнённой толще, подстерегая лыжника, который почти всегда в таких местах терял равновесие и падал. Случилось это с моим подопечным Петей Кацманом. Мы с ним выкарабкались на вершину сопки, отдышались.

— Давай я поеду первым, проложу лыжню, а ты потом за мной, — предложил я Пете.

Немного присев, я поехал вниз. Ветер свистел в ушах, слезились глаза. И вот поперёк пути протянулся свежий нанос, — меня качнуло вперёд, поднялся снежный вихрь, всё же на ногах я устоял, и, вырвавшись из хитрой ловушки, снова понёсся вниз. У подножия остановился, махнул рукой Пете:

— Давай по моему следу-у-у-у!

Где-то далеко в горах покатилось эхо:

— У-у-у-у-у…

Петя птицей понёсся по готовой лыжне. На небольшом трамплинчике его немного подбросило и одной лыжей он съехал с проложенной колеи, но скорости не потерял и камнем влетел в снежный нанос. Снизу я видел лишь могучий снежный вихрь,

поднятый падением товарища, вихрь закрыл и лыжню, и лыжника. И вдруг, из этого облака снежной пыли, как в современных мультфильмах, стрелой вылетела лыжа с валенком и быстро поехала вниз, приближаясь ко мне. А потом на одной левой ноге, как цапля на болоте, беспомощно осматриваясь вокруг, поджав босую ногу, показался Петя. Он увидел, что мне удалось перехватить и остановить умчавшуюся лыжу, и ожидал, пока я привёз ему «правую ногу». Мы посматривали один на другого и смеялись до изнеможения, покачиваясь и приседая.

Петя вытер лицо и снова прыснул:

— А я всё-таки доеду до конца! — и поехал вниз по склону.

Вскоре в коридоре жилого корпуса появилось объявление: «Артековец! Ты подготовился к лыжному кроссу? Желаем тебе стать победителем! Все на лыжи! Комсомольский комитет».

Началась подготовка. Теперь спортсмены чаще ходили с Володей на несколько километров вдоль реки Белокурихи. Возвращались вспотевшие, усталые, но довольные.

Наступил день соревнований. После завтрака старший вожатый, он же — главный судья соревнований — объявил:

— В десять ноль-ноль всем отрядам прибыть на старт у мостика, возле столовой! Лыжня проложена вдоль дороги мимо нашего корпуса к шестой даче, поворот там обозначен флажками и будет стоять контрольный пост, назад — тем же путём. Финиш — на месте старта!

— Какая дистанция?

— Первому-третьему отряду — пять километров, четвёртому-пятому — три. Ясно!

— Поняли!

Погода стояла, будто по заказу: лёгкий морозец, солнышко, свежий снег чуть-чуть припорошил лыжню, проложенную ещё вечером.

Через полчаса на старте толпились лыжники — участники забега и их болельщики. Дорохин вызывает первый отряд. Встаём по пять человек на старт. Сигнал — мы срываемся с места и, толкая один другого, устремляемся вперёд — через мосточек, по дороге в горы, к даче.

Кто-то говорил, что здесь отдыхал в довоенные годы военачальник Эйхе, после нашего приезда здесь отдыхал писатель Паустовский. Теперь это лёгкое и красивое сооружение пустовало, двери и окна были заложены досками, даже сторожа никакого не было.

Возле жилого корпуса было полно болельщиков. Они подбадривали проезжающих громкими возгласами:

— Не, поддайся, Миша!

— Володя, нажимай!

— Палками, палками работай!

Остались позади контрольные посты, дорога становилась круче, дышалось тяжело, темп снижался. По лицу катились капли пота, Наконец, среди зелёных ёлок завиднелась дача, а по дороге горбилась фигура контрольного постового. Ещё немного и мы уже повернули назад. Ехать стало гораздо легче, теперь лыжи сами скользили по накатанной лыжне, нужно было только лишь удержаться, сбалансировать на ногах, чтобы не упасть да вовремя свернуть набок, чтобы дать дорогу встречному лыжнику.

Обратный путь мы пробежали намного быстрее. За поворотом, возле корпуса, мне удалось вырваться вперёд, оставив ребят позади. Поехал быстрее, впереди уже виднелся мостик и гурьба пионеров.

— Ещё немного, Алёша! Рекорд!

Но как раз в этот ответственный момент фортуна мне изменила: перед мостом чуть расслабились мышцы ног — лыжи вмиг разъехались, я сделал отчаянное движение, которое совсем погубило меня: лыжа наехала одна на другую, и я полетел на скользкую дорогу. А ещё через мгновение мимо меня проскочил Володя Мананников, и пока я поднялся и распутал лыжи, мимо проехала вся четвёрка и я приехал последним.

— Ирония судьбы, или преждевременное приземление! — издевался Юра.

— Не остри! — оборвал его кто-то из моих болельщиков. — Подобная авария с любым и каждым может случиться!

Но Мельников не унимался:

— Конечно, может. Это ещё хорошо, что он под мост не угодил! Мог бы и опору носом поцарапать!

Мне, конечно, было обидно, что не сумел финишировать первым, но спортивная скромность претила жалеть об этом вслух. Я подошёл к улыбающемуся Мананникову и пожал ему руку. Кстати, на районных соревнованиях Володя занял тоже первое место, так что уступил я достойному противнику. Артек и в спорте вышел в районе на первое место.

РОЖДЕНИЕ ОРКЕСТРА

Талант зреет в тиши, характер закаляется в бурях жизни.

Гёте.

Длинны зимние вечера. Особенно медленно тянулось время перед ужином. В такое время пионеры собирались в ленинском уголке — здесь играл баян, танцевали, разучивали новые песни.

Как-то ребята были в клубе курорта, играли в бильярд. Заведующий клубом средних лет мужчина, бывший военный, обратился к нам:

— Ребята! В вашем лагере есть музыканты?

— Как не быть — есть!

— Хорошие?

— Ну, как вам сказать…

— На струнных инструментах умеют играть?

Я насторожился:

— А у вас что, есть такие инструменты?

— В том и дело, что у меня в кладовой лежит струнный инструмент, и струны целые, а играть некому.

Ребят это обрадовало.

— Можно на них посмотреть?

— Да не только посмотреть, но и поиграть можно.

Признаться, я очень соскучился по струнному оркестру, ведь почти два года не играл на таких инструментах после отбытия в Артек. Нас повели в кладовую. На стене ровными рядами висели балалайки, мандолины, гитары, внизу стояли басы, ударные инструменты. Я взял осторожно балалайку, отряхнул пыль, притронулся к струнам, они отозвались жалобным звуком.

— Какие-то дикие звуки! — проронил Саша Илица.

— Подожди, Саша, сейчас я их приведу в порядок, — я начал настраивать балалайку. Потом заиграл «Коробейники», украинскую «Ноченьку».

— Это совсем другое дело! — одобрили ребята.

— А на том вон пузатом инструменте ты сможешь?

Настроил мандолину, нашёл что-то похожее на медиатор и заиграл «Три танкиста».

— Эта штуковина будто сама поёт!

— А на гитаре умеешь?

— Конечно.

Пришлось объяснить ребятам, что дома играл в школьном

струнном оркестре, на балалайке отец научил играть ещё в дошкольном возрасте. У ребят созрел план: попросить в клубе инструменты для Артека и создать свой оркестр.

Посоветовались с заведующим:

— Для пользования я могу разрешить, но чтобы инструменты даром не висели!

Ребята вопросительно смотрели на меня: как мол, будем играть?

— Научить вас играть, ребята, я обещаю, но для этого нужно время.

— Как долго? За неделю-две научишь?

— Возможно за два-три месяца.

На очередном заседании совета лагеря я рассказал о возможности иметь свой оркестр. Меня поддержали, согласовали этот вопрос с администрацией и вскоре инструменты были у нас. Охотников записаться в оркестр было больше, чем нужно. На первых занятиях на каждый инструмент было по два-три претендента. Но потом всё утряслось само собой. Сложился постоянный состав оркестрантов, случайные отсеялись, и мы начали регулярно заниматься — ежедневно по часу, иногда немного дольше. Обучение двигалось трудновато, каждому приходилось начинать с азов — осваивать технику простейших аккордов. Надёжным помощником был Боря Макалец: он помогал настраивать инструмент, показывал технику игры на мандолине, и за ним пришлось закрепить этот инструмент. На балалайках учились играть Игорь Сталевский, Володя Аас, Муля, Саша Илица, на гитарах — девочки: Эля Карахтанова, Нина Иванова, Маша Гусева, на басе играл Левин. Я с Борей чередовал игру на баяне и мандолине. Первые занятия проходили в присутствии многих «вольных слушателей», потом им, видимо, надоели блуждающие звуки и они стали убегать не только из палаты, но и, вообще, из корпуса на улицу, и лишь потом, когда ребята немного освоили технику игры, к нашему оркестру стали прислушиваться.

Аккорды имели у нас условные названия: «единица» — это соль минор, а на гитаре — это до минор, «два» на балалайке — соль мажор и соответственно на гитаре — до мажор, «три» — ля мажор и ре мажор и т. д. Были и такие ещё названия аккордов: «кольцо», «пусто», «минор».

Сначала на всех инструментах ребята научились исполнять аккорды, а потом руководитель только называл их, а музыканты исполняли, а позже стали определять сами. Учились играть преимущественно народные песни и танцы: «Гопак», «Светит месяц», «Коробейники», «Лявониху», «Ноченьку», разные польки, вальсы, а потом стали обогащать свой репертуар песнями

советских композиторов. Играли «Катюшу» Блантера, «В землянке» Листова, «Москва майская» да марш из кинофильма «Весёлые ребята» Дунаевского и другие.

— А вы знаете, ребята, — обратился я как-то к оркестрантам, — что композитор Дунаевский — мой земляк?

— Почему он твой? Разве ты москвич? Ведь Дунаевский живёт в Москве.

— Правильно, он живёт в столице, но родился и жил до революции в городе Лохвице на Полтащине, — доказывал я друзьям.

— А ты разве оттуда — из Лохвицы?

— Не из города, а из района, оттуда и в Артек прибыл.

— А как Дунаевский попал в Москву?

— Ну, это уже совсем другой вопрос, есть ведь пословица на этот счёт: «Все дороги ведут в Москву!» Всех подробностей его биографии я не знаю, и когда он стал москвичом — не скажу, но главное для меня то, что он — мой земляк!

— Повезло же тебе иметь такого известного земляка!

— Там у вас, наверное, все музыканты?

— А что вы думаете, — в нашем районе почти в каждой школе был струнный оркестр. Почти ежегодно на районном смотре мы занимали первое место, — хвастался я.

— А мой земляк — Григорий Иванович Котовский! — отозвался Миша Еремия из Молдавии.

— А мой — Амальгельды Иманов! — в тон ему продолжал Алёша Култыгаев.

— А мой земляк — Янка Купала! — отозвался Яша Олесюк.

Москвичи заулыбались, зашумели:

— У нас столько известных земляков, что трудно перечесть!

— Народ выдвигает выдающихся людей, а наш народ — великий народ, отсюда и известных много. Закономерное явление, — подытожил разговор Дорохин. — Вот вы собрались со всех концов нашей Родины, и каждый по праву гордится своим народом, своими земляками — известными и малоизвестными, а все они — наши общие земляки: советские учёные, писатели, полководцы, композиторы.

Володя ещё долго рассказывал о национальном величии наших народов, об интернациональном единстве наших национальных культур, а потом незаметно перевёл разговор к сегодняшним событиям на фронте.

— Под Сталинградом сейчас наступил великий перелом, наши войска уничтожают окружённую группировку немецко-фашистских войск! А весной, по-видимому, начнётся великое наступление советских войск на всех фронтах!

— А где об этом сообщалось?

— Никто нигде об этом не сообщал, но это можно понять каждому, если внимательно проанализировать события на фронте.

— Возможно, к лету и война закончится?

— Нет, я бы не сказал — об этом судить трудно, ребята, но мы все убеждены в нашей победе!

— Мы с самого начала войны были убеждены!

…На новогоднем празднике струнный оркестр впервые выступил на концерте и сразу завоевал симпатии зрителей. А потом не проходило ни одного концерта без его участия. Репертуар наш постепенно обогащался, но музыканты, конечно, понимали, что до профессионалов им ещё далеко и поэтому упорно работали над улучшением исполнительского мастерства.

На вечерней линейке после сдачи рапортов Гурий Григорьевич объявил:

— Завтра, в субботу, к нам прибывает делегация курсантов военного училища из Бийска. Крайком партии порекомендовал им посетить не детский дом, а наш Артек, как показательное детское заведение. Для нас это, конечно, — большая честь! Мы должны быть готовы к их встрече. Все должны осмотреть свои костюмы, чтобы внешний вид был не хуже, чем у гостей!

Ребята улыбнулись. Ястребов обратился к вожатой Тосе Сидоровой:

— Что у нас подготовлено из художественной самодеятельности?

— Есть хорошие песни, несколько танцев, вокальное соло у Миши Цуркану, дуэты у эстонских девочек. Есть струнный оркестр! — она вопросительно посмотрела на меня — я утвердительно качнул головой.

Курсанты приехали после обеда. Их было около тридцати человек, все на лыжах, в военных телогрейках, немного уставшие, но бодрые, с раскрасневшимися лицами. Они с любопытством рассматривали артековцев, которые выходили из столовой. Старший группы о чём-то перемолвился с Дорохиным и курсанты пошли в столовую.

Через несколько минут мы их встретили в помещении курортного клуба. Гости рассказали артековцам о своей учёбе в училище.

— Мы изучаем нашу советскую артиллерию — «бога войны». Через несколько месяцев часть наших выпускников уедет в действующую армию на фронт, где так нужно наше грозное оружие, чтобы быстрее изгнать немецких фашистов с советской земли. Советские артиллеристы сейчас завершают разгром

окружённой группы немецких войск под Сталинградом. На других фронтах также развёртывается наступление, и наши артиллеристы ещё скажут своё огненное слово!

От имени артековцев с приветствием выступили Света Косова и маленькая эстонка Эллен. Светлана сообщила решение Совета пионерской дружины лагеря: принять в почётные пионеры группу курсантов военного училища.

— Четвёртый отряд, повязать красные галстуки почётным пионерам! — подала Светлана команду.

Младшие артековцы старательно повязали галстуки — военным пришлось немного наклониться — все дружно аплодировали.

Встреча закончилась общим концертом. Ребята впервые услышали современные военные строевые песни: «Марш артиллеристов», «Моя любимая», «Тёмная ночь» — в исполнении курсантов. Почти всем им приходилось выходить «на бис».

Им тоже понравились артековские песни, пляски. Гости очень удивились, когда на сцене появился большой струнный оркестр. Когда ребята играли польку «Отход поезда», вся группа курсантов хлопала в ладоши в такт музыке, а им вторил весь зал.

В воскресенье артековцы катались с гостями на лыжах с гор. Военные показали образцовый слалом, хотя и лагерные спортсмены — Муля, Арвид, Володя — не уступали в технике спуска с почти отвесных склонов.

После общего обеда артековцы проводили курсантов за околицу Белокурихи, тепло с ними простились, пожелали счастливого пути и боевой удачи, и долго смотрели им вслед, — извилистая цепочка лыжников вскоре растаяла в сверкающей белизне снежной равнины.

Очень интересно было узнать, кто остался в живых из той группы молодых курсантов, что познакомились с артековцами в далёкую суровую зиму 1943 года.

Но это уже будет поиск наших дней.

ВОЛОДЯ СМОЛОВ

О человеке судят не потому, что он о себе говорит, а потому, что он делает…

В. И. Ленин.

Ребята шли из школы в лагерь. Навстречу по широкой улице села шагал солдат размашистым шагом. Был он в шинели, в ботинках, в чёрной шапке-ушанке. Шёл уверенно, не оглядываясь по сторонам. Сравнявшись с ним, ребята поздоровались, он козырнул и пошёл дальше.

— Моряк! — констатировал кто-то из нас.

— Не моряк, а морской пехотинец!

— А как ты знаешь?

— По форме можно отличить!

Ребята ещё долго спорили, припоминая известные им матросские звания и отличия. За ужином они узнали, кого встретили. В столовой работали эвакуированные из Ленинграда девушки, артековцев обслуживала официантка Вера Смолова. Она была немного старше их, но это не служило препятствием для хороших отношений и даже дружбы с этой девушкой. Сегодня она была веселее обычного, разговорчивей со всеми. Кто-то осмелился бросить комплимент:

— Сегодня Вера словно ухажёра встретила!

Она услышала и, улыбаясь, ответила:

— Брат возвратился!

— Откуда?

— С фронта.

— В отпуск?

— По ранению.

Мы начали догадываться, но для уточнения спросили:

— Он в военной — морской форме?

— Да, вы его видели?

— На раненого он не похожий, — шёл, как на параде!

— Ему осколок глаз рассёк, теперь у него — протез.

— А что он собирается делать?

— Думает устроиться где-нибудь здесь, возле нас, а закончится война, возвратимся в Ленинград, пусть заканчивает учёбу.

— А где он учился?

— В политехническом институте.

— Пусть в лагерь устраивается на какую-нибудь должность.

— Да, он говорил уже с Ястребовым на эту тему, возможно, и устроится.

…Спустя несколько дней, на зарядку прибыл Володя Смолов. Он был в спортивном костюме, стройный, подтянутый. Ребята прониклись уважением к этому юноше. Он рассказывал о суровых буднях защитников города Ленина, о «Дороге жизни» через Ладогу, о подвигах морских пехотинцев и балтийских матросов на Синявинских высотах, а через несколько дней знакомства ребята уже перехватили от него и распевали под баян новую песню о Ладоге:

…Недаром Ладога родная
Дорогой жизни названа!

Володя немного играл на гитаре, с особенно глубоким лиризмом он напевал танго «Студенточка», а девушки аккомпанировали ему многозначительными вздохами. Теперь к изобретательности и широкой эрудиции Дорохина добавилось смоловское знание современной военной науки и боевой опыт фронтовика. Он был высоко культурным, широко эрудированным человеком и, к тому же, — очень скромным и простым в обращении со всеми.

Вскоре он уже вёл стрелковый кружок, секцию лёгкой атлетики, гимнастическую секцию с юношами (с девушками такую секцию вела Тося).

…Мы лежим на снегу, рядом с нами Володя Смолов. Он ставит задачу: — Возле отдельного дерева стоит замаскированный вражеский танк, вам нужно подбить его двумя гранатами!

— Подниматься можно?

— Нет, это исключено, — вас тогда могут убить. Только в положении лёжа!

— Мы ведь не добросим туда лёжа!

— А ты подожди, пока он тебя ближе подпустит, да ещё и корму подставит!

— Показываю, как нужно бросать гранаты из такого положения!

Володя берёт в руку гранату, потом изгибается на снегу, отводя руку с гранатой в сторону, пружинящим движением подбрасывает себя вверх и одновременно бросает гранату в цель. Она ложится точно у «танка», потом бросает вторую, третью —

«цель» уничтожена.

— Но вы же говорили, что подниматься нельзя!

— А я и не поднимался, а быстро вскочил, даже на ноги не становился. Видели, как вратари ловят футбольные мячи? Они бросаются на мяч и какие-то секунды находятся в воздухе. Вот с такого примерно положения вы бросаете гранату.

И он снова показал, как это делать, а ребята потом старались овладеть секретами такой техники метания. Тренироваться со Смоловым было интересно, к каждому случаю, он имел пример из фронтовой жизни.

— А на фронте вам приходилось бросать вот таким способом?

— Иногда приходилось и таким, но чаще истребители танков размещались в окопах и оттуда метали гранаты, бутылки с зажигательной смесью.

— А если не попадут?

— А если не попадёшь в цель — больше шансов у противника попасть в тебя, значит нужно успеть бросить первому и бросить точно, тогда ты выйдешь победителем в схватке с танком.

— А страшно, когда на тебя танк ползёт?

— Бывает и страшно, но нужно уметь преодолеть, отбросить страх, наступить на него силою воли и действовать рассудительно, смело, как поётся в песне:

Смелого пуля боится,
Смелого штык не берёт!

— А когда ещё бывает страшно?

Володя немного подумал:

— Пожалуй, перед атакой.

— А почему?

— Ну, вот подали команду, ты выскакиваешь из окопа и бежишь, а навстречу бегут фрицы в серых мундирах. Ты уже видишь, кого ты должен колоть штыком, и он тебя видит. Лихорадочно работает мысль: «Как тебя обмануть, чтобы первому нанести чувствительный удар?» Ведь если не ударишь первым, то тогда — беда! Вот здесь и бывает страшновато иногда.

— А как получается на деле?

— По-разному бывает, ребята. Здесь уже играет роль физическая сила и сноровка, как ты владеешь техникой штыкового боя. Нужно научиться делать провокационные движения винтовкой, чтобы обмануть противника, а настоящий укол или удар наносить молниеносно и точно. А для этого нужна подготовка упорная, кропотливая.

Ребята изготовили несколько макетов деревянных винтовок,

поделали чучела, и Володя показывал им приёмы штыкового боя. А они кидались на чучело и кромсали его со всех сторон.

Весной активизировались занятия по лёгкой атлетике. Володя научил нас прыгать в длину способом «прогнувшись», тщательно отрабатывал разбег, толчок, полёт в воздухе и приземление. Мальчикам он показал интересные упражнения на перекладине.

Когда настало лето, под горой — влево и от аллеи был устроен тир для стрельбы из боевой винтовки, и мы впервые стреляли боевыми патронами. Володя тренировал быстро определять цель, метко вести стрельбу и искусно маскировать себя на поле боя. Кстати, его советы и наставления пригодились многим из ребят позже, когда они — старшие артековцы — пошли на фронт.

…Прошли годы и годы. Разлетелись артековцы — кто куда, на какое-то время мы потеряли друг друга из виду. В начале 70-х годов я нашёл след Смолова, написал ему письмо. Он вскоре ответил: «Бери, Алёша, баян и приезжай в гости в Ленинград, споём любимую: „Мы не дрогнем в бою за Отчизну свою, нам родная Москва дорога…“». В письмо была вложена визитная карточка: «Смолов Владимир Борисович, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, заведующий кафедрой вычислительной техники Ленинградского ордена Ленина электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина)».

ВТОРАЯ ВОЕННАЯ ВЕСНА

Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, пока сильны, бодры, не уставайте делать добро.

А. Чехов.

В Алтайском крае большинству артековцев пришлось пережить только одну весну, — это была вторая весна военной годины (первая была прожита в Сталинграде). В отличие от привычных европейских вёсен, здесь, на Алтае, весна пришла быстро и дружно: из-за гор налетели тёплые ветры, пригрело солнышко, и снег побежал ручьями в речку Белокуриху. Быстро просохли дороги, зазеленели предгорья, а потом запестрели цветами типа подснежников, фиалок и очень ярких огоньков, от которых отдельные склоны алели, словно после жаркой битвы. За огоньками ребята ходили в лес, рвали их большими букетами. Потом расцвела черёмуха, и наши комнаты превратились в сказочные оранжереи: на каждой тумбочке стоял букет благоухающих весенних цветов.

Иногда походы в лесные чащи заканчивались неприятными сюрпризами: на ребят в лесу сыпались с деревьев клещи. Они впивались в тело, вызывая невыносимый зуд, — приходилось выковыривать их иголками.

В выходные дни любители туризма штурмовали ближнюю к лагерю вершину — гору Церковку, которая манила горной экзотикой и музейным набором надписей. Она действительно была чем-то похожа на церковь: конусообразная гора увенчивалась нагромождением каменных глыб. Они были сложены в виде крестов, колонн, а по ним шли надписи краской и чем-то были нацарапаны, и датировались началом XX века и прошлым годом. Наверное, и колонны рейхстага после падения Берлина не были так испещрены всевозможными надписями, сколько их оставили туристы и курортники на скалах Церковки. Подняться на неё было делом не совсем лёгким, всё же ребята выбирались сюда почти в каждый выходной. С её вершины открывалась широкая панорама: с северной стороны виднелись сёла, а на юг — нагромождение горных утёсов и скал, дышащих могучей первозданной силой, и вместе с тем были величественно-прекрасными, грозными и привлекательными.

В выходные дни были и другие походы — тимуровских

отрядов. Совет лагеря взял на учёт все семьи фронтовиков, особенно старушек преклонного возраста. С наступлением весны, естественно, каждая семья старалась обработать огород, а рабочих рук не хватало, — вот к таким и приходили на помощь артековцы. Правда, действовали они не всегда так, как гайдаровский Тимур — тайком, чтобы и хозяева не знали. Они помогали открыто, приходя с лопатами, граблями к усадьбе какой-нибудь бабушки. Спрашивали, что нужно сделать в первую очередь, а потом приступали к работе: вскапывали огород, скородили, помогали сажать картошку.

Сначала к нашей помощи некоторые относились с недоверием или с настороженностью, но потом, убедившись, что артековцы — люди не только слова, но и дела, которое они умеют делать быстро и качественно, — нас стали ожидать с нетерпением. Некоторые бабушки старались даже платить, иные — угостить каким-нибудь лакомством, но ребята, естественно, от всего тактично отказывались с надлежащей скромностью.

Лишь одной старушке мы уступили и приняли её приглашение войти в избу. На стенах висели фотографии её сыновей, мужа — все они были на фронте. Бабушка познакомила со всеми членами своей большой семьи.

— А вот это — Гоша мой, на баяне играл.

— А теперь, где он?

— Бог его знает, писал ещё в сорок первом из Севастополя. Он там возле больших пушек служил ещё до войны, а потом не стало его слыхать. А я всё ожидаю, чтобы пришёл он да заиграл на баяне, как раньше бывало.

— А где же тот баян?

— Да вот в сундуке лежит. Может из вас кто умеет играть — я вытащу!

— Вынимайте, бабушка! — ребята посмотрели в мою сторону.

Старуха застучала задвижками, подняла крышку и вынула тульский баян.

— Вот так штука! — восхищались ребята.

Баян сверкал чёрными полированными стенками корпуса, белел кнопками басов и пуговицами правой стороны и красивой затейливой инкрустацией.

— Ну, что вам, бабушка, заиграть?

— Морскую эту, что «волны бушуют вдали» заиграй!

Я потихоньку взял аккорд и поплыла в бабушкиной избе старинная матросская песня «Раскинулось море широко». Старушка слушала внимательно, смотрела на фотографии Гоши и с её глаз струились горькие материнские слёзы. Дальше баян играл только по её заказу.

— Спасибо, вам, детки! И за работу спасибо, и за музыку. Немного развеселили старуху. Буду ожидать своих орлов, ох и заиграем тогда хорошенько, да и «Подгорную» спляшем! Только бы дождаться! Только бы возвратились!

— Возвратятся, бабушка! Обязательно возвратятся!

Ребята действительно верили в свои слова, нам хотелось, чтобы к этой бабушке, да и ко всем матерям, возвратились все её сыновья и муж, ведь и нам хотелось поскорее возвратиться к родному дому в объятия родных матерей, а они с нетерпением ожидали свидания с сыновьями, как и эта бабушка.

На вечерней линейке командиры сводных тимуровских отрядов докладывали председателю совета дружины о проделанной работе.

— Товарищ председатель совета дружины! Пионеры первого сводного отряда помогли четырём семьям фронтовиков обработать приусадебные огороды, очистили от мусора дворы, побелили деревья, написали на фронт письма! Тимуровскую помощь будем продолжать!

У тимуровцев радостно сверкали глаза: приятно было сознавать, что ты кому-то оказал помощь, да и не просто кому-то, а семьям фронтовиков!

В таком же духе докладывали председателю совета дружины и остальные командиры.

Были случаи, когда на имя начальника лагеря приходили письменные благодарности от жителей Белокурихи и их зачитывали перед строем. К артековцам жители села стали относиться с большим уважением — труженики умели ценить бескорыстную помощь. Присмирели и сельские задиры, хотя серьезных конфликтов с ними у нас и до этого не было.

В школе артековцы были надёжной помощью и опорой педагогов, активными застрельщиками всех хороших начинаний.

Школьные комсомольцы выбрали меня своим секретарём, и я старался оправдать их доверие. Регулярно проводились субботники по сбору средств для нужд фронта. Все комсомольцы работали с энтузиазмом, каждый знал, что и он вносит небольшой вклад в дело победы над врагом. Лентяев не было.

Первого мая, с первыми вечерними сумерками колонна артековцев с зажженными факелами прошла по улицам села. Это было грандиозное зрелище: наши факелы ярко освещали центральную улицу, а над колонной гремела артековская песня, её сменяла пионерская речёвка.

Сельские ребятишки сгрудились возле заборов или гурьбой бежали возле праздничной колонны, с жадностью ловили каждое слово, каждый звук и, наверное, по-ребячьи завидовали

артековцам.

Начались экзамены в школе. Успеваемость у всех артековцев была хорошей, но к экзаменам мы готовились усердно. После завтрака все с книгами в руках расходились по разным углам, чтобы не мешать друг дружке. Я облюбовал местечко на противоположном берегу речки, недалеко от корпуса, раздевался до трусов в густой траве, чтобы одновременно принять загар. Ко мне почти всегда присоединялся Игорь Сталевский. Хотя он и заканчивал только шестой класс, и наши программы отличались, но мы дружили давно, привыкли друг к другу. Свободного времени у Игоря было больше, поэтому он был курьером: приносил нужные учебники, ходил за водой.

Невдалеке от нас располагались другие ребята — на лоне чудесной алтайской природы ребята готовились к экзаменам.

Свободное время мы отдавали спорту: проводили соревнования по лёгкой атлетике, купались в речке, играли в футбол, вертелись на турнике, ребята старшего возраста возились с гирей.

Хороших спортсменов в лагере было много, но лучшего футболиста, чем Натан Остроленко — не было, хотя хорошо играли Валя Иванов, братья Петровы, Володя Мананников, Володя Николаев, Ваня Заводчиков и другие ребята.

К Володе Смолову приехал его знакомый, тоже раненный на Фронте. Он был перворазрядником по гимнастике, показал нам много упражнений на перекладине. Нам хотелось тоже исполнять сложные упражнения с такой лёгкостью и чёткостью, как этот раненный спортсмен. Но турник у нас был примитивный: на двух столбах сверху была прикреплена труба, и после хорошего маха всё сооружение шаталось, как в лихорадке.

Однажды я потерпел аварию: исполнил сильный мах, труба сорвалась с крепивших её гвоздей, и я с ней в руках полетел под стену корпуса. Больно ушибся, а труба одним концом угодила в окно, разбила несколько стёкол, за что на вечерней линейке я получил замечание перед строем.

Все артековцы успешно сдали экзамены и теперь могли вздохнуть с облегчением — начались каникулы.

В какой-то газете я прочитал объявление о возможности поступления в институт после девятого класса. Посоветовался с вожатыми, друзьями, собрал необходимые документы и, отослав в Московский авиационный институт имени Серго Орджоникидзе, стал ожидать ответа из столицы.

«АСО» — ДВЕ РУЧКИ — ОДНО КОЛЕСО

Никогда не бывает больших дел
без больших трудностей.

Вольтер.

Экзамены и школа остались позади, теперь мы стали заниматься полезными делами по хозяйству. А работы было много, щедрое лето ожидало наших рук. Раньше мы не представляли, что здесь, в Алтайском крае, — южной окраине Западной Сибири — произрастают почти все сельскохозяйственные культуры нашей чернозёмной Полтавщины, даже арбузы. В этом году урожай обещал быть щедрым, нужно было только вовремя его собрать.

Девушки выполняли работы сравнительно полегче: собирали овощи, малину в питомнике. В совхозе были мичуринские сорта многих ягодных культур, но особенно плодоносной была малина. Несколько гектаров кустистой низкорослой малины требовали сотен рабочих рук, чтобы вовремя собрать урожай этой ароматной вкуснейшей ягоды. Дома мы знали малину наших европейских сортов, но здесь было нечто удивительное: малина с очень крупными ягодами давала богатейшие урожаи, — и это в условиях Сибири!

Девушки собирали малину в большие корзины, потом взвешивали и отправляли в хранилища или сразу в столовую курорта.

Юношей старшего возраста направляли на строительство новых овощехранилищ. Каждое утро после завтрака колонна артековцев направлялась на территорию совхоза. Дорогой пели песни (мы не могли без них), рассказывали смешные истории. Слева вдалеке тянулась гряда гор, а впереди и справа — раскинулись степные шири.

Весёлой гурьбой приходили на место работы. Перед нами было поставлено ответственное задание: за месяц вырыть котлованы для трёх овощехранилищ достаточно больших размеров.

Технику на «вооружении» мы имели примитивную — лопаты да тачки для транспортировки выкопанной земли. Копать землю было не особенно трудно, а возить тачки, наполненные землёй по узким настилам — было намного труднее. Эту работу выполняли

самые сильные и ловкие ребята.

Сначала работа не клеилась: трудно было балансировать с наполненной тачкой — то колесо соскакивало с трапа, то терялось равновесие и тележку опрокидывало на бок, иногда вместе с «водителем». Но постепенно мы освоили «технику вождения» и бегом катили тяжёлые тачки на удаление 15–20 метров от котлована. Здесь и родилось новое название:

— Ребята, как этот вид транспорта называется?

Посыпались разные названия, но вот Юра Мельников предложил:

— Новая машина — «Ассо» — две ручки — одно колесо! — и покатил её под одобряющий хохот товарищей.

Дни стояли погожие, работали мы в одних трусах, загорели на солнце, как негры, — на плечах кожа шелушилась, на ладонях натёрлись твёрдые мозоли, но работа двигалась быстро, и мы были уверены, что управимся раньше срока.

Когда вблизи не было никого из администрации совхоза, особенно завхоза Мотовилова, мы посылали разведку к девушкам в малинник: есть ли у них готовая продукция. Кто-нибудь из младших бежал туда предупредить девчат — придут, мол, ребята в гости. И вот, побросав свою технику, мы короткими перебежками направлялись в малинник. Ели, конечно, сколько душа принимала.

— Ну, и лодыри вы, мальчики! — сетовали девушки. — Разве вам тяжело самим нарвать? Вон сколько слопали! Мы из-за вас и нормы не выполним!

— Галя, не сердись, голубушка, ведь нам нужно восстановить силы, — иначе не успеем выкопать хранилище для вашей малины!

— Если так будете копать, так нам нечего будет и сохранять, — вон сколько «восстановил» — килограммов пять! — добродушно ворчали девушки.

— Робинзоны! Скрытыми путями марш назад, — Мотовилов идёт!

И мы, пригибаясь за кусты, быстро возвращались на рабочие места, и снова кипела работа!

Мотовилов, конечно, догадывался о наших набегах в малину, но делал вид, что не замечает этого, ибо работали мы производительно, а какие-то 10 или 20 килограммов малины, объеденной за день ребятами, не были уж таким большим убытком для совхоза. Он лишь следил за тем, чтобы мы не ломали кустов, которые он так бережно выращивал.

О ягодах, которыми нас щедро угощал Алтай, можно говорить много. Вот хотя бы такое: напротив нашего корпуса

зеленел горный склон — наш зимний стадион, где летом, среди зелёной травы густо краснела лесная клубника. В детстве в своих лесах я собирал землянику, ежевику, — в отдельные годы этих ягод было довольно густо. Но столько ягод клубники, сколько их было здесь, в предгорьях, мне не приходилось видеть ни до, ни после этого.

Часто мы собирали клубнику перед ужином: садились на одном месте и, не сходя с него, собирали пригоршни сладких ароматных ягод.

Местные жители умели готовить разные деликатесы: варенье, джем, повидло, которые не уступали ничуть фабричной продукции. Мы, конечно, употребляли ягоды только лишь в свежем виде.

В лесу много было смородины, ежевики, лесной малины, — горы были настоящим десертным столом.

Теперь летом у нас было два дома: спали, завтракали и ужинали мы в лагере, а целый день работали на территории совхоза, где и обедали. Уставали мы подходяще, — ведь работали с полной отдачей сил. Да иначе и не могло быть! Мы прекрасно понимали, что наш, пусть очень скромный, труд тоже содействует быстрейшему разгрому врага, а поэтому старались раньше установленных сроков закончить строительство хранилища.

Вечером, когда на землю ложились длинные тени, мы торопились в лагерь, чтобы вымыться перед ужином. Возле амбаров делали короткую остановку, чтобы поупражняться с гирей. Поочерёдно подходили к этому «спортивному снаряду», дёргали гирю за ручку, но не всем удавалось поднять её к плечу или выбросить выше головы.

После тёплых радоновых ванн нас ожидали свои будничные дела: игра в оркестре, танцы, ребята успевали написать домой письма — это относилось к москвичам.

Сигнал отбоя прерывал все наши занятия и уводил в палаты…

Наступил день, когда три овощехранилища были выкопаны, и плотницкая бригада приступила к завершению строительства.

— Вот теперь, ребята, я вас похвалю — молодцы! Спасибо вам! — ласково говорил Мотовилов.

— Может, что не так? — переспрашивал Юра.

— Да что там — всё так! Молодцы!

— Может быть, много малины съели, что не стоит и этого овощехранилища? — продолжал хитро Юра.

— Да что там малина! Я вас и арбузами ещё буду угощать!

— Нам теперь как-то неудобно брать угощение, будто сами

выпросили!

— Не сейчас угощу, а когда арбузы поспеют! Немного позже!

— Так тогда все наши угощаться будут в столовой.

— Верно, все будут кушать, но вашу бригаду я лично угощу! — торжественно закончил завхоз.

Нужно отдать должное этому бескомпромиссному человеку: он сдержал своё слово и лично вручил каждому по большому арбузу. Отказываться от деликатеса мы не стали — заработанное и обещанное надо брать.

После строительства хранилищ мы пошли на уборку урожая: возили снопы, молотили, скирдовали солому — к зиме ничего не оставалось. Мне снова пришлось работать с лошадьми, вспомнил, конечно, Рыжика и Буланку — умных осетинских коней. Здесь лошади были выносливые, с ними было надёжно работать на сильно пересечённой местности здешних угодий. У ребят всё ладилось, работа спорилась.

Иногда в выходные дни мы отдыхали. После завтрака устраивали всевозможные игры, соревнования. Возле бильярдного столика на веранде всегда можно было встретить Сашу Илицу, Алёшу Култыгаева, Степана Лозана, Васю Макеева, — с ними частенько играл и я. Потом шли на речку купаться. Общими усилиями в самом широком месте речки Белокурихи мы устроили бассейн для купания, очистив его от камней и всевозможного мусора. Деревья, склонившиеся над рекой, служили мостиками для прыжков в воду. Здесь всегда было шумно. Редко с нами были вожатые, но ни одного несчастного случая на воде не было, разве что какой-нибудь пацан падал животом в воду, а потом мы массировали ему ушибленное место, как настоящие айболиты.

Ребята поддерживали нужный порядок сами. Никто из старших не обижал малышей, — это у нас считалось тягчайшим преступлением, ведь дружба была у нас по-настоящему крепкая, артековцы жили единой семьёй. Мы настолько свыклись, что начинали скучать друг по другу, если из-за работы не виделись несколько дней.

После обеда устраивали футбольные встречи. Почти в центре села находился выгон, где сельские мальчуганы пасли коз и стаи гусей, а мы периодически использовали его под футбол. Команды были укомплектованы ещё с субботы, быстро ставили примитивные ворота, и игра начиналась. В одной команде капитаном был Натан Остроленко или Беня Некрашус, во второй — Володя Бабуров, Валя Ивашов или Володя Иананников. Охотников поиграть в футбол было предостаточно: это и Муля, Вася Заблоцкий, Алёша Култыгае, Миша Еремия, Юра Кулешов,

Яша Олесюк, братья Петровы, Володя Николаев, Ваня Заводчиков, Игорь Сталевский и много других ребят. Не обходилось, конечно, и без острых споров, но до драки никогда наши страсти не разгорались.

А после ужина в ленинском уголке устраивали танцы. Я брал старенький, видавший всякие виды, баян и играл по заказам танцующих вальс «Берёзку» или «Дунайские волны», Танго из кинофильма «Весёлые ребята» и «Тайну», или смоловскую «Студенточку».

Любили артековцы и подвижные ритмичные фокстроты — «Андрюшу», «Любушку», «Дядю Ваню», «Чёрную стрелку» и другие.

Я любил наблюдать из своего спокойного уголка танцующие пары: сверкающие глаза, пожатие рук — рождение взаимных симпатий, юношескую дружбу взрослеющих похорошевших артековцев.

Святые, незабываемые вечера…

РОЖДЕНИЕ АЛТАЙСКОГО АРТЕКА

Всё прекрасное на земле от солнца, и всё хорошее — от человека.

М. Пришвин.

Летом 1943 года к нам в Белокуриху начали прибывать на отдых пионеры из Алтайского края, областей Западной Сибири. Шла война, ещё не был освобождён солнечный Крым, но коренной перелом в войне наступил. Центральный Комитет ВЛКСМ по согласованию с правительством решил возродить организацию отдыха лучших пионеров страны во Всесоюзном пионерском лагере Артек, который размещался тогда здесь, в Алтайском крае, короче — возродить функционирование Артека для всей детворы Сибири, а в перспективе — и всей страны.

Наша смена была в нём самой длинной и продолжительной, война задержала нас надолго в этом прекрасном лагере, незабываемом коллективе. Поэтому пионеры и комсомольцы военного Артека стали основой, фундаментом для функционирования алтайского Артека.

Вначале стали прибывать дети из районов Алтайского края, потом из Новосибирска, Кемерова и других городов Западной Сибири. Использовались помещения курорта: рядом с нашим корпусом пустовал такой же, — сюда и стали прибывать ребята новой артековской смены.

Нашей администрации прибавилось теперь работы. Новых вожатых сюда не присылали, и Гурий Григорьевич на совете лагеря поднял вопрос о назначении лучших артековцев-комсомольцев на должность вожатых для новой смены.

Через несколько дней он вызвал меня для разговора:

— Ты чем сейчас занимаешься?

— Хожу со всеми на работу.

— Что делаете?

— Заканчиваем копать овощехранилище — второе по счёту, предстоит ещё одно.

— Придётся тебе сменить работу.

— На трактор?

— Да нет, — улыбнулся Ястребов, — совсем на другую: пионервожатым новой смены. Видел, детишки прибывают?

— Видел, но…

— Никаких «но», — перебил он меня. — Нам не присылают вожатых, а возле детишек нужно же кому-то быть. А вы прошли

хорошую школу.

— Не умею я с детьми, не получится у меня.

— Не святые горшки обжигают! Получится!

— Да нет, Гурий Григорьевич, боюсь я вас подвести, на стройке из меня больше пользы будет, честное слово! Ведь и там нужны люди!

— А здесь, выходит, не нужны?

— Сюда проще найти подходящего комсомольца, у нас их много хороших!

Мы ещё долго доводили один другому свою линию, вместе искали лучший вариант и подходящую кандидатуру. Наконец, сошлись на таком: я периодически буду помогать вожатым музыкой по их заявкам, а останусь работать на стройке — ведь сроки были сжатые.

Вожатыми были назначены комсомольцы Володя Аас, Тамара Кранчевская, Светлана Косова, Лена Гончарова, Иза Рохленко. Наши «старые» вожатые остались инструкторами-наставниками. Володя Дорохин остался старшим вожатым.

Военные артековцы жили по принципу трудовой коммуны А. С. Макаренко, новоприбывшие же жили по упрощённой схеме крымского Артека, — с тем же режимом дня, с теми же традициями.

Вскоре новенькие уже распевали наши артековские песни, скандировали в строю дорохинские речёвки, салютовали по-артековски при встрече.

Мы стали готовиться к традиционному открытию лагеря для новой смены: отремонтировали мачту для флага, готовили концерт, а в долине между двух горных склонов, в Медвежьем логу — готовили костровую площадку. Туда при помощи трактора притащили три большие пихты, подняли их тросом и поставили пирамидой, внизу наложили сушняка.

— Такой иллюминации Артек ещё не видел! — возбуждённо потирал руки Дорохин, посматривая на верхушки сведённых воедино трёх большущих пихт.

В день открытия лагеря на площадке построились пионерские отряды «старого» и «нового» Артека, и на мачте заполыхал наш артековский флаг, — мы увидели, как растёт наша единая семья.

В заключение торжественной части Дорохин объявил:

— Вечером на костровой площадке, в Медвежьем логу состоится торжественный артековский костёр!

Ужинать мы пошли немного раньше и перед закатом солнца все собрались в указанном месте: на зелёных склонах, что амфитеатром окружали долину, разместились артековцы — весёлые, возбуждённые, нетерпеливые. Послышалась команда и

несколько костровых с зажжёнными факелами бросились к куче хвороста, и вмиг вся она вспыхнула. Огонь быстро воспламенил пихтовые ветки, распространяясь всё выше и выше, брызгал искрами во все стороны, и вскоре вся пирамида полыхала, словно гигантская свеча. С треском взлетали ввысь золотые искры, казалось, они летят в синее небо к самым звёздам.

Начался концерт, подготовленный общими усилиями. Мы уже хорошо знали свой репертуар, а выступления новеньких слышали впервые, на них, поэтому было сосредоточено всё внимание.

— Композитор Дунаевский, «Моя Москва» в исполнении Нади! — объявил ведущий, неразборчиво назвав фамилию исполнительницы.

На площадку вышла смуглая стройная девушка, сильным открытым голосом начала петь. Эту песню, позже ставшую популярной, мы слушали тогда впервые. Всех волновали суровые, наполненные глубоким патриотизмом слова песни о любви советского народа к родной Москве, о суровой осени и скрежете танков под Москвой, о твёрдом убеждении советских людей в том, что Москва вечно будет сиять рубиновыми звёздами на башнях Кремля, олицетворяя непобедимость Советской Отчизны.

Когда Надя закончила петь, воцарилось минутное молчание, а потом ударил гром аплодисментов.

— Бис! Бис! Надя, бис!

Девушки-москвички сидели с повлажневшими глазами, песня усилила боль разлуки с родной столицей, с далёким домом и дорогими родителями. А Дорохин, ни к кому не обращаясь, бормотал:

— Вот что может сделать песня с сердцем человека!

Надя ещё раз исполнила песню и её снова наградили горячими аплодисментами.

Уж горы утонули в сумерках летнего вечера, расплылись их контуры, пихтовые обгоревшие стволы рассыпались, упали на землю, а возле затухающего костра продолжался концерт. Возвращались в лагерь тоже с песнями, всем понравилась новая песня о Москве, быстро запомнилась её нехитрая мелодия и сердечные слова:

Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

С этим концертом через несколько дней мы ходили к своим подшефным друзьям — детям, которые на протяжении долгих лет были прикованы к постели. С самого начала пребывания в Белокурихе мы познакомились с этими ребятами. Они жили возле

ванного корпуса в отдельном здании. Лежали они на передвижных кроватях. Медицинские работники могли выкатывать их на открытый воздух на просторные балконы. Поражённые участки костей были в гипсе, поэтому большинство из них лежали почти неподвижно. Мы познакомились со многими из них, но больше других вызывал у нас симпатии Миша, который играл на баяне. Ноги у него были в гипсе, а руки и грудь были сильными, мускулистыми, как у спортсмена. Девять лет он был прикован к постели. Натура у него была лирическая, он был хорошим мечтателем и интересным собеседником. Возможно, этот лиризм его души и привёл Мишу в музыку, в чудодейственный мир звуков, пленяющий его своим величием и красой. Лежал он навзничь в кровати, баян ставил на живот и исполнял достаточно сложные вещи.

Некоторые ребята ходили на костылях, для них мир был гораздо шире — они могли выходить во двор, ходить по палатам. Среди таких был москвич Женя Григорьев. Он три года пролежал в гипсе с больной ногой, потом при нас стал ходить на костылях, был общительным оптимистом, позже он победил болезнь — вылечился и уехал домой в Москву. Мы радовались вместе с ним его выздоровлению и от души желали всем победы над коварной болезнью.

В то посещение я проиграл Мише новую песню, продиктовал слова, и вскоре он исполнил её со своими ребятами, исполняя её с большим чувством. Навестить больных пришли с нами и новенькие артековцы. Для них тоже стало правилом — регулярно посещать больных друзей, носить им свежие цветы и песни.

С этого дня рядом с крымским — эвакуированным Артеком, стал функционировать алтайский Артек. Мы передали эстафету младшим пионерам продолжать традиции Артека — вечно юного, вечно молодого. Было приятно сознавать, что твои советы, добрые слова и наставления находят благодатную почву, раскрывшиеся сердца маленьких сибиряков впитывают наши линейки и сборы, песни и танцы, дружбу и любовь.

ПОЖАР В ГОРАХ

Велико ли, мало ли зло, его не надо делать.

Эзоп.

Погода в июле и в августе стояла очень сухая и жаркая. Почти повсеместно уже собрали урожай. На бахче дозревали арбузы, краснела плантация помидоров.

На элеваторы Бийска двигались автомобили с отборным зерном алтайской пшеницы. В этом году обмолот хлебов проходил намного организованнее по сравнению с прошлым — 1942 годом.

Артековцы заработали на строительстве, уборке урожая и лесоразработках значительные суммы денег и передали их в фонд обороны Родины. Вот подтверждающие строки нашей трудовой доблести из отчёта Гурия Григорьевича:

«…Мы перевели в фонд обороны один раз все накопленные и заработанные артековцами деньги, включая и зарплату всех сотрудников, общей суммой 116 тысяч рублей. Получили благодарность Верховного главнокомандующего, текст телеграммы был опубликован на первой полосе „Алтайской правды“. Эта сумма сложилась из того, что заработали артековцы в подсобном хозяйстве, в лесу, на сплаве, на строительстве, в сельском хозяйстве, в самообслуживании. Наш бухгалтер Б. М. Ярошевич всё тщательно подсчитал, всё было положено на банковский счёт в районном банке, с течением времени пополнялось и было отправлено в фонд обороны».

(Из книги Н. Храбровой «Мой Артек»).

Война напомнила о себе новыми партиями раненных, прибывающих в Белокуриху для продолжения лечения.

Для советских людей война стала проверкой на крепость, как на фронте, так и в тылу. Сплочённость советских тружеников, их высокая организованность помогли Родине выстоять и победить.

Но, говорят, в семье не без урода. Здесь, в глубоком тылу, изредка появлялись слабовольные людишки, испугавшиеся взрывов снарядов и мин, дезертировавшие из армии и спасавшие

свою шкуру в горных чащах. Это были трусы-одиночки, предавшие в трудное время Родину и искавшие убежища от справедливого наказания в уединённых и отдалённых местах.

Несколько дней мы наблюдали сизый туман, появившийся в горах, вскоре он протянулся голубым шлейфом по долине, и мы услышали запах гари. Сомнений не было: горел лес.

Кто его поджёг? Летняя жара? Дезертиры? Случайно или умышленно? На все эти вопросы можно было получить ответ лишь на месте события. Из числа активистов села, администрации курорта, комсомольцев Артека было создано несколько отрядов, оснащённых кое-каким пожарным инвентарём и транспортом. Был разработан план действий.

В один из последних дней августа, когда горы начали приобретать многокрасочный вид, мы двинулись в путь. Нашу группу возглавил Володя Дорохин, он повёл нас в обход Церковки по охотничьей тропе, а основные силы двигались вдоль горной дороги. Двигались мы в направлении, откуда тянуло гарью, туда, где прошедшей осенью мы работали на лесозаготовках. Пробирались осторожно, прислушиваясь к малейшему шороху в зарослях. В руках у нас были топоры, пилы, лопаты, но когда мы их пустим в действие — мы не знали, знали одно: нужно воспрепятствовать пожару, спасти лес — богатство народа.

— А если встретим какого-нибудь дезертира? — тихо спрашивает Юра, посматривая на вожатого.

— Как же, он тебя ожидает на пне где-нибудь в лесу! — бросает кто-то из ребят реплику.

Другой ему в тон продолжает:

— Поздороваешься вежливо с ним и спросишь: «Вы, извините, — не дезертир?». Он утвердительно качнёт головой. Тогда ты более решительно потребуешь: «Руки вверх!»

— Или шарахнешь в него очередью из лопаты или чем-нибудь другим.

— Слабовато он сегодня обедал!

— Тише! — оборвал нас Дорохин.

Примерно через час мы пришли в район пожарища: обугленные стволы ещё дымились, огонь испепелил кусты, траву и даже мох, чернели одни каменные глыбы, накалённые и дышащие огнём.

— Интересно! — осмотрев пожарище, произнёс вслух Дорохин. — Ветер дует в нашу сторону, а пожар трещит где-то впереди, удирает от нас, а здесь горело раньше.

— Выходит, ветер изменил направление, — догадывались мы.

— Возможно! Ну, пошли дальше!

Не прошли мы и десяти метров, как вдруг кто-то сильно

завопил. Бросились на крик: между двух больших камней, словно в яме, торчала голова Васи Макеева.

— Быстрее вытаскивайте! — взмолился он. — Я в жар окунулся!

Без особых трудностей мы вытащили Васю из ловушки. Он успел обжечь ноги, поэтому сразу бросился к речке.

— Всё, один отвоевался. Ступай назад в лагерь! — и Дорохин отправил Макеева.

Идти пожарищем опасно, на каждом шагу ноги проваливались в горячий пепел, камни накалились, дышать было тяжело. Пришлось каждому вырубить длинную палку и прощупывать дорогу.

— Робинзоны с альпенштоками! — резюмировал Юра.

Вышли к границе пожарища, огонь свирепствовал правее, в долине. Мы прошли под скалами, а потом перевалили через небольшой кряж и увидели основную группу, она достигла пожара раньше нас.

— Где вы ходите? — набросились они на нас.

Мы рассказали о виденном пожарище.

— Приступайте к делу и побыстрее, валите деревья, — будем делать просеку, иначе мы не остановим огонь!

Вскоре вдоль дороги образовалась достаточно широкая просека, через которую даже при сильном ветре огонь переметнуться не мог.

Работали мы долго без отдыха. Все кашляли, чихали, дым разъедал глаза, но мы были довольны сделанным: путь к пожару к шестой даче был перекрыт, а правее внизу препятствием на пути огня была речка — там тоже огонь не перескочит.

Солнце уже клонилось к закату, когда мы получили команду возвратиться в лагерь. Обходя пожарище, спустились к речке помыться. Долго с удовольствием плескались в реке, холодная вода освежила лицо, перестало резать в глазах.

Перешли речку вброд и пошли левым берегом. Ребята шли молча, сказывалась усталость. Торопились, чтобы сумерки не застали в лесу. Впереди показались знакомые контуры Церковки. Вдруг, передний остановился и подал сигнал сзади идущим: кто-то разговаривал в кустах. Подошли потихоньку остальные, прислушались. Недалеко в кустах был слышен разговор, — о чём говорили — разобрать было трудно. Дорохин показал на топоры, мол, держите наготове, позвал к себе несколько ребят. Мы пошли за ним, осторожно передвигаясь в кустах. Вожатый остановился и поднёс палец к губам, показал вперёд: за кустами виднелась небольшая лужайка, а на ней сидело три человека. Один внешне смахивал на цыгана — чёрная борода, смуглое лицо. Большим

ножом он разрезал арбуз, а его сообщники громко чавкали большие ломти, сплёвывая зёрнышки.

— На том и порешим! — проворчал цыган и тоже стал уплетать.

Дорохин подал сигнал — возвращаться к ребятам, они нас ожидали с нетерпением, крепко сжимая ручки топоров. Вожатый шепотом объяснил план действий:

— Окружим без шума лужайку, их трое, а нас — много. Я подам сигнал — звякну пилой и все с криком «Ура!» бежим к дезертирам, валим с ног и связываем руки.

— А оружие у них есть?

— Не рассмотрел, вряд ли есть, а ножи есть. Нужно действовать быстро и стремительно!

— А если окажут сопротивление?

— Конечно, окажут, и пусть оказывают, но нас ведь больше в десять раз. Свяжем руки и баста! Ясно? Пошли!

Нам казалось, что мы передвигаемся в абсолютной тишине, слышны были лишь удары собственного сердца, что выстукивало в висках. Послышался звонкий удар о пилу, она испуганно как-то звякнула и вслед — грохнуло наше «Ура!». Выскочили мы на лужайку и удивлённо остановились: на ней никого не было. Валялась обглоданная кожура, а троих неизвестных и след простыл.

— Вот гады, убежали!

— Нам не нужно было возвращаться к ребятам, а сразу атаковать! — понял свою тактическую ошибку Дорохин. — Хотелось ведь действовать с полной уверенностью на успех! Вот беда…

— Да, верно, а мы прибежали бы сами на шум! — заметили ребята.

— Выходит, — злые люди, если бежали от нас!

— Нож у него большой, а страх — ещё больше!

— Жаль, Рубикон перешли, а битва не состоялась! — полководческим тоном изрёк Юра.

— Значит, пожар — дело их рук!

— Да, есть основания теперь думать именно так!

— Хорошая у нас атака получилась, дружная! Недаром нас Смолов тренировал!

— Жаль, что его не было с нами, могло бы закончиться по-иному.

К лагерю подошли уже в сумерках. А утром, ещё до завтрака мы были снова возле Церковки, в тех местах, где могли прятаться неизвестные. Поднялись на Церковку, обшарили все углы, но

нигде никого не обнаружили, приунывшие возвратились в лагерь. После обеда снова ходили рубить просеку, теперь рубили впереди, чтобы пресечь путь огню. Снова работали до седьмого пота, проделывая просеку от дороги вниз, к речке. Солнце бросало последние лучи на верхушки деревьев, когда мы спилили последние стволы, и они с треском повалились навстречу огненной лавине. Упорство и воля людей победили!

— Где-то около полусотни гектаров сгорело! — подытожил Карпенко.

— Если не больше! — добавил кто-то из взрослых.

Но мы были рады и этому, ведь могло сгореть несравненно больше, не приди артековцы на помощь природе.

МЕЧТЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Способ быть счастливым в жизни есть: быть полезным свету и в особенности Отечеству.

Н. Карамзин.

Летом 1943 года прогремела одна из грандиознейших битв второй мировой войны — Курская битва, завершившая коренной перелом в войне. По радио мы с радостью слушали о начале наступления советских войск, а пятого августа услышали, как Москва впервые салютовала доблестным войскам Красной Армии за освобождение города Орла.

Теперь мы радовались каждому приказу Верховного Главнокомандующего, которые с особым воодушевлением и мастерством читал по радио диктор Левитан. Каждый день приносил приятные новости со всех фронтов. Ребята стали получать письма от родных.

Я уже давно не получал известий об отце. И вот, наконец, получил от него письмо. Он писал из госпиталя, под Курском он был легко ранен. По его подробным описаниям очевидца событий я пытался зримо представить напряжение боёв, могучий дух советских солдат, понял, как тяжело было отцу в этих боях. Он служил санитарным инструктором и ежедневно выносил на себе с поля боя до десятка раненых бойцов, пока и сам не остался на нейтральной полосе. Бедный отец! Когда человеку перевалит за сорок, хотя это ещё не старость, но нелегко ползти, бегать, переносить на себе раненных под градом пуль и воем мин, под артобстрелом и бомбёжкой. Я ответил отцу тёплым письмом, вскоре получил снова ответ, переписка стала регулярной до его выздоровления.

Получал письма и от брата. Он писал, что находится в Москве, учится в сержантской школе, а скоро снова пойдёт на фронт. Только от мамы не было никаких сообщений. Она осталась дома с младшим братишкой. Постоянно беспокоила мысль: живы ли они там? Эта постоянная мысль угнетала своей неизвестностью, безысходностью, злила беспомощность в оказании какой-либо помощи дорогим людям…

В конце августа пришёл ответ из московского вуза, куда я посылал документы. Меня не допустили к экзаменам всего лишь по той причине, что окончил я девять классов не в 1942, а в 1943 году. До сих пор для меня остаётся загадкой: почему мне было

отказано?

Документы возвратились, и я привык к мысли, что снова буду продолжать учиться в десятом классе, а после окончания вновь попытаюсь поступать в МАИ.

Артековцы снова готовились к школе: получали новые костюмы, обувь. Перед началом школы мы прекратили ходить на работу и приводили себя в порядок. В напряжённом ритме работали теперь баня и парикмахерская.

Продолжалась война, материальные ресурсы страны шли на обеспечение потребностей фронта, а мы получили новые тетради, учебники, одежду. Пусть всего этого было недостаточно, но всё же мы чувствовали постоянную заботу об артековцах.

Снова первого октября потекли ручейки артековцев в школу. Все ребята летом отдохнули, набрались сил, и теперь с радостным настроением приступали к учёбе — наисложнейшему виду трудовой деятельности. Спустя несколько дней меня позвали к начальнику лагеря. Помню, разговор происходил после завтрака, у входных дверей корпуса:

— Ну, что, полтавчанин, — домой скоро поедешь?

— Да, наверное, скоро, слышал недавно по радио об освобождении Полтавы и ряда районных центров, в том числе и Лохвицы.

— Вот видишь, для тебя наша армия как старается, — улыбнулся Гурий Григорьевич. И в упор спросил: — А хочешь домой?

— Ну, что за вопрос, Гурий Григорьевич, — кто же не мечтает о доме!

— У тебя есть возможность поехать домой раньше, чем кому-либо.

— Каким образом?

— Есть решение крайкома комсомола о направлении в освобождённые районы Украины комсомольцев, живущих в данное время здесь, в Алтайском крае. Если имеешь желание работать на комсомольской работе в своей области, то мы дадим рекомендацию, и после её утверждения высшими инстанциями получишь соответствующие документы и погоняй домой!

— Согласен, хоть сейчас! — обрадовался я.

— Ну и хорошо! А я, было, думал, что снова откажешься, как тогда, когда не захотел вожатым.

— Тогда было другое дело…

— Вот и хорошо, договорились! — похлопал он меня по плечу. — Будем рекомендовать тебя для работы на Полтавщине. Жди!

— Большое спасибо!

У меня словно крылья выросли! Поделился с ребятами своей радостью, а они от души завидовали мне, будто я уже еду домой.

Отцу я сразу же написал письмо и тоже поделился приятной перспективой.

…Представлял, как пройду улицами родной Лохвицы, как встретят родные — мама и братишка. Рисовал в воображении картины разрушенного хозяйства области, предстоящую комсомольскую деятельность. Трудностей, конечно, не боялся, возможно потому, что не представлял их во всём объёме. Чувствовал в себе силы, знал, что Артек многому научил в комсомольских делах, сознавал, что это был лишь минимум практических навыков для предстоящей комсомольской работы. Стал с нетерпением ожидать, когда мне скажут: езжай!

Но время проходило, а меня никто не беспокоил. При встрече с Ястребовым я выжидающе смотрел ему в глаза, а он, понимая моё состояние, молча разводил руками.

А багряная осень властно шагала по взгорьям. Снова горы радовали взор своей чарующей красой, нежными оттенками: на их громадной панораме осень-художница умело накладывала яркие, нежные краски — берёзы стояли в жёлтом наряде, клёны сбрасывали красные листья, вербы оставались зелёными, а хвойные породы, словно ещё сильнее потемнели.

Помню, залюбовавшись разноцветьем убранства гор, мы поспорили — смог ли бы Левитан воссоздать эту красу на полотне?

На удивительную гамму цветов можно было смотреть часами, но не всегда было свободное время. После трёх уроков мы бежали на картофельное поле и заготавливали для зимы картофель, сортировали и прятали в новое хранилище.

После полевых работ мы пошли на заготовку дров. Рубили в горах толстые сосны и ели, обрубали ветки, сучья, и лошади тащили брёвна к дороге, а часть распиленного леса шла сплавом по реке.

Вечерами готовили концерт к двадцать шестой годовщине Октябрьской революции: хор разучивал новые песни, оркестр тоже готовил новый репертуар, в красном уголке тренировались танцоры, а Женя Чебан учила любимые ею стихи Маяковского, которые только ей удавалось продекламировать в нужном стиле.

Я не знал, буду ли в лагере на празднике, так как ожидал повестку из военкомата. Ещё летом артековцев, кому исполнилось семнадцать, вызвали в военкомат, и мы стали призывниками.

Помню, как в райцентре — Смоленском — нас повели в парикмахерскую, и всех — «под Котовского». Почему-то было

жаль каштановых прядей, падавших на колени. На следующий день в лагере каждый, даже малыши, старались щёлкнуть по стриженой голове. Утром я ещё был в постели, когда девушки вошли без стеснения в палату, сорвали с головы одеяло и разбудили меня:

— А ну, солдатик, покажи свою стриженую макушку!

Такие же любезности оказывали Мише Фаторному, Бене Некрашиус и Натану Остроленко. Володю Аас тоже вызывали в военкомат, но ему сказали, что призовут немного позже, и он будет служить в эстонском корпусе. Теперь же мы ожидали со дня на день вызова насовсем.

О Мише Фаторном скажу несколько слов: после поражения молнией он чувствовал себя плохо. Здесь, в Белокурихе, он регулярно принимал радоновые ванны, стал понемногу делать утреннюю гимнастику и здоровье постепенно улучшилось: спокойным стал сон, появился аппетит, меньше беспокоили конвульсии мышц шеи. Миша стал заметно исправляться, и его вместе с нами признали годным к строевой службе.

Нужно отметить, что в военные годы медики не особенно были придирчивы к нашим физическим недостаткам.

О поездке на Полтавщину я перестал верить, мои мечты постепенно растаяли, оставив горечь несбывшихся надежд на душе.

В военкомат нас вызвали на десять утра шестого ноября.

— А как же концерт? — спрашивали меня ребята.

— Спросите у дяди военкома! — советовал Натан.

Кто-то нас подвёз в Смоленское. Призывников прибыло много, Ещё раз прошли всевозможные комиссии и стали ожидать дальнейших указаний. В шесть часов вечера прослушали последние известия и сообщение Совинформбюро: Левитан прочитал приказ Верховного главнокомандующего об освобождении столицы Украины — Киева.

— Это для тебя праздничный сюрприз! — радовались вместе со мной друзья.

«Так вот о каком „большом наступлении“ намекал мне в последнем письме брат!» — подумал я в тот момент.

Вскоре нам сообщили, что мы можем отправляться домой, но чтобы быть наготове: в ближайшие дни нас призовут для службы в ряды Красной Армии.

Домой возвращались пешком, торопились из последних сил, чтобы попасть на концерт. «Жаль будет, если из-за нашего отсутствия сорвётся концерт!» — думал каждый из нас.

Но вот и село, быстро прошли длинную улицу и мимо столовой завернули прямо к клубу. Со сцены объявили

следующий номер — концерт уже заканчивался, когда нас заметили в дверях.

— Ура! — закричал кто-то из малышей.

— Привет солдатам!

Мы в какой-то нерешительности стояли у двери, а возле нас шумела орава милых артековцев, мы были тронуты их вниманием и сердечностью, молча их благодарили.

— Быстренько раздевайтесь и на сцену, собирай своих музыкантов! — как ни в чём не бывало распоряжался Дорохин. — Инструменты здесь! Он заметил наш смущённый вид:

— Наверное, это — твоя последняя возможность выступить с оркестром Артека? Так что ли?

— Пожалуй, верно! — согласился я.

После концерта начались танцы. Боря Макалец улыбался:

— Хорошо, что вернулись, а то пришлось бы мне самому отдуваться! Играй, Алёша, сегодня ты, а я своё ещё отыграю, — меня, наверное, не скоро возьмут, — разочарованно закончил он, показывая на постоянно заткнутые ватой уши.

Я не стал противоречить. Для меня было счастьем приносить пусть даже небольшую радость моим прекрасным друзьям — братьям и сёстрам по Артеку. Только сейчас, когда пронеслось дуновение разлуки, почувствовал, как тяжело оставлять лагерь, вот эти родные улыбающиеся лица. Они стали моим вторым «я», наша радость была общей, вместе переносили и невзгоды, и временные неудачи, и радость — и эти военные неспокойные месяцы и годы.

Я тоже старался улыбаться кружившимся парам, воспроизводя на клавишах баяна свои чистые, сердечные чувства к этой многоголосой, разноязычной артековской семье. Хотелось, чтобы нескончаемым был этот праздничный вечер, чтобы чувства артековской дружбы были прочными долгие годы.

Мне казалось, что в глазах друзей я читал точно такие же мысли…

ОЙ, КУДА ТЫ, ПАРЕНЁК?

Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай!

Байрон.

Призывники в школу не пошли. После праздников мы пошли на лесозаготовки в горы, ожидая со дня на день повестки.

Ранняя зима стояла снежная, мягкая. Приятно было работать на свежем воздухе среди девственной природы Алтая. Одеты мы были тепло.

Нужно отдать должное администрации лагеря и курорта: всем старшим артековцам, работавшим летом в совхозе, были пошиты костюмы по индивидуальным заказам, нам купили приличные туфли, куртки с «молнией», рубахи.

— Прибарахлились, как на одесском привозе! — осматривал себя Юра.

— Не вульгаризируй! — обрывали остряка. — Не каждая родная мать сможет так «прибарахлить» своё чадо!

— Но мы ведь — чада золотые! — не унимался Юра.

— Вот у золотых деток и комплименты должны быть лучшими!

— Ну, заладили, — молчу!

Количество ребят в лагере уменьшилось: поехали в военную школу Алёша Култыгаев, Вася Макеев, в артиллерийскую спецшколу — Саша Илица и Вася Заболоцкий. Валя Трошина уехала в Омск учиться на радистку, чтобы потом работать в речном пароходстве. Кстати, Валя, обладающая постоянной натурой, приобрела в Омске профессию — раз и на всю жизнь, проработав в Кишинёвском аэропорту до самой пенсии.

Мои младшие друзья — Ваня Заводчиков, Игорь Сталевский, Володя Николаев, Яша Олесюк, Тадеуш Граляк и несколько девушек пошли в Бийское ремесленное училище.

В лагере установилась традиция — всех провожать торжественно. В такие дни строились на торжественную линейку, как всегда председатели советов отрядов сдавали рапорты, а потом старший вожатый докладывал начальнику лагеря:

— Товарищ начальник Всесоюзного пионерского лагеря Артек! Личный состав лагеря на торжественную линейку построен!

— Вольно! — отвечал Гурий Григорьевич, поднимая в салюте руку. — Вот что, друзья, — громыхал его бас, — сегодня мы

провожаем наших славных артековцев, — и он называл имена.

А потом от имени всего лагеря он желал отъезжавшим счастья, здоровья, успехов и преподносил какой-нибудь подарок: книгу, блокнот или автоматическую ручку и обязательно ложку из нержавеющей стали с выгравированной надписью на рукоятке «АРТЕК».

Потом целая процессия выходила за пределы лагеря, шла по улицам села и на околице прощалась. С такой теплотой расстаются только родные братья и сёстры — дети дружной единой семьи, что сложилась в родном Артеке в суровое военное время. Мы знали, что расстаемся надолго, может быть и навсегда, каждому судьбой были уготованы свои дороги, которые, мы были уверены, пройдёт каждый, не сгибаясь и не прячась за чужую спину.

Вожатые тоже ходили провожать своих питомцев. Отъезжающие девушки умоляли Нину Храброву, чтобы она их «хотя бы немножечко провела». Гурий Григорьевич провожал за черту лагеря, желая всем «ни пуха, ни пера» и возвращался задумчивый обратно. Этот человек отдал много сил и энергии для становления крепкого детского коллектива. Никогда мы не видели, чтобы начальник лагеря вышел из состояния равновесия, — он умел руководить своими чувствами, от него постоянно распространялись спокойствие, уверенность, сила и разум. Для нас всех Ястребов был непревзойдённым авторитетом. Наверное, и ему было тяжело видеть, как улетают из родного гнезда один за другим артековские птенцы. Ведь он привык к ним всем и к каждой маленькой личности в отдельности.

Первым в армию мы провожали Володю Каткова. Он был чересчур тихим и скромным юношей, ни с кем близко не дружил, ко всем относился одинаково ровно.

…Он молча укладывал вещи в вещмешок, делал всё медленно: проверил, не спеша, всё ли взял, ещё раз пересмотрел вещи в сумке и начал потихоньку одеваться.

Юра наблюдал за ним и не удержался:

— Тебе, Володя, только по тревоге собираться — уж больно ловок!

— Не беспокойся! Соберусь и по тревоге, если нужно будет! Ну, ребята проводите меня немного!..

Мы провели его до сельсовета, с нами шло несколько девушек из эстонской группы — с ними Катков прибыл в Артек.

— Смотри, а не признавался, что дружил с девушками! — пошутил Юра.

Володя слегка покраснел и оглянулся: ему было приятно, что с ним идёт столько артековцев. Простились тепло, он долго

помахивал рукой с отдаляющейся от села подводы.

В первой декаде декабря пришла очередь и за нами.

— Не могли обождать уж до нового года! — полушутя ворчал Юра.

Повестки вручили сразу четверым: Бениусу, Натану, Мише и мне. Призывалась большая группа сельской молодёжи, в их числе и мои одноклассники: Вася Нееш-Папа, Толя Леньшин, Лёня Мотовилов. Провожать нас вышли почти все артековцы. Несмотря на раннее утро и прожигающий до костей мороз, все пришли пожать нам руки и сказать на прощание добрые слова напутствия. Возле сельского совета нас ожидала вереница саней. Нас построили, сделали перекличку, лишь потом разрешили подойти близким и знакомым.

— Что же, братцы-новобранцы, — в добрый час! — первым подошёл Дорохин. — Ожидайте вскорости и меня, может, и встретимся!

Мы не сразу поняли слова вожатого.

— Что же здесь непонятного? — улыбнулся он. — На моё пятое заявление военкому получен положительный ответ. Вопрос только в том, когда меня возьмут.

Подошёл Муля:

— Письма будешь писать?

— Обязательно, Муля, напишу. А отвечать будете?

— Ну, что за вопрос? Конечно! А о чём писать? — и он подмигнул в сторону девушек. — Напишем, обязательно напишем! А вы служите отлично, заканчивайте побыстрее войну, чтобы нам и рук не марать!

— Будем стараться!

Перебрасывались малозначащими фразами, а голову сверлила мысль: «Неужели вот так просто сейчас расстанемся и я их больше не увижу?»

— Счастливого пути, счастливой службы, ребята! Возвращайтесь домой с победой!

Простились с девушками и побежали догонять свои сани. Почему-то не хотелось верить, что простился с артековцами навсегда. Долго смотрел на их притихший отряд, помахивал им рукой, дорога свернула влево, и всё исчезло, — только знакомые силуэты гор ещё долго виднелись позади да звуки долетавшей издали песни:

«Ой, куда ты, паренёк, ой куда ты!..»

— Удастся ли ещё нам встретиться вновь когда-нибудь? — нарушил молчание Натан.

— Вряд ли, — неуверенно ответил Миша, — ведь война ещё не закончилась.

Действительно, время было такое, что своё место мы видели в общем военном строю защитников Родины, а этот удел — не из лёгких.

…Декабрьский день короткий. К Бийску мы подъехали в сумерках. На ночлег остановились на перевалочной базе курорта Белокурихи. Здесь мы останавливались, когда приехали в Алтайский край. А теперь здесь жили наши посланцы в ремесленное училище. На ужин собрались все единой семьёй. Нас окружили друзья, каждому хотелось придвинуться поближе к будущим солдатам, на свидание с которыми отпущена только одна ночь.

— Ужинаем в нашей комнате! — тоном, не допускающим возражений, подал инициативу Володя Николаев — «вейке Волоць», — как звали его эстонцы.

Чтобы разместиться всем, сели прямо на пол, подстелив газеты. Из своих вещевых мешков мы достали артековские продукты, а Ваня заводчиков угощал нас своим пайком.

— Не жирно вас кормят! — оценивающим тоном заметил Беня.

— Государственный паёк, надеемся, когда-нибудь будет лучше! — скороговоркой ответил вечно неунывающий Игорь Сталевский.

Нас наперебой расспрашивали о лагерных новостях, а мы интересовались их учёбой.

— Завтра пойдёте, посмотрите наши цеха! — пригласили ремесленники. Утром мы успели посетить их учебные мастерские со станками, моторами. А потом ребята провожали нас на сборный пункт. Ваня Заводчиков подарил на память меховые рукавицы и самодельный нож с наборной рукояткой.

Призывников разделили по вагонам. Мы с Натаном остались вдвоём, не успев проститься с Мишей и Беней. Расстались, как потом оказалось, навсегда. До поздней ночи грузились в теплушки на запасной ветке. Вскоре эшелон тронулся на север, направляясь на транссибирскую магистраль. Куда направится эшелон дальше — повернёт вправо или налево?..

ФРОНТ

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идёт за них на бой.

Гёте.

Наш эшелон повернул на восток. Несколько дней по обе стороны полотна тянулась тайга. Остались позади Красноярск, Канск, Черемхово, поезд остановился на небольшой станции с чужеземным названием — Мальта — возле города Усолье, недалеко от Иркутска.

Здесь для нас начался новый этап жизни — служба в Советской Армии. Учились мы в полковой школе младших командиров в Забайкальском военном округе. С Натаном мы были рядом: он был курсантом первой миномётной роты, а я — второй, одного батальона. Это было очень удобно. Мы виделись ежедневно, а в часы досуга вспоминали артековских друзей, по которым очень скучали. Почти ежедневно я раскрывал свой альбом с фотографиями, и на душе становилось легче после немого разговора с друзьями. Спустя несколько недель, случилось несчастье: какие-то жулики, если подходит это слово, забрали из моего вещмешка все фотографии и артековские документы. Отыскать их не удалось, по-видимому, их уничтожили, чтобы не выдать себя. Никто не может представить, как я переживал потерю! Стыдно признаться, но я тогда плакал, как маленький ребёнок, просил неизвестных вернуть мне хотя бы альбом, но всё было напрасно…

Теперь я чаще ходил к Натану, у него тоже были подобные фотографии, и мы вместе отводили душу.

Через несколько недель мы стали получать письма из Артека. Ребята писали о лагерных новостях, о некоторых изменениях, произошедших после нашего отъезда, короче говоря, держали нас в курсе всех артековских событий.

Напряжённая учёба в полковой школе оставляла мало места для раздумий и скуки. Мы осваивали грозное оружие — миномёт, много ходили на лыжах, часто поднимались по тревоге и до рассвета делали марш-броски на 25–30 километров. Служба в военное время была несколько специфической: главное внимание уделялось подготовке будущего воина к действиям в боевой

обстановке, но я чувствовал, как много полезного я получил в Артеке, благодаря вожатым, старшим друзьям.

Не стану рассказывать о всех перипетиях моей службы в Забайкалье, скажу только, что экзамены и контрольную стрельбу из миномёта я сдал успешно, — сказалось влияние моих хороших командиров роты и взвода — товарищей Барсукова и Цицковского. Они были не только хорошими офицерами, но и отличными педагогами.

Наступил июнь месяц. Ветры из пустынь Монголии часто приносили песчаные бури, но нас они уже не беспокоили: нас отправляли на запад, догадывались — на фронт, хотя нам говорили, что едем в Московское военное училище. Натан и теперь был рядом, Миша служил где-то далеко, это мы поняли по адресу, но увидеться с ним — так и не пришлось.

В полковой школе я подружился с хорошими ребятами-алтайцами: Карлом Вылцаном, Семёном Суходолиным, Борисом Втюриным, Петром Крюковым, Николаем Сомовым, Мишей Летягиным и многими другими ровесниками.

Эшелон на запад двигался безостановочно, везде ему давали «зелёную улицу», мы успевали только прочесть название станции да запастись кипятком на дорогу. Позади остались Свердловск, Киров, Буй, Ярославль, и впервые мы остановились на полдня только в городе Рыбинске. Дальше начиналась недавняя прифронтовая полоса: везде виднелись пожарища, иссеченные деревья, сплошные руины. Поезд двигался теперь медленно и осторожно. Город Старая Русса угадывался только по многочисленным дымкам, льющимся из землянок, а города как такового — не существовало. Ещё несколько маленьких станций — и наш эшелон остановился: прочитали название станции — Чихачёво. Выгрузились. Здесь находились тылы 1-й Ударной армии 3-го Прибалтийского фронта, куда и вливалось наше пополнение.

В тот же день пришлось разгрузить эшелон с боеприпасами. Мы были знакомы с артиллерийским делом и хорошо понимали, что здесь нужна максимальная осторожность, чтобы не стукнуть или не выпустить снаряд, поэтому работали с большим напряжением.

На следующий день пешком добрались до штаба армии. Лишь только нас построили для распределения по дивизиям, как появилась вражеская авиация:

— Воздух! Окопаться! — послышалась тревожная команда.

Рядом было картофельное поле, и мы быстро между рядками выкопали небольшие окопчики, спрятались в них и замаскировались. Сквозь наклонившуюся зелень просвечивало

голубое небо, порхали бабочки. Не верилось, что эту мирную тишину может что-нибудь нарушить. Но вот послышался свист падающей бомбы, потом следующей, — земля содрогнулась. Бомбы взорвались недалеко от здания штаба, на выгоне, не причинив никому вреда.

Снова построились, нам объявили, кто в какую часть направляется. Здесь нас с Натаном разделили, мы с ним тепло попрощались. Пришли наши новые командиры, и мы разошлись в разные стороны.

Начались боевые будни. После прорыва обороны противника и форсирования реки Великой южнее Пскова, наша дивизия была на марше. Мы не успевали шагать за танками, которые оторвались от главных сил и утюжили удирающие немецкие части, громили вражескую технику.

Вскоре мы вступили на землю воспетой Райнисом Латвии.

В Артеке мы часто слушали захватывающие рассказы о милой Латгалии Гунарса Мурашко, Владека Сусеклиса, Аустры Крамини. Не думал тогда, что буду ходить по их земле, не знал, что придётся освобождать родные места моих друзей от немецких захватчиков.

Несколько позже, в начале августа, наша часть вела боевые действия на территории южной Эстонии. Бои носили жестокий характер. В одном из хуторов, освобождённом осенним ранним утром нашим подразделением, мы встретили юную голубоглазую девушку. Она стояла во дворе и боязливо смотрела на проходящих мимо бойцов.

— Тероммикул! — поприветствовал я её по-эстонски.

Эти слова приветствия — «с добрым утром» — я хорошо запомнил от эстонцев-артековцев. Девушка быстро посмотрела в мою сторону, в её взгляде отобразилось сердечное удивление и радость, она заговорила быстро-быстро. Но, останавливаться не было времени, и я помахал лишь рукой.

— Что ты ей сказал? — интересовались боевые друзья.

— Ничего особенного, просто поприветствовал её с добрым утром.

Подобных случаев было несколько, я сожалел, что не смог в Артеке, когда для этого была возможность, хорошо изучить разговорный эстонский язык, — как бы он мне теперь пригодился!

Одна из фронтовых встреч запомнилась больше других.

…Мы выбили немцев из траншеи и отбросили от моста через небольшую речку, стремительной атакой преследовали их до конца долины, дальше начиналось поле с догорающими немецкими танками, кое-где горели копны соломы на

расковырянной снарядами стерне. От опушки вниз к ручью бежал раненный солдат, правая рука была забинтована, сквозь марлю выступало красное пятно. Всмотревшись в него, я узнал Иванова — своего соученика по полковой школе. Окликнул, — всё это делалось в движении, — он оглянулся:

— Как тебя ранило?

— Разрывной, гады… По быстрому перевязала какая-то чернявая сестра, а теперь — в медсанбат.

— Ну, счастливо тебе!

И он побежал дальше. На опушке леса, в глубоком овраге, что отделял кода-то пашню от леса, а потом был углублён дождевой водой, тянулась немецкая траншея. Валялись бутылки, фляги, клочки бумаги, стреляные гильзы. Здесь в укрытии санитарка перевязывала раненых. «Та ли это — чернявая, перевязавшая Иванова?» — подумал я, посмотрев в её сторону. Её профиль показался мне знакомым: «Где я её видел, ну, где же?» — старался я вспомнить и в то же время старался не отстать от товарищей. Чёрные её локоны выбились из-под пилотки, а руки уверенно накладывали шину на повреждённую ногу раненого. Останавливаться не было времени, я шёл и оглядывался на медсестру. Вдруг меня ударило, словно током, и в памяти всплыла картина: на залитой солнцем площадке смуглая девушка исполняет танец, быстрый, темпераментный. Где это было? Да ведь это в Крыму! И я вспомнил, наконец, имя испанки — Аврора Модесто. Да, это была она, — теперь не было никаких сомнений.

Я ещё оглянулся назад и крикнул:

— Аврора! Модесто!

Но мои слова утонули в грохоте боя…

Позже я пытался узнать у медиков, знают ли они санитарную медсестру Аврору Модесто, но все отрицательно кивали головой.

В боях на подступах к латвийской столице — городу Риге — я был ранен. Лечился в госпитале, размещённом в местечке Страме. Спустя несколько дней, меня пришёл навестить Миша Летягин — мой однополчанин. Попутной машиной он добрался с передовой сравнительно легко. На груди у него сверкала новенькая медаль «За отвагу». Я поздравил друга по оружию.

— И тебе же должны быть! Нас ведь тогда обоих представили к этой награде! Помнишь тот бой?

Да, я и сейчас помню в деталях тот трудный день, когда враги отрезали все пути к нашей огневой. Мы истратили весь боекомплект мин, а пехота просила «огонька». Что было делать? Командир роты Иванов послал нас двоих через болото в наш тыл к полковому складу. Оттуда на обмотках, переброшенных через

шею, мы выносили по шесть мин каждый и под свистом пуль пробирались к огневой, — три километра туда — три обратно, мокрые, испачканные — «болотные черти» — назвал нас тогда командир огневого взвода Макаренко.

К вечеру мы притащили больше полусотни мин, и наша огневая выстояла, крепко помогла пехоте.

Из-за ранения я не получил тогда этой награды. Она меня нашла через десять лет.

МОИ ДРУЗЬЯ

Старайся исполнить свой долг, и
ты тотчас узнаешь, чего ты стоишь.

Л. Толстой.

Уже после окончания войны у меня состоялась ещё одна — «артековская» встреча.

…В конце июля 1945 года в лесах Западной Литвы формировался эшелон демобилизованных воинов, которые возвращались к мирному труду, к родным семьям. Я был включён в состав сопровождающей команды. Путь был длинным: мы ехали через Белоруссию на Москву и дальше на юг — в Ростов-на-Дону. Было больно смотреть на разрушенные советские города и сёла, а ещё тяжелее — на встречу нашего эшелона: на каждой станции его встречала масса женщин, а из вагонов выходило несколько человек демобилизованных. Их обступали плачущие женщины, расспрашивая: «Не видел ли моего?», — а мы ехали дальше.

В общем, эта поездка была интересной, ведь пришлось проехать через всю Россию с севера на юг. Погода стояла отличная, настроение было тоже отличное — ведь война закончилась, а это для нас было главным. В вагоне распевали песни, вспоминали эпизоды из фронтовой жизни, приближаясь к конечному пункту нашего далёкого рейса.

В Ростове мы отправили последнюю партию демобилизованных, оформили необходимые документы. Я вспомнил, что в этом городе учится в авиационном техникуме Ободынский Слава — наш бывший артековец, уехавший с отцом из Сталинграда на Северный Кавказ. Они, конечно, просчитались. Слава позже писал в Артек, что их городок был временно оккупирован немцами, и он насмотрелся на все ужасы немецкого режима.

До поезда времени было достаточно, и я решил навестить друга. Без труда нашёл Красноармейскую улицу. В вестибюле техникума спросил дежурную:

— Мне Славу Ободынского можно видеть?

— А вы кем ему приходитесь?

— Родным другом.

Тётя рассмеялась:

— разве бывают и неродные друзья?

Она крикнула кому-то наверх:

— Немедленно сюда Славку с десятой!

И вот я вижу, как по ступенькам лестницы бежит Слава. Он почти не изменился за прошедшие три с половиной года. На меня он не обратил сначала ни малейшего внимания, а спросил дежурную?

— Что случилось, тётя Шура, зачем звали?

— Здесь один военный хотел тебя видеть, — и она кивком показала в мою сторону.

Слава быстро обернулся и тут же воскликнул:

— Алёша, дружище! Каким чудом? — с растопыренными руками бросился ко мне.

Мы вышли на улицу и наперебой расспрашивали друг друга о минувших — послеартековских годах.

— Ты вот уже успел офицером стать! Когда ты успел?

— После госпиталя окончил фронтовые офицерские курсы.

— Расскажи что-нибудь про фронт, мне ведь не пришлось его видеть, кроме оккупации.

Я рассказал несколько эпизодов о боевых буднях миномётчиков, пехотинцев, о тяжёлых боях в Прибалтике.

— А я потерял и брата Бориса, и отца, — наклонив голову, произнёс Слава.

— Такая же участь постигла и моего брата и отца, — не смог утаить правды и я.

— Проклятая война! Что только она натворила, сколько горя принесла людям! — с горечью в голосе произнёс Слава.

Мы с другом ещё долго разговаривали о прошлом и настоящем.

— А что теперь с Артеком? — поинтересовался Слава.

— Без сомнения можно утверждать одно, что он уже функционирует в положенном ему месте — в Крыму. А наш алтайский Артек, наверное, уже давно разъехался.

…Так оно и было и на самом деле. Ещё в 1944 году из Белокурихи уехала значительная часть ребят, а москвичи уехали домой ещё раньше на год. Лишь незначительная часть эстонских ребят уехала в начале 1945 года, — военный Артек прекратил своё существование. Почти все артековцы, вернувшись домой, работали на пионерской или комсомольской, а потом — партийной работе, — сказывалось благотворное влияние артековской закалки.

Часть ребят из молдавской группы ещё в конце 1943 года уехала из Белокурихи учиться в Битцевский сельскохозяйственный техникум под Москвой, некоторые — на бухгалтерские курсы в Новосибирске.

До последних дней функционирования алтайского Артека в

нём держалась крепкая дисциплина и пионерские традиции, которым подчинялись в одинаковой мере и пионеры, и комсомольцы, и администрация лагеря. Никто из находившихся в тот период в Артеке не сможет забыть многонациональной семьи нашей Родины.

В то суровое время артековцы всегда чувствовали родительскую заботу Коммунистической партии и Советского правительства, заботу ЦК ВЛКСМ.

Первое время, когда судьба разбросала нас во все концы, мы переписывались регулярно, — мы не могли жить без взаимного общения, не могли забыть Артек — в нём мы стали полноправными членами единой крепкой семьи.

Когда в Белокурихе перестал звучать серебряный звук артековского горна, на котором виртуозно подавал сигналы Боря Макалец, артековцы нашли человека, через которого они поддерживали связь. Им был наш начальник лагеря — Ястребов Гурий Григорьевич. После Артека он продолжал работать в редакции газеты «Известия». Когда кто-нибудь из наших ребят бывал в Москве, заходил к нему, становился гостем его чудесной семьи, там можно было узнать адреса некоторых артековцев.

Не выполнили мы только одного, но очень важного обещания — встретиться в Москве в июле 1947 года. Я тогда работал в пароходстве на Дунае. Подошёл этот срок, — его я, конечно, не забыл, — а у меня — срочная работа, начальство не отпускает не только в отпуск, но даже на несколько дней. А в голове — тревожная мысль: как же соберутся без меня артековцы: Сколько я потеряю!

Но, как стало известно позже, встреча не состоялась.

Прошли годы… Много лет прошло с тех пор. Бывшие артековцы, естественно, стали солидными людьми, папами, мамами, а большинство — бабушками и дедушками. Но душой мы остались молодыми. И, как в песне: «Только звон барабана услышим», — рука сама тянется к салюту, а губы шепчут: «Всегда готов!».

Мы не только бережём в памяти события тех далёких дней, имена друзей, вожатых, но и широко используем артековские традиции в воспитательной работе с молодёжью. Например, мои ученики почти все знают о военном Артеке то, что им можно унаследовать: любовь к Родине, честность, чувство коллективизма, дружбу, трудолюбие и много других ценных моральных черт. Мои ученики поют артековские песни, а два воспитанника в разное время побывали в Артеке, поведав потом мне о больших переменах, особенно в его облике, о чём

впоследствии убедился и сам.

Память не смогла удержать всех имён нашей дружной артековской семьи. И всё же я попытаюсь назвать членов этого прекрасного коллектива — артековцев 1941–1944 годов, и пусть меня извинят те из друзей, кого я не смог вспомнить и по этой причине не назвал.

Администрация пионерского лагеря Артек:

— Ястребов Гурий Григорьевич — начальник лагеря, впоследствии — зав. отделом редакции газеты «Известия»;

— Ястребова (Приказщикова) Анфиса Васильевна — главный врач;

— Дорохин Володя — старший пионервожатый, ушёл в армию в 1944 г., погиб на фронте.

— Сидорова Тося — вожатая, впоследствии партийный работник, секретарь Ананьевского райисполкома Одесской области;

— Храброва Нина — вожатая, сейчас — корреспондент «Огонька» по Прибалтике;

— Пампу Толя — вожатый, в 1942 г. ушёл на фронт, отличился в боях, нынче директор русского народного оркестра «Боян», проживает в Москве;

— Смолов Володя — вожатый, военрук, физрук, сейчас — заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой вычислительной техники ленинградского ордена Ленина электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина);

— Бурыкина Тася — вожатая алтайского Артека, учительница, в настоящее время проживает на БАМе в г. Тында;

— Игольникова Роза — медсестра;

— Карпенко Абрам Борисович — завхоз;

— Карпенко Володя — радист;

— Карпенко Фаина (тётя Феня) — повар;

— Панарина Люба — медсестра алтайского Артека, сейчас — старшая сестра курорта Белокуриха Алтайского края;

— Смолова Тамара — вожатая;

— Тхоржевская Ирина — учитель музыки, аккомпаниатор;

— Ярошевич Б. М. — бухгалтер.

Пионеры:

1. Аас Володя — из г. Пярну, Эстония; ушёл в армию а 1944 г., после войны — кадровый военный, военком г. Тарту, г. Южно-Сахалинска;

2. Аверченко (Власова) Гая;

3. Ага (Слюсаренко) Вера — из Молдавии, проживает в г. Тирасполе, служащая государственного учреждения;

4. Ажиганич Лариса;

5. Айа (Тульп) Эллен — из Эстонии, живёт в Таллине, начальник юридического отдела Госкомсельхозтехники ЭССР;

6. Алексеева Нина — из группы Наркомздрава, г. Москва;

7. Антонова Катя — из Москвы;

8. Апанасенко Вера — из Ровно;

9. Бабенскайте Ядя;

10. Бабуров Володя — из Москвы, впоследствии — директор одного из московских заводов;

11. Бабурова Рая — из Москвы;

12. Батыгина Шура — из Москвы;

13. Бергер Яша — из Белоруссии;

14. Бивко (Мейме) Нина — из Латвии, после войны — комсомольский, партийный работник, проживает в г. Даугавпилс;

15. Блажиевская Ядвига — из Львова;

16. Богомазов Коля — из Москвы;

17. Брейтман Оля — из Москвы;

18. Васильчиков Володя — погиб в ВО;

19. Велверис Элмарс — из Латвии, участник Великой Отечественной войны, армейский разведчик, погиб смертью храбрых;

20. Веремеюк (Пелясович) Валя — из Белоруссии, ныне — педагог;

21. Вечерник Влада — из Львова;

22. Вилкайте Гене — из Литвы;

23. Гаймс Фрицис;

24. Гербен Вельта — из Латвии;

25. Гончарик (Луценко) Стася — из г. Броды на Украине, бухгалтер;

26. Гончарова Лена — из Киева;

27. Граляк Тадеуш — из Львова;

28. Григорьев Женя — из Москвы, журналист, заместитель редактора газеты «Правда»;

29. Грубе Вилмас — из Латвии;

30. Гружите Гене — из Литвы;

31. Гулевич (Васильева) Таня — из Москвы, ныне — заслуженная артистка Советского Союза;

32. Гусева Мария — из Москвы;

33. Гуськова Надя — из Москвы;

34. Диброва Алёша — с Украины;

35. Дружевская Муза;

36. Дыган Софа — из Тирасполя, служащая;

37. Егоренко (Морозова) Лёля — из Смоленска, ныне — заслуженный врач РСФСР;

38. Еремия Миша — из Молдавии, из алтайского Артека убыл на учёбу в Битцевский техникум, сейчас — журналист, главный редактор газеты «Молдова Сочиалистэ», г. Кишинёв;

39. Заблоцкий Вася — из Измаила (ушёл в артиллерийскую школу);

40. Заводчиков Ваня — из Петрозаводска, ныне — научный работник;

41. Иванов Ваня — из Москвы;

42. Иванова Нина — из Москвы;

43. Иванова Эля — из Москвы;

44. Ивашов Валя;

45. Илица Саша — из Молдавии, из Артека ушёл в военное училище, работает начальником цеха в типографии в г. Тирасполь;

46. Ильвес Харальд — из Эстонии;

47. Калвет Аста — из Эстонии;

48. Кальюранд Уно — из Эстонии;

49. Капитонов Сеня — из Литвы;

50. Каплунова Катя — из Ленинграда;

51. Каплунская Катя — из Черновицкой области;

52. Карахтанова Эля — из Москвы;

53. Кару Сальме — из Нарвы, служащая;

54. Катков Володя — из г. Печеры (Эстонская ССР), призван в армию из Артека, (погиб на фронте в ВО войну);

55. Кеныня Рената — из Латвии;

56. Кескюла Виктор — из Эстонии, доцент, кандидат технических наук Таллиннского политехнического института;

57. Косова Светлана — из Москвы;

58. Костин Жора — из Черновиц, стал кадровым военным, старший офицер-ракетчик, проживает в г. Севастополь;

59. Костюченко (Бардакова) Шура — с Черниговщины;

60. Коцман Петя — из Молдавии, нынче — механизатор-строитель;

61. Крайзер Соня — из г. Бельцы Молдавской ССР, работник советской торговли;

62. Краминя (Луцевич) Аустра — из Латвии, после Артека — комсомольский, партийный работник, работает в ЦК КП Латвии;

63. Кранчевская Тамара — из Нарвы, служащая;

64. Крывченок Эстя — из Белоруссии;

65. Кузнецова Надя;

66. Кузьмина Лариса — из Москвы;

67. Кулешов Юра — из Москвы;

68. Кулешова Наташа — из Москвы;

69. Култыгаев Алёша — из Гурьева, после Артека учился в лётной спецшколе;

70. Лапинскас Гриша — из Литвы;

71. Левандаускас — из Литвы;

72. Лёвин Муля — из Москвы;

73. Лецкальныш Дзидра — из Латвии;

74. Лившиц Карл — из Москвы;

75. Лиив Хаис — из Эстонии;

76. Лийдеманн Харри — из Эстонии, после Артека — моряк дальнего плавания, начальник порта Таллина, капитан дальнего плавания, кавалер ордена Ленина;

77. Лисицына Шура — из Смоленска;

78. Лихонин Гена — из Харькова;

79. Лозан Степан — из Молдавии, уехал из Артека в Битцевский техникум, сейчас — председатель Госкомитета Совета Министров МССР по телевидению и радиовещанию;

80. Лозан Степан — из Молдавии;

81. Луценко Станислав — из г. Львова;

82. Макалец Боря — из г. Комрат Молдавской ССР;

83. Макеев Вася — из Мурманска, из Артека ушёл в лётную спецшколу;

84. Мананников Володя — из Москвы;

85. Мачулис Вацлав — из Литвы, ныне — учитель военной подготовки средней школы в г. Вевис Литовской ССР;

86. Мельников Юра — из Витебска, ныне — директор средней школы в г. Мозырь Белорусской ССР;

87. Мирошниченко Валя — из Винницы;

88. Митюнас — из Литвы;

89. Мицкевич Ира — из Белоруссии, работала вожатой в алтайском Артеке, учительница русского языка и литературы;

90. Морозова Шура — из Москвы;

91. Мостовой Виля — из группы Наркомздрава, стал впоследствии известным лётчиком, имеет правительственные награды;

92. Музыкант Велта — из Латвии;

93. Мурашко Гунарс — из Латвии, был призван в армию, погиб при освобождении родной республики в ВОВ;

94. Некрашиус Беня — из Литвы;

95. Николаев Володя — из Нарвы, работник спортивного комитета;

96. Ободынский Слава — из Тирасполя, специалист авиастроитель;

97. Овсянко Эвальда — из Белостока;

98. Олесюк Яша — из Бреста, после Артека — комсомольский работник, моряк дальнего плавания, проживает в г. Ангарске;

99. Остроленко Натан — из Бреста, участник Великой Отечественной войны, проживает в г. Мозыре Белорусской ССР;

100. Павлович Вера — из Латвии;

101. Пазорг Арвид — из Эстонии, художник-оформитель;

102. Пайлис Гриша — из Литвы;

103. Пальм Виктор — из Эстонии, ныне — член-корреспондент АН ЭССР. Профессор химических наук;

104. Перепелица (Шаптефраць) Дора — из Молдавии, ныне — бухгалтер;

105. Петерсон Эльза — из Латвии;

106. Петров Дима — из Москвы;

107. Петров Томм — из Москвы;

108. Поли Кальо — из Эстонии, заслуженный художник Эстонской ССР;

109. Попеску Лида — из Молдавии;

110. Рагозина Майя — из Москвы, санитарный врач в Ленинграде;

111. Раду Ксения — из Молдавии, после Артека — комсомольский работник;

112. Рамми Иоланда — г. Тарту (из Эстонии);

113. Растекайте Марите — из Литвы, заслуженная артистка Литовской ССР;

114. Ревнызон Изабелла — из Молдавии;

115. Рейдла Лембит — из Эстонии;

116. Рохленко Изабелла — из Москвы, после алтайского Артека работала вожатой в крымском Артеке, проживает в г. Сочи;

117. Руденя (Селезнёва) Лариса — из Белоруссии, проживает в г. Минске, работник общественного питания;

118. Саан (Гильде) Айно — из Эстонии;

119. Салу (Орлова) Ада — из Эстонии;

120. Сафронова Лиля;

121. Селюн Володя — из Белоруссии, педагог, работал директором школы;

122. Силларанд (Аэсма) Этель — из Эстонии, журналист, автор книги об Артеке;

123. Ситковская Этля — из Белоруссии;

124. Слюсаренко Натан;

125. Соловьёва Ника;

126. Сталевский Игорь — из г. Рудня Смоленской области, ныне — шофёр одного из совхозов Дона, передовик производства, отмечен правительственными наградами;

127. Сусеклис Владик — из Латвии, ныне — известный поэт-сатирик — Валдис Стаунис, живёт в Риге;

128. Тазлова (Крайнева) Валя — из Москвы, провизор;

129. Тамм Адольф (Муля) — из Эстонии, после Артека — ответственный работник Министерства Внутренних Дел;

130. Тарасова Лида;

131. Теесалу Лайме — из Эстонии, работник телевидения, кавалер ордена Трудового Красного Знамени;

132. Тихомирова Галя — из Москвы;

133. Ткаченко (Продан) Тамара — из Молдавии, педагог, отмечена правительственными наградами;

134. Товма (Дрогайлова) Галя — из Молдавии, советский работник;

135. Трошина (Алябьева) — из Молдавии, радистка аэропорта г. Кишинёва;

136. Урсу Коля — из Кишинёва, кандидат сельскохозяйственных наук;

137. Фаторный Миша — из Измаила, участник Великой Отечественной войны, строитель;

138. Хеллат Карл — из Эстонии, партийный работник;

139. Хомутова (Кузнецова) Надя;

140. Цуркану Миша — из Молдавии;

141. Чебан Женя — из Тирасполя, медсестра, проживает в Одессе;

142. Черноморец Рива — из Белоруссии;

143. Шерер Роза — из Белоруссии;

144. Школьников Виля — из группы Наркомздрава, г. Москва.

145. Щербаков Лёва — из Москвы;

146. Щербачёва Галя — из Москвы;

147. Эглитис Эвальд — из Латвии, участник Великой Отечественной войны, партийный работник;

148. Эрславайте Геня — из Литвы, работает в АН Литовской ССР;

149. Ястребов Гарри (Орлёнок) — из Москвы, санитарный врач.

Конечно, этои имена далеко не всех ребят, которые были в военном Артеке, часть фамилий стёрлась из памяти, лица многих помню, а фамилии забылись, или — наоборот. Был, например, в белорусской группе Борис, его фотографию храню до сих пор, а фамилию, стыдно признаться, — забыл. Так что пусть извинят мне мои дорогие артековцы, имена которых я не смог назвать в этом списке, ведь только в алтайском Артеке нас было около двухсот ребят!

Но я уверен, что все бывшие артековцы стали полноценными строителями общества развитого социализма, что они отлично работают во всех отраслях народного хозяйства, показывая достойные примеры трудовой деятельности.

После Артека мы были в разных трудовых, армейских коллективах, повлиявших в известной степени на формирование наших личностей. Но более всего на каждого из нас повлиял Артек: своими традициями, чёткой дисциплиной, принципиальностью администрации, требовательностью вожатых, каждый из которых был яркой личностью, достойной подражания, и разноликим, дружным многоязычным пионерским коллективом, тоже по-своему принципиальным, требовательным, не прощающим пошлости и лицемерия, лентяйства и грубости, зазнайства и высокомерия. Это было детское учреждение, где закалялись наши характеры, вырабатывались лучшие моральные качества.

Артековский закал крепко помог каждому из нас на житейских перекрёстках в самостоятельной жизни. Этим особенно нам и дорог!

ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ?

Глубоко верю, что лучше
человека ничего нет на земле…

М. Горький.

В начале 50-х годов при помощи одного измаильца случайно удалось узнать адрес Миши Фаторного, и мы стали поддерживать связь. Миша сообщил, что из Забайкалья он попал на фронт, воевал против империалистической Японии. После войны служил авиатехником в лётной части, видимо, сказалась любовь к технике, проявившаяся ещё в Артеке, когда он работал на тракторе. После демобилизации из армии Миша избрал местом жительства город Волгоград, где когда-то вступил в комсомол и выполнил первые его поручения.

Его не пугали развалины города-Героя и большой объём работ для жителей. Он окунулся с радостью в трудовые будни по восстановлению жилищного фонда и строительству новых объектов города.

Миша ходил и не узнавал тех мест, где зимой 1941-42 года он бывал с различными заданиями, — настолько они были изуродованы войной. Руины Сталинграда были лучшим агитаторам за мир на земле против новой войны — здесь воочию обнажался разрушительный молох войны.

Мишу очень тянуло к зданию универмага на площади Павших Борцов. Здесь он почти ежедневно с ребятами и Толей Пампу получал продукты для Артека, в его подвалах паковал посылки для бойцов действующей армии. А теперь здание стояло искореженное, с зияющим окнами, ожидало своей очереди отстраиваться.

Ходил Миша и на Кронштадскую улицу № 21, где стояла школа, приютившая в ту холодную зиму артековцев с детдомовцами. Теперь здесь всё выглядело по-иному: расчищались руины школы, водонапорной башни, начиналось новое строительство.

Миша пошёл электросварщиком на строительство Волго-Донского канала. В армии он освоил сварочное дело, и теперь оно крепко пригодилось. Ежедневно с группой рабочих он выезжал на строительство канала и работал до изнеможения. А работать он мог, в Артеке мы удивлялись его напористости и умению отдаваться до конца любимому делу.

Канал начинался у Дона, недалеко от станции Нижне-

Чирская, хорошо известной артековцам ещё с лета 1941 года. Миша вспоминал артековский ОСВОД на Дону, наши красивые дачи в зелени садов, первое трудовое артековское лето.

Миша женился, обзавёлся семьёй, но сетовал, что маленькая квартира, без удобств не позволяет пока принять гостей.

Я понимал друга и старался его успокоить, я тогда учился, и разрешить себе дальнюю поездку не мог при всём желании.

В конце 50-х годов я стал встречать, и довольно часто, в «Огоньке» корреспонденции за подписью «Н. Храброва». Полной уверенности не было, но интуиция подсказывала, что это — наша Нина, артековская вожатая Нина Сергеевна. Хотелось у неё узнать о судьбе артековцев. Написал письмо в редакцию «Огонька». Ответа долго не было и, вдруг, в январе 1960 года получаю письмо от артековки из эстонской группы Этель Силларанд (теперь Аесма) из города Пайде, потом пришло письмо от Иоланды Рами из Тарту. Они рассказали о ребятах эстонской группы и дали мне адреса многих из них.

Написали мне письма Муля, Виктор Пальм, Тамара Кранчевская (Васильева). Благодаря им, я напал на след Вани Заводчикова и тоже получил от него несколько писем. Читая их, мне казалось, что нахожусь снова в окружении артековских друзей в Сталинграде, Серебряных Прудах, в Белокурихе, снова оживали в памяти наши звонкие песни и до нашей юности, казалось, можно было дотянуться рукой.

Девушки сообщали, что эстонская группа бывших артековцев периодически собирается на встречи, устраивая их в Таллине, Тарту.

Об одной из них рассказывается в статье Е. Зайдельсона «Артековцы», напечатанной в газете «Молодёжь Эстонии», № 98, 1968 г. В ней говорится, что Харри Лийдеманн теперь капитан дальнего плавания, Кальо Поли стал известным художником (он, кстати, иллюстрировал книгу Нины Храбровой «Мой Артек»), а Виктор Пальм — доктором химических наук, Виктор Кескюла — преподаёт в Таллиннском политехническом институте, кандидат наук, журналистками стали Этель Силларанд (Аесма) и Лане Теесалу (Соэ); Хаис Лиив и Володя Аас — стали военными, Карл Хеллат — партийным работником, Муля Тамм работал в органах Внутренних дел — тоже стал военным, а маленькая тогда Айя (Тульп) Элен — теперь юрист. Приятно было за друзей, чувствовалось, что артековская закалка не пропала даром, что они все стали достойными людьми в нашей многонациональной стране.

…На страницах журнала «Журналист» я «встретился» с

Мишей Еремией — редактором центральной республиканской газеты «Молдова Сочиалистэ». Сразу же написал ему письмо. Миша тотчас отозвался и рассказал об артековцах молдавской группы.

Степан Иванович Лозан работает председателем республиканского комитета по радио и телевидению в Кишинёве, Коля Урсу — специалист сельского хозяйства, кандидат наук, был на Кубе (позднее я встречался с ним на молдавском телевидении, видел его чудесную коллекцию флоры и фауны, собранную на Кубе); Тамара Ткаченко (Продан) — педагог, Саша Илица — начальник цеха типографии в Тирасполе, Галя Товма (Дрогайлова) — на партийной работе в г. Комрат, Дора Перепелица (Шаптефраць) — бухгалтер, Петя Коцман — строитель, Соня Крайзер — торговый работник.

Ваня Заводчиков сообщал, что он работает в одной из научных лабораторий, возглавляет группу научных сотрудников под Ленинградом. Геня Эрславайте работает в Академии наук Литовской ССР. Марите Растекайте стала заслуженной артисткой Литовской ССР, Аустра Краминя (Луцевич) — работает на ответственной партийной работе в аппарате ЦК КП Латвии, Валдис Стаунис (Сусеклис) — известный поэт-сатирик Латвии, Жора Костик — кадровый военный, живёт в Севастополе, Лёля Егоренко (Морозова Елена Павловна) — заслуженный врач РСФСР; педагогами стали белорусы Ира Мицкевич, Юра Мельников (директор школы в г Мозырь), Володя Селюн, Валя Поляхович; Игорь Сталевский — шофёр первого класса, имеет правительственные награды за труд, Валя Трошина (Алябьева) — радистка первого класса Кишинёвского аэропорта, — практически невозможно перечислить все специальности наших артековцев, единственное, что можно сказать: все они стали настоящими советскими патриотами, активными строителями советских пятилеток.

Да это и вполне естественно: в нашей стране торжествует ленинская национальная политика, гражданам СССР предоставлены все возможности для развития личности, их талантов и способностей, существует гарантированное право на образование, труд, отдых и т. д. Дружная семья советских народов под мудрым руководством Коммунистической партии уверенно строит светлое будущее, активно борется за мир на земле.

Я часто рассказываю своим воспитанникам, вот уже более тридцати лет, о своих друзьях незабываемого Артека, чудесного лагеря, который в суровые военные годы гордо пронёс свой вымпел от Крыма до Дона, от Сталинграда до Алтая.

На перекличке дружбы не все артековцы смогут

откликнуться. За честь и свободу нашей Родины отдали свою жизнь на фронтах Великой Отечественной войны: старший пионервожатый Владимир Дорохин, комсомольцы-латыши — Гунарс Мурашко и Элмарс Велверис.

Очень жаль, что мы не располагаем подробными материалами о гибели Дорохина, три года рвавшегося на фронт, Гунарса Мурашко. Хотя сам факт гибели говорит о ратном подвиге во имя сегодняшнего расцвета нашей многонациональной Родины.

А вот об Элмарсе Велверисе совсем недавно я встретил корреспонденцию «В Курляндском котле» Яниса Дзинтарса, напечатанную в сборнике «Нам не забыть вас». Рядом с другими именами в числе павших геройской смертью на земле родной Латвии называется имя фронтового разведчика — нашего артековца — Элмарса Вельвериса.

Вечная память героям! Их имена никогда не сотрутся в сердцах артековцев, в памяти благодарных потомков!

Умер от тяжёлой болезни эстонец Харальд Ильвес.

Недавно смерть вырвала из наших рядов любимого товарища и друга — Мулю — Адольфа Кустовича Тамма. Как гром с неба, пришло траурное известие из Эстонии о том, что Мули не стало. В некрологе в частности говорилось: «Не стало Адольфа Кустовича Тамма. Он, как солдат, до конца оставался на своём посту, будучи уже тяжелобольным. Это был настоящий солдат в синей шинели».

К тому же, это был настоящий артековец, чуткий и сердечный товарищ и верный друг.

В начале 70-х годов мне стали писать пионеры Барнаула. Их краевой штаб «Искорка» занялся целью: восстановить в истории военного Артека алтайский период. Член этого штаба Оля Морозова вместе со своими подругами под руководством Елизаветы Львовны Квитницкой начали интереснейший поиск.

Бывшие артековцы разъехались во все концы Советского Союза, в памяти стёрлись имена, даты, события, но восстановить факты, собрать воспоминания артековцев алтайские пионеры сумели очень оперативно. Для искрят это была очень кропотливая, но интересная работа.

Из Барнаула во все концы страны летели письма и телеграммы во все инстанции и службы, — вёлся упорный поиск военных артековцев. Каждый из нас получил от «Искорки» несколько писем, а главное — адреса своих друзей! Искрята помогли нам обрести потерявшихся артековских братьев и сестёр, а позже и увидеться со многими из них. Посчастливилось познакомиться и с руководителями этого ценного для нас поиска,

но об этом немного далее.

ЭПИЛОГ

Встречи… Это — особые праздники — и с сединою на висках и со слезами на глазах, с пионерскими песнями и танцами… Мы, артековцы военных лет, благодарим судьбу за то, что и нам подарила она высокую эмоциональность этих встреч.

Н. Храброва, «Мой Артек».

В 1975 году нашему дорогому Артеку исполнилось 50 лет!

За полстолетия в этой чудесной стране пионерии отдохнуло около 500 тысяч лучших пионеров страны, побывали делегации почти из всех стран мира. Самое главное: Артек научил ребят дружить, воспитал чувство коллективизма, интернационализма, вооружил практическими навыками пионерской работы.

В этом году руководство Артека совместно с ЦК ВЛКСМ организовало празднование юбилея лагеря. Были приглашены видные люди — бывшие артековцы, партийные, комсомольские работники, многочисленные зарубежные делегации.

Но, к большому нашему сожалению, никто из нашей — самой длинной смены военного Артека — приглашён не был. Всем, конечно, хотелось увидеть, хотя бы бегло, каким стал наш любимый лагерь за эти годы. Понимали мы и то, что желающих попасть на празднование юбилея — было больше, чем полагалось, и что нам побывать в Крыму не удастся.

При помощи той же «Искорки» мы нашли друг друга, списались между собой, но этого было недостаточно. Наша вожатая Тося, проживающая в городе Ананьево Одесской области, предложила свои услуги: собраться артековцам у неё дома, всю организационную часть она брала на себя. Это было в её характере: она всегда жила для людей. Откликнулись многие, но приехать по разным причинам смогли не все.

…И вот светлым августовским днём в гостинице Ананьева, где был наш сборный пункт, произошла наша первая встреча.

Помню, подхожу я утром к зданию гостиницы и вижу в окнах лица наших девушек, внимательно рассматривающих каждого прибывающего. Зашёл в вестибюль и сразу стал называть имена встречающих, что вызвало у некоторых из них удивление:

— И ты меня помнишь? — удивляется Стася Гончарик.

Конечно, спустя тридцать с лишним лет, ошибиться было немудрено. Здесь я встретил Женю Чебанову, Галю Товму (Дрогайлову), Софу Дыган, Шуру Костюченко (Бардакову), Тамару Ткаченко (Продан), Валю Трошину (Алябьеву), Ксению Раду (Шаталову, Катю Каплунскую (Бучковскую) с подругой.

А вот молодого мужчину я узнал не сразу. Он не смущался пристального взгляда, ожидал своей участи.

— Ну, что не помнишь?

Голос кого-то напоминал. Меня выручили девушки:

— А помнишь, был самый маленький?

— Петя Коцман? Конечно, это — ты! — и мы крепко обнялись.

Чуть позже приехал Саша Илица и очень расстроился из-за того, что не смог сразу всех узнать.

На второй день прибыли из Кишинёва Степан Лозан и Миша Еремия, задержавшийся на заседании сессии Верховного Совета Молдавской ССР.

Тосина квартира нас едва ли смогла бы вместить, и мы поехали автобусом за город на лоно природы. В лесу, возле тихого озера, в непринуждённой обстановке, никого не стесняя, мы в первую очередь отвели душу, исполнив свои любимые артековские песни тех лет: «Везут, везут ребят», «У причала качается катер», «Казаки, да казаки», «Краснофлотский линкор», «Казачка», «Песню о Москве», потом пели молдавскую «Марицу», и украинскую «Розпрягайте, хлопці, коней», плясали «Молдовеняску» и «Яблочко», играли в «Ручеек». Конечно, каждый рассказал о себе, ведь интересно было знать, как сложилась судьба друзей, что известно о других артековцах.

Дни нашей встречи пролетели незаметно. Мы уезжали с твёрдой договорённостью встретиться через несколько лет в городе-герое Одессе, оповестив об этом всех отысканных артековцев.

Ананьевская районная газета «Советское село» опубликовала репортаж о нашей встрече «Артековцы на всю жизнь», заканчивающийся очень точным предложением: «Разъехались с твёрдой верой в предстоящие встречи. Ведь они артековцы — люди, дружба которых ковалась с детских лет».

…И вот мы снова, спустя четыре года, собрались на встречу в городе-герое Одессе. Снова, благодаря нашей «маме» — вожатой Тосе и одесситке Жене Чебановой. Наша семейка пополнилась: приехала из Рославля Лёля Егоренко (Морозова), из Минска прибыли Ира Мицкевич, Юра Мельников, Лариса Руденя-Селезнёва, из Эстонии приехала Этель Силларанд (Аесма) — автор недавно вышедшей книги об Артеке — «Самая длинная

путёвка»; из г. Тарту — Иоланда Рамми — бывшая пионерка нашего первого отряда. Из Молдавии прибыли Дора Перепелица (Шаптефраць) и Ага Вера (Слюсаренко). Прибыл тот, которого мы уже «похоронили», но алтайские искрята нашли и его, «воскресив» для нашей встречи.

У входа в помещение школы-интерната № 2, где для нас было арендовано помещение, дежурит молодой юноша, черты лица которого очень напоминают Натана Остроленко.

— Вы будете Диброва? — не совсем уверенно обратился он ко мне.

— Да, я и есть. А ты — сынок Натана?

— Правильно, я его сын Борис. Он в помещении!

Так я встретился со своим, однополчанином-фронтовиком, артековцем Натаном Остроленко, воспитанником одного из детских домов Бреста. В Прибалтике он был тяжело ранен, отправлен глубоко в тыл, где долгое время лечился, как мог, боролся за жизнь. Сейчас приехал на встречу из Мозыря с женой и сыном.

Несколько дней, прожитых в Одессе, пролетели, как один миг. Мы спели и сплясали всё, что знали в Артеке и после него, увидели город и его достопримечательности, искупались в море.

Все от души благодарили Тосю, Женю. Договорились встретиться через год (минуя Олимпийские игры) в городе-герое Минске. Хлебосольные и гостеприимные минчане предлагали свои услуги.

Газета Одесского обкома комсомола «Комсомольская искра» писала о нашей встрече в очерке «Смена длиной в жизнь»: «Жизнь детей сложилась по-разному. И это понятно. Но встреча запросто, будто расстались вчера — не доказательство ли она единства их душ, образа мышления, не святая ли это общность идеалов, на верность которым они клялись под артековским флагом в первый день войны…

…Такие они и теперь — взрослые люди с артековскими искринками в глазах…».

По приезде домой из Одессы под впечатлением встречи с друзьями, я написал стихотворение «Встреча»:

Встреча

Сегодня молоды мы снова,
десятилетья — с плеч долой!
Ласкает слух родное слово —
«Артек» — наш милый, дорогой!

Бурлит волнующая встреча
Артековцев военных лет,
Подстать нам этот южный вечер
И шум морской, и лунный свет.
Из окон плещется наружу
Любимых песен мощный вал.
Пусть видят, как мы крепко дружим, —
В одну семью Артек связал.
Хоть возраст наш совсем не юный,
Но блеск в глазах и зов души,
Как растревоженные струны,
Хоть снова о любви пиши!
Приятно окунулись в детство
Мои подруги и друзья,
Мы молодеем, если вместе,
Нам порознь жить — никак нельзя!
Голубоглазая эстонка
И флегматичный белорус
Поют, как в молодости звонко, —
Могуч и крепок наш союз!
И, как всегда, «Спасибо!» скажем
Любимой Тосе от души.
Живи лет сто! И двести даже,
Стареть, забыть нас — не спеши!
Ещё подымем мы бокалы
В краю сосёнок и берёз!
Встречайте, минские вокзалы! —
Сюда Артек свой флаг принёс!

И вот, спустя два года, артековцев встречали минские вокзалы. Здесь организаторы артековцы-минчане — Ира, Юра, Лариса — нашли для встречи чудесный уголок на окраине города в помещении школы-интерната. После долгих лет разлуки я встретился здесь с артековцами эстонской группы: Айно Саан (Гильде), Карлом Хеллат и нашей артековской вожатой — Ниной Храбровой, — журналисткой, корреспондентом «Огонька», автором многих очерков и работ социального плана.

Из Москвы приехала Валя Тазлова (Крайнева), она не только была артековкой, но и племянницей Анфисы Васильевны, врача лагеря, жены Гурия Григорьевича Ястребова. Валя много поведала нам о последнем периоде работы Гурия Григорьевича в редакции «Известий», о его роли в послевоенные годы, как связующего звена между многими ребятами, посещающими его московскую

квартиру.

Из латышской группы на встречу прибыл Валдис Стаунис _(Сусеклис), — очень эрудированный поэт-сатирик, обладающий острым чувством юмора и неиссякаемым запасом всевозможных историй.

Очень впечатляющей была экскурсия по городу: музей 1-го съезда РСДРП, тракторный завод, новостройки города-героя, чудесный ботанический сад — дали нам представление о белорусской столице, а посещение мемориала в Хатыни — раскрыло историю борьбы и непокорённого характера белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Именно этот период был создателем военного Артека.

Артековцы войну испытали разными путями на своей шкуре — прямо и косвенно. И мы до конца будем благодарны нашему лагерю, его администрации, вожатым и всем ребятам за всё хорошее, что они сделали для нас, за тот закал, который мы вынесли оттуда, закал помогавший нам в жизни.

Всё это я, как сумел, раскрыл в своём стихотворении, которое Галя Товма (Дрогайлова) прочитала на минской встрече артековцев.

Артековцы военных лет

Благодарим судьбу! Военным лихолетьем
Ты нас свела в единую семью!
В Артеке обрели, тогдашние мы дети,
Приют, тепло, родную мать свою.
Война везде нас по стране носила,
Посуровели, повзрослели все.
Большая дружба была нашей силой, —
В ней был залог на счастье, на успех!
Нас в Сталинграде не сломили вьюги,
В «Серебряных» нас фронт не испугал, —
Ведь рядом шли товарищи, подруги —
Весь детский наш интернационал!
Большая тяжесть нам легла на плечи,
Но кто её там чувствовал тогда?
Никто работы не искал полегче,
Мы устали не знали никогда!
Всё детские ручонки могли делать:
Пилить, рубить, стирать и рисовать.
Сыграл сигнал — и всё вокруг запело, —
В сторонке никому не устоять!

Мы и плясать неистово могли!
Такими нас родной Артек взлелеял,
Его закал и в жизнь мы унесли!
У нас были матери, и были папы:
Вожатые, начальник, повар, врач, —
Володя, Тося, Нина, Толя Пампу, —
Кто нас учил, кто нам желал удач!
Мы жили не для славы иль награды,
Спасибо вам! — с волненьем говорим!
Благодарим вас всех, кто нынче рядом,
От всей души — благодарим, благодарим!

После минской встречи Нина Храброва опубликовала в «Огоньке» очерк «Позывные Артека», написанный сочно, кратко, с большой любовью к артековцам. А заканчивался он нашим стремлением встретиться в следующем году. Где именно — решили позже.

1982 год. Город Таллин — столица Эстонии стал местом нашей новой встречи, — четвёртой по счёту. Эстонские артековцы очень много поработали по организации и проведению встречи. Главную работу выполнила Ланда Рами, сердце которой постоянно переполнено любовью и заботой о нас.

В конце первой половины августа 1982 года — поезда, автобусы, самолёты доставили артековцев в удивительный, оригинальной архитектуры город, а местом встречи — стал морской корабль, списанный «по старости» и отданный ребятам. В его каютах мы жили, а кают-компания корабля стала нашим штабом и столовой, клубом и радиосалоном.

На встречу прибыли почти все эстонские артековцы: капитан дальнего плавания, кавалер ордена Ленина — Харри Лийдеманн, искусно работавший пекарем в нашей белокурихинской пекарне; доцент, кандидат технических наук Таллиннского политехнического института — Виктор Кескюле; начальник юридического отдела Госкомсельхозтехники Эстонии — Эллен Айя (Тульп); журналистка Этель Силларанд (Аесма); кавалер ордена Трудового Красного Знамени — Лайне Теесалу (Соэ); вытянувшийся на двухметровую высоту — Лембит Рейдла — «беленький» — звали мы его в лагере; нарвитяне — Володя Николаев — такой же весельчак и заводила, — и Ада Салу (Орлова) — наша артековская солистка; аккуратная и модная, как всегда, — Айно Саан (Гильде). Все сожалели, что не смог приехать из Тарту — доктор наук Виктор Пальм, которого после Артека мы не видели. Отсутствовал также Кальо Полли —

известный художник. Хотелось бы увидеть нашу красивую эстоночку — Сальме Кару.

Впервые приехали из Латвии Нина Бивко (Мейме) и Аустра Краминя (Луцевич), литовцы Гриша Пайлис, Вацлав Мачулис, Гене Вилкайте, Гене Эрсловайте, заслуженная артистка Литовской ССР — Марите Растекайте, которая осталась до конца верной своей профессии, прочитав нам несколько монологов из своего репертуара.

С Южного Придонья приехал Игорь Сталевский, из Белоруссии — Вова Селюн и Валя Веремеюк (Поляхович), из Ленинграда — врач Майя Рагозина.

Участники предыдущих встреч — также все были в сборе.

Ночью прилетел Толя Пампу — наш артековский вожатый, ушедший из Сталинграда в действующую армию.

Это была самая представительная встреча военных артековцев.

Кроме нас, были гости: из крымского Артека — учительница лагеря Нинель Кузминична Мирошниченко — слиток энергии и неувядающей молодости, директор музея истории Артека — Галина Алексеевна Рязанова, заведующий киностудией «Артекфильм» — Владимир Ерофеевич Поздноев, оператор Владимир Николаевич Лямин, — они отсняли несколько кадров нашей встречи для нового фильма об артековцах.

С далекого Алтая прилетели Елизавета Львовна Квитницкая и Оля Морозова — представитель краевого штаба «Искорка», которым мы благодарны за большую поисковую работу, они помогли нам найти друг друга и, по сути, собраться вот здесь, в Таллине.

Мы были на приёме в ЦК ЛКСМ Эстонии, познакомились с чудесным городом, сочетающим архитектурные стили нескольких столетий в едином ансамбле. Посетили Пириту — место олимпийской регаты и другие памятные места города.

Но самой главной частью нашей встречи были беседы и воспоминания о нашей юности и песни, песни… Всё же, какой прекрасный хор был тогда в военном Артеке, коль сегодня мы поём без всяких репетиций, но так слаженно, дружно — «с огоньком», что могли бы составить серьёзную конкуренцию профессиональному хору.

Справедливо подметила С. Ставицкая — корреспондент «Советской Эстонии» в репортаже о нашей таллиннской встрече: «Одна артековская песня сменяет другую. Удивительно звучит этот хор, которым дирижирует дружба, не подвластная ни времени, ни расстояниям!»

Володя Николаев заказывает:

— Давай, Алёша, наше «Яблочко»!

И я «даю», а он с Юрой Мельниковым отбивает матросскую чечётку, да с таким азартом, что и настоящий матрос позавидует. Им охотно помогает Валя Тазлова (Крайнева).

Потом «ребята с поседевшими висками» — кружились в вальсе, — здесь «нарасхват» был Игорь Сталевский. И наша Ниночка — «хозяйка встречи» — раскрасневшаяся и помолодевшая, забыв, что недавно её третировала болезнь, тоже отплясывала вместе со всеми.

Примечательно, что многие артековцы прибыли на встречу со своими членами семьи — жёнами, детьми, и они стали полноправными участниками и общими друзьями.

Была у нас и пионерская линейка — с красными галстуками и отданием рапорта. Пришлось мне побыть в роли председателя совета сводного отряда артековцев военных лет.

Мы увезли из гостеприимной Эстонии запах Балтики и твёрдую уверенность о возможности следующей встречи в самом Артеке, в Крыму при помощи наших новых артековских друзей.

Эта поездка запомнилась мне и тем, что довелось посетить некоторые из мест, где мне в 1944 году пришлось воевать, потерять многих боевых друзей. Всё изменилось неузнаваемо, — ведь прошло с тех пор четыре десятка лет…

Артековские встречи продолжались.

Работники современного Артека приложили много усилий для проведения встречи артековцев военных лет в самом Артеке. А всевозможных препятствий было много: ведь «втиснуть» наш сводный отряд в количестве более полусотни человек в параметры Артека в разгар сезона отдыха ребят — дело не из лёгких.

Но молодцы Нинель Кузминична и её друзья, — они сделали, казалось бы, невозможное, организовав эту — давно желанную, незабываемую встречу в крымском Артеке.

В приглашении оргкомитета говорилось:

> *«Дорогой товарищ! Много событий вписано в историю нашего Артека за 58 лет его существования. Свидетелями и участниками самых трудных, значительных и незабываемых из них были вы — артековцы военных лет. Сегодня звуки звонкого пионерского горна зовут вас в АРТЕК! Встреча состоится с 25 по 28 сентября 1983 года».*

И далее сообщался подробный маршрут.

По дороге до Симферополя я старался представить предстоящую встречу, немного почему-то волнуясь и безмерно

радуясь. Все мои чувства вылились на бумагу стихотворением «Свидание с Артеком»:

Мы сегодня немного взволнованны:
На свидание с детством пришли
В этот сказочный край обетованный,
За околицей крымской земли.
Кто мог думать из нас. Что так запросто
Придём в гости «спустя» много лет?
Что услышит Артек наши рапорты,
Нашу звонкую песню-привет!

Пусть сегодня ты стал попараднее,
Но знакомого много вокруг,
Наш Артек — сторона ненаглядная, —
Неизменный и добрый наш друг!
Ты всегда ведь был в нашем сознании,
В наших чувствах, поступках, судьбе!
По всей жизни прошли с твоим знаменем,
Наш Артек — салютуем тебе!

Но сама встреча с друзьями и с крымским Артеком превзошла все мои представления.

На базе Артека в Симферополе каждый попал в тёплые объятия друзей. Сводный отряд наш пополнился литовскими ребятами, прибыл из далёкого Ангарска Яша Олеснюк с семьёй, Иза Рохленко — с Черноморского побережья Кавказа (она работала несколько лет вожатой в Артеке после войны, пройдя хорошую школу в Белокурихе).

Прибыла из Ленинграда жена Володи Смелова — Тамара, нам было очень приятно с ней познакомиться и подружиться.

В Эстонской группе появились, наконец, Тамара Кончевская (Васильева), из Севастополя примчался полковник Жора Костин.

В автобусе до самого Артека звенели наши песни. Природа пробовала остепенить наши чувства и радость, встретив в горах нас густым снегопадом и грозой.

Мы успели выучить две современные артековские песни — «Артековец всегда» и «Абсолют», которые спели при въезде на территорию Артека.

…На несколько дней мы окунулись в жизнь Всесоюзного пионерского лагеря Артек, испробовав от подъёма и зарядки до самого отбоя все его прелести и новшества.

Мы осмотрели все его достопримечательности: посетили музей Артека, где был кратко представлен и наш период, клуб интернациональной дружбы, музей космонавтики, дом-музей З. П. Соловьёва — основателя Артека, были на приёме у руководства Артека, присутствовали на конкурсе современного танца с участием вожатых лагеря, каждый из нас посадил деревце на аллее дружбы в Горном лагере — в память о нашем здесь пребывании.

Все мы побывали на встречах с отдыхающими пионерами, рассказав им о нашей — самой длинной в истории Артека — военной смене. 28 сентября состоялся торжественный сбор артековских поколений на костровой площадке Прибрежного лагеря, на котором мы были всеобщим центром внимания. Всё было очень торжественно и официально. Это была настоящая эстафета артековских поколений.

Я отдал рапорт:

— Товарищ заведующий отделом методической работы Артека: Сводный отряд артековцев военных лет на торжественный сбор «Артековец всегда» — построен!

Нас попросили в центр площадки к установленным микрофонам. И мы поведали, волнуясь, конечно, многотысячной пионерской аудитории и многочисленным гостям о своей необычной артековской смене военного периода, о нашей крепкой дружбе и о том, кто мы сегодня. Мы пели артековские песни, Толя Пампу и Марите Растекайте прочли мои стихотворения.

А юные пионеры подарили нам прекрасный концерт.

И шум морского прибоя, и силуэт Аю-Дага, и скалы и море, и эта ликующая костровая площадка, — всё напоминало о далёком 1941-м, о таком же чудесном празднике и, казалось, что это — его продолжение, что ничего за эти годы не изменилось, да и вообще — не было никаких прошедших лет, что мы в пионерском возрасте и ничуть не состарились.

Да, так оно и есть! Чувства военных артековцев не состарились и не состарятся никогда! Артековский закал очень крепок, он отлично выдержал испытания временем!

На прощальном вечере в молодёжном кафе Елизавета Львовна Квятницкая — или просто Лиза — гостья из родного Алтая, предложила:

— Следующую встречу проводим в Белокурихе!

Ребята зашумели, посыпались предложения:

— Давайте лучше в Волгограде!

Мнения разошлись. Пришлось голосовать. Принято общее решение: встреча в следующем году состоится в Белокурихе, —

победил алтайский вариант!

Прошёл год…

Снова звучат позывные артековского горна, зовущие на встречу в Алтайский край, в сентябрьский облепиховый сезон!

Всё отступило на задний план: и начало занятий в школе, и организация шефской помощи колхозу, не стало помехой и дальнее расстояние, и пошатнувшееся здоровье не совсем юных артековцев.

…Барнаул встречал гостей.

Елизавета Львовна — добровольный организатор встречи и её первый инициатор — встречала прибывающих в аэропорту, на железнодорожном вокзале, — никто не ускользнул от её внимательных и радостных глаз, — все были доставлены в чудесную гостиницу, всех ожидали тёплые объятия друзей на гостеприимной алтайской земле. Всего лишь год мы не виделись, но успели соскучиться друг по другу, поэтому были рады выслушать каждого, поинтересоваться здоровьем, поделиться семейными новостями.

— Ты, Лёля, ещё не бабушка:

— Как нет, — уже, есть внучка!

— Ну, молодец, пускаешь корни!

Петя Коцман, как всегда, прибыл с прелестной женой Дусей.

— Как вам удаётся не стареть? Откройте секрет!

— Ну да, — как не стареем: у нас уже внук растёт, новые титулы получили — дед и бабка!

Прибыли ребята из наркомздравовской группы из Москвы.

— А меня вы помните? — изящная женщина пытливо смотрит на нас. — Вам трудно меня вспомнить, — я из московской группы…

Что-то знакомое припоминается в её облике, но имя…

— Таня Гулевич! — подсказывает не вытерпевшая Майя Рогозина.

После осмотра фотографий из семейного альбома Тани окончательно вспомнили эту способную в учёбе девушку, досрочно сдавшую на «отлично» экстерном программу за два старших класса и раньше других уехавшую в родную Москву. Таня стала актрисой, сейчас Татьяна Ильинична — заслуженная артистка СССР, преподаёт в студии МХАТа.

Дополнительные сведения о последнем периоде жизни артековца Володи Аас сообщила прибывшая с далёкого Сахалина бывшая его пионерка из алтайского Артека — Надя Хоботова.

Володя преждевременно ушёл из жизни, но навеки остался в памяти друзей-артековцев, своих воспитанников и всех, кто его

знал.

Всем было приятно познакомиться с новым членом нашего артековского коллектива — Ниной Владимировной Смоловой. На встречу она приехала с мамой — Тамарой Петровной.

— Ниночка — вся в папу!

— Потому что я — папина! — отшучивается она. — С нетерпением ожидаю встречу с родной Белокурихой — ведь я там родилась!

— Это — здорово, что приехала! А папа, почему не приехал?

— Не смог, здоровье пошаливает. Но он всем вам передаёт горячий артековский привет!

— Большое спасибо, Ниночка! Папе тоже передай наш общий привет и пожелания: не болеть и не стареть!

— Спасибо, обязательно передам!

В прошлом году мы были гостями крымского Артека, а на алтайскую встречу оттуда прибыла Нинель Кузьминична Мирошниченко, принявшая в ней самое активное участие с присущей ей энергией, как истинный член нашего сводного отряда.

Вместе с ней прибыла съёмочная группа с украинской киностудии, возглавляемая Борисом Михайловичем Арсеньевым. Их целью было отснять нужные кадры для создания фильма к 60-летию Артека.

Скажем наперёд: поработали они славно!

Из Кишинёва тоже прибыли кинорепортёры, — чувствовалась забота нашего артековца Степана Ивановича Лозана.

На следующий день мы знакомились с достопримечательностями краевого центра. Впечатляющим, трогающим до слёз восстал перед нашими взорами мемориальный комплекс алтайцам — героям Великой Отечественной войны. На каменных плитах — тысячи фамилий погибших на фронте. Мы с волнением осматривали бесконечный список.

А вот и мой друг-однополчанин — Петя Крюков, которого после его геройской гибели мы похоронили на эстонской земле в Лавровской волости.

— Вот и встретились с боевым другом на его родине…

Я не смог объяснить подробностей артековцам — мешал комок в горле…

Увлекательным повествованием экскурсовод познакомил нас с историей развития горнодобывающего дела в старом Барнауле, показала сохранившиеся демидовские строения, дореволюционные архитектурные памятники, ужившиеся с новыми красивыми современными зданиями на Октябрьской

площади и проспекте имени В. И. Ленина. Что и говорить — красив и величественен сегодняшний Барнаул!

А потом была волнующая встреча с учащимися и педагогами средней школы № 55. Всё было трогательно: и подготовленные учащимися рассказы о военном Артеке, и несмелый дуэт школьников, поддержанный нашим дружным импровизированным хором, и воспоминания артековцев об алтайском периоде, и…

Ведущая объявила:

— Уважаемые гости, мы вам приготовили приятный сюрприз: вас приветствует бывшая артековка, которая отдыхала в Белокурихе вместе с вами.

Действительно, мы были приятно удивлены!

Из глубины сцены к переднему краю вышла взволнованная женщина:

— Дорогие артековцы… — голос её срывался, она ежеминутно вытирала глаза. — Я вас ожидала сорок лет, а в последние дни просто не могла уснуть… Вот, когда вы входили, я сразу узнала Валю Трошину, ведь мы с ней ходили в один класс, хотя жили в разных корпусах: вы — в третьем, а мы — алтайские артековцы — в соседнем четвёртом.

Бывшие подруги тут же на сцене обнялись, и Римма, тогда худенькая девочка, а теперь уважаемая учительница географии, никак не могла успокоиться, как и все остальные на сцене.

Рима стала членом нашего сводного отряда артековцев военных лет, и все последующие дни была с нами.

Потом мы осмотрели Зал воинской славы, школьный музей, отдельные учебные кабинеты, вкусно пообедали в школьной столовой. Везде угадывалась большая работа сплочённого коллектива школы № 55, проделанная к встрече с артековцами.

Гостеприимство, с которым нас здесь принимали, убедительно свидетельствует, о том, что нас здесь помнят, что нас ожидали и увлечённо готовились к встрече. Спасибо вам, дорогие члены дружного коллектива школы № 55 за теплоту ваших сердец, от всей души — спасибо!

А потом была тёплая встреча с «Искоркой», с нашей дорогой Олей Морозовой и другими членами поискового штаба. Им мы обязаны своим «вторым рождением»: это они, тогдашние пионеры, сумели отыскать многих артековцев, связать их перепиской, ставшей прологом к предстоящей серии встреч.

Как же их не благодарить за это!

Оля Морозова — аспирантка Барнаульского пединститута — от имени всех членов «Искорки» проникновенно сказала:

— Вы — люди, которых мы так долго искали. Мы вас всех знаем с детства, оно было у нас счастливым и ярким, благодаря поиску, настоящему делу, которым мы занимались. Если бы вы знали, как мы ждали каждое письмо! Вы — как родные для нас!

Очень верно сказала Оля: действительно мы стали душевно богаче, познакомившись с искрятами, такими же неугомонными, как все артековцы!

Мы обменялись песенными сувенирами: они пели свои песни, артековцы отвечали своими! Это была настоящая эстафета поколений, праздник молодости и товарищеской верности!

Вечером мы продолжили свой путь к Бийску, и под стук вагонных колёс старались представить встречу с родной Белокурихой. 40 лет! Неужели ничего не осталось от прежней — нашей Белокурихи? Она укрыла нас от войны, там прошла наша неспокойная юность…

Наш автобус проехал по мосту через Бию со светящимися бакенами и вырвался на простор из узких улиц.

Над алтайской землёй медленно занималось сентябрьское утро. Переехали Катунь, миновали Смоленское. На востоке из пелены тумана медленно выползал солнечный диск. Подъезжали к Белокурихе, вдали угадывалась пирамидальная Церковка. На околице наш автобус остановился. С переднего сиденья поднялась Раиса Ивановна Берникова, встречавшая нас в Бийске, и всем объявила:

— Дорогие артековцы! Вас встречает Белокуриха! Выйдем на улицу!

Нас встретила делегация белокурихинцев. Любовь Семёновна Панарина с хлебом-солью, в сопровождении девушек в русских сарафанах, подошла в нашей группе и вручила его вожатой Тосе. Вечером за ужином, когда мы собрались вместе, Люба вспомнила:

— Подошла я к вам, а все приготовленные слова вылетели из головы, я до такой степени растрогалась, что вообще не могла говорить!

Но в действительности она сказала очень трогательные слова:

— Дорогие вы мои… Я вас сорок лет ждала… Почему же так надолго задержались? Милости просим, родные!..

И кинулась нас обнимать всех подряд, приговаривая:

— И ты тоже меня помнишь? И я помню всех!

Возле гостиницы нас встретила с цветами делегация пионеров, — всё шло по сценарию Раисы Ивановны, но всё было естественно и до невозможности трогательно.

Возле столовой произошла ещё одна встреча. На скамейке сидела взволнованная женщина в очках, пристально всматривалась в каждого из нас и с отчаянием в голосе

произнесла:

— Никого не могу вспомнить… Как же это?.. А меня кто из вас помнит?

Теперь уже мы сверлили её взглядами. Внимательно присмотревшись, не совсем уверенно я произнёс:

— Кажется, это Тася Бурыкина!

Она резко повернулась в мою сторону:

— Кто это сказал?

Я повторил своё предположение, всё более утверждаясь в правоте.

— А ты кто?

Я назвался. Тася не скрывала своего удивления и досады:

— Ну, уж кого-кого, а Алёшу я-то надеялась сразу узнать. Да, это, кажется, ты и есть!

Все дружно рассмеялись. Так вошла в наш сводный отряд Тася Бурыкина — Анастасия Михайловна Юрастова, бывшая вожатая алтайского Артека. Он стал первым звеном в её дальнейшей педагогической деятельности. Сейчас Тася — на пенсии, воспитывает внуков, живёт на БАМе.

После завтрака в новой курортной столовой, поражающей своими размерами и вкусной пищей, мы направились на митинг в честь нашего приезда. Двигались к нашим старым деревянным корпусам за мосточком. Вернее, сохранился лишь один — четвёртый корпус, в котором размещались пребывающие в алтайский Артек жители Сибири, Дальнего Востока, Урала.

На склонах ближних холмов, при нас покрытых травой и ягодниками, теперь рос сосновый лес, вдали поднимались белокаменные корпуса санаториев «Алтай», «Сибирь», «Катунь».

На небольшой площадке собралось множество людей — ученики двух средних школ, жители Белокурихи, отдыхающие курорта. Мы вышли из автобуса, построились в колонну, меня кто-то окликнул из толпы:

— Алёша! — ко мне с распростёртыми объятиями бросился полный мужчина. Лишь минуту спустя, я узнал Колю Елисеева — своего соседа по школьной парте.

— А Толя Леньшин пришёл? — быстро поинтересовался я.

— Да нет, не видать его.

Но несколькими минутами позже пришёл ещё один мой школьный товарищ и армейский однополчанин — Толя Леньшин. Его я узнал сразу, — всё такой же — крепкий, весёлый, открытый. Только после митинга удалось немного поговорить с друзьями.

Митинг открыл второй секретарь райкома КПСС А. М. Галахов:

— Сегодня наш Смоленский район, город Белокуриха

встречает дорогих гостей — артековцев военных лет! Прибыли они сюда по велению собственной памяти и по приглашению. Сегодня будет открыта мемориальная плита, которая олицетворяет символ жизни, дружбы, стойкости и Победы!

Потом выступили мы, благодарили организаторов встречи, гостеприимных белокурихинцев, алтайскую землю, приютившую и обогревшую нас в суровые военные годы.

Председательствующий объявил:

— В честь открытия мемориальной плиты поднять флаг поручается председателю сводного пионерского отряда 1941-45 годов — Алексею Диброва!

С каким благоговением смотрел я на поднимающийся наш дорогой артековский флаг!

Минутой молчания присутствующие почтили память погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Среди погибших — артековцы: вожатый Володя Дорохин, комсомольцы Гунарс Мурашко, Элмарс Велверис, Володя Катков…

Долго ещё после митинга не расходились люди с этой небольшой площадки с памятной мемориальной плитой, изумляясь теплоте встречи артековцев с помнящими их до сих пор белокурихинцами. Никто не стеснялся пролитых счастливых слёз и прерывающегося от волнения голоса.

После обеда мы были приглашены на встречу с руководителями города. В горисполкоме нас познакомили с перспективами развития молодого города-курорта, пригласили всех в удобное для нас время на отдых. Вместе мы возложили венки к мемориалу белокурихинцам погибшим на фронтах Великой Отечественной войны…

На следующий день мы познакомились с курортом, посетив громадный корпус радоновых ванн, побывали в гостях у детишек санатория «Сибирь», осмотрели санаторий «Катунь». Всё было масштабно, научно, неповторимо. Хотя оставалась нетронутой девственная красота гор, но величественные корпуса санаториев, смело шагнувшие по террасам зелёных логов, убеждали каждого, что здесь настоящим хозяином стал советский человек, ожививший горный край на благо людям.

Вечером состоялась большая и торжественная встреча в городском Доме культуры, названная организаторами встречей «От всей души». Формой проведения и содержанием она действительно очень походила на известную телевизионную передачу.

В первых рядах сидели постаревшие наши повара, няни, уборщицы, помнящие нас, сохранившие тепло своих сердец до сих пор.

По приглашению ведущей вечера Елены Каминской все, о ком шла речь в продуманном, волнующем сценарии, поднимались на сцену и уходили оттуда с букетом цветов и влажными глазами.

Потом всех артековцев пригласили на сцену, мы были приняты в почётные пионеры дружины средней школы № 1. Мы спели экспромтом несколько артековских песен, понравившихся переполненному залу.

Ребята вынудили меня прочитать стихотворение, написанное для этой встречи. Пришлось декламировать:

Родной Белокурихе

Тополя здесь белокурые,
Меж камней журчит река.
— Здравствуй, чудо-Белокуриха! —
Мы к тебе — издалека!
Через годы, расстояния
Собрала друзей ты в круг! —
Здесь артековцев свидание, —
Шум, объятия вокруг!
Все от счастья возбуждённые,
Все, как в юности, бодры,
В Белокуриху влюблённые
Ещё с давней той поры…
Полыхало время грозное
Над Артеком, над страной.
В даль алтайскую, морозную
Принесли мы вымпел свой.
И подняли в небо синее —
Пусть вот здесь живёт Артек! —
Обогретый всей Россиею,
Домом стал он нам навек!
Здесь ковалась дружба верная,
Коллектив здесь крепкий рос.
Они временем проверены
Среди бурь и среди гроз!
По мосточку, по аллеечке
В школу бегали гурьбой.
Впереди всегда шли девочки,
Малышей вели с собой.
Мы учились все напористо
И воспитывал нас труд.
Легче всем казались горести —

Был ведь рядом верный друг.
Вот запели пилы звонкие,
Застучали топоры,
И над горной всей сторонкою —
Смех задорный детворы!
Ну, а летом — в горы дальние,
Тают ягоды во рту!
Нас Церковка-изваяние
Караулит на посту!
Всё излажено, исхожено,
Всё потрогано рукой,
Только жаль, что мало прожито
У подгорья, над рекой.
Мы ушли отсюда юными
Воевать и строить вновь.
А в душе играет струнами
К тебе прежняя любовь!
Белокуриха, красавица,
Ты, как в сказке, хороша!
Удивительная здравница,
Нараспашку всем душа!
…Тополя здесь белокурые,
Меж камней журчит вода…
Не забыть нам Белокурихи
Ни за что и никогда!

Были встречи со школьниками средних школ № 1 и № 2, волнующим событием было открытие музея военного Артека в средней школе.

Много потрудилась наша общая знакомая — организатор внеклассной работы Раиса Ивановна Берникова для создания этого музея, и ещё больше — для организации встречи артековцев в Белокурихе.

В товарищеской беседе Раиса Ивановна открылась:

— Почему для меня Артек стал излюбленной темой? Наверное, потому, что мой отец и отец моего мужа Пети — погибли на войне, мы тоже стали, в какой-то мере, детьми войны. Это обстоятельство роднило меня с артековцам настолько, что я считала вас своими старшими братьями и сёстрами.

Рая тоже стала членом нашего сводного отряда артековцев военных лет. Мы поздравили её с назначением на новую должность — директора городского Дворца пионеров. Теперь она будет ближе к пионерским делам, к истории военного Артека.

Приятно было оставить вещественную память о нашей встрече в родной Белокурихе в виде аллеи дружбы во дворе школы № 2. Деревца посадили старые артековцы и юные белокурихинцы вместе с директором школы Буквиным Валерием Анатольевичем. Пусть растут дубки и сосенки на память и на радость людям!

Много приятных, незабываемых впечатлений увезли мы с гостеприимного Алтая. Нам посчастливилось побывать в селе Сростки — на родине Василия Шукшина. Запомнились экспозиции Дома-музея писателя и актёра. На одной из многочисленных фотографий Василий Макарович запечатлён сидящим босиком на берегу родной Катуни в динамичной позе: кажется, что он сейчас встанет и подойдёт к каждому, поздоровается и скажет сибирским говорком:

— Маленько устал от работы, отдыхаю вот над речкой, советуюсь с природой, как жить-то дальше будем…

Как можно забыть это всё виденное, эмоционально воспринятое, накрепко запечатлённое душой и сердцем навсегда.

Спасибо тебе, Алтай, за радость подаренной встречи с юностью, с прекрасными людьми, с друзьями по военному Артеку!

Мы были и остались воспитанниками и патриотами Артека, патриотами любимой Родины, преданными её сыновьями до конца, до останка, до последнего дыхания.

1984 г.